

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

126

ПАЛЕОЛИТ И НЕОЛИТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

126

ПАЛЕОЛИТ И НЕОЛИТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1971

Выпуск состоит из работ советских археологов, посвященных изучению проблем каменного века на территории СССР. В нем помещаются статьи, освещающие материалы новых палеолитических, мезолитических и неолитических стоянок Восточной Европы, Кавказа и Сибири. Некоторые статьи затрагивают проблемы археологической технологии. Ряд материалов, известных в литературе и прежде, освещается с новых методологических позиций. Включены статьи по палеозоологии и палеогеографии исследуемых памятников.

Книга рассчитана на историков, археологов, палеонтологов, геологов, преподавателей и студентов.

Редакционная коллегия:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Крушликова (ответственный редактор), К. Х. Кушнарера,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

О. Н. БАДЕР

ДРЕВНЕЙШЕЕ
ЗАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ ЧЕЛОВЕКОМ
В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

Послевоенный период, а в особенности 60-е годы, ознаменовались в Советском Союзе крупнейшими открытиями в области палеолита, и эти открытия совершенно по-новому осветили вопрос о пределах и отчасти о путях расселения человечества на Севере Европы в эпоху плейстоцена. Новый и очень важный для этой проблемы материал частью мало известен даже у нас и почти не отражен в недавно опубликованном 1 томе «Словаря доистории» Г. Мюллера-Карпе¹.

Позднепалеолитическая стоянка у с. Карачарова на р. Оке, почти на 56° северной широты, исследованная в 1877 г., в течение 60 лет считалась пределом расселения палеолитического человечества на север на материках Старого Света. Еще в 20-х годах самыми ранними археологическими памятниками Верхнего Поволжья и к северу от него считались неолитические стоянки, в Прикамье даже Турбинский могильник эпохи бронзы (А. В. Шмидт), затем энеолитические памятники типа Левшина, а на Вычегде и Печоре — памятники не старше II тыс. до н. э. (М. Е. Фосс). Но в 1938 г. северные пределы ойкумены палеолитического человека в Европе были отодвинуты открытием позднепалеолитической стоянки имени Галицкого на р. Чусовой². Поблизости, у Пещерного Лога, в 1939 г. были найдены архаичные отщепы и небольшое «ручное рубило» мустьерского типа³. Возможность столь далекого проникновения человека на север в области Урала — до 58° северной широты — объяснялась более континентальным климатом этих восточных территорий, обусловившим меньшее распространение льдов материкового оледенения. Но проблема путей расселения тогда серьезно не ставилась⁴.

До недавнего времени в науке господствовала якобы твердо установленная истина об отсутствии человеческих поселений эпохи палеолита на Европейском Севере и о заселении его только в эпоху геологической современности, по окончании ледникового периода. Так, в специально посвященной этой проблеме статье крупнейший советский антрополог Г. Ф. Дебец пришел к заключению, «что человек непрерывно живет на севере Рус-

¹ Н. Müller-Karpe. Handbuch der Vorgeschichte, Bd. 1. Altsteinzeit. München, 1966.

² М. В. Талицкий. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой. БКИЧП, № 6—7, 1940.

³ М. В. Талицкий. Палеолитическая стоянка Пещерный Лог. КСИИМК, вып. XII, 1946.

⁴ О. Н. Бадер. Первоначальное заселение Урала и Волго-Камья человеком. УЗ ПГУ, т. V, вып. 2, 1947.

ской равнины и в Восточной Прибалтике только начиная с мезолита. Можно считать этот вывод совершенно твердо установленным»⁵.

Основанием для такого заявления служили данные археологии о распространении древнейших человеческих поселений на Севере Европы и четвертичной геологии о распространении материковых льдов последнего оледенения. Незадолго перед Отечественной войной состояние этой проблемы было хорошо сформулировано В. И. Равдоникасом: «В течение верхнего палеолита северная часть территории Европы находилась под мощным ледниковым покровом и была недоступна для человека. Наиболее северные маденские памятники известны вблизи Перми (открыт в 1938 г.), на Оке (Карачарово), на Десне (Тимоновка, Супонево и др.), в Северной Германии (Тида, Баумансхеле и др., Ганновер, Гамбург), по нижнему течению Рейна (Мартинсхеле и др.). Если соединить эти местонахождения линией, то она пройдет несколько южнее границы вюрмского оледенения. Территорию, находящуюся к северу от этой линии, человек стал осваивать по мере отступления последнего ледника — в поздне- и послеледниковое время»⁶.

В первые же послевоенные годы выяснилась очень большая роль Кавказа как крупнейшего центра древнепалеолитической культуры на Юге СССР. В Восточной Грузии у сел. Удабно были найдены остатки поздне-третичной человекообразной обезьяны, известной под именем *Udabnopithecus garedziensis*⁷. По мнению антрополога Г. Ф. Дебеца, «удабнопитек относится к той ветви антропоидов, которая включает гориллу и шимпанзе — из числа современных обезьян, дриопитеков, рамапитеков и австралопитеков — из числа ископаемых. К этой же ветви относится предок человека»⁸. Не исключено, что удабнопитек относится к числу прямых предков человека. «Следует полагать, что южные районы СССР находились в ближайшем соседстве с зоной превращения обезьяны в человека, а может быть, и входили в эту зону»⁹.

В местности Сатани-Дар в Армении была изучена древнепалеолитическая стоянка с большими сериями ручных рубил позднешелльского и ашельского типа¹⁰ (рис. 1, 1). Крупное шелльское рубило найдено у станции Саратовской (рис. 1, 2) и некоторые столь же древние изделия в других пунктах Северного Кавказа¹¹. Накопленные материалы послужили для одних специалистов основанием для включения области Кавказа в зону очеловечения приматов¹², по мнению других, данных для этого еще недостаточно¹³. Находки ашельского времени стали гораздо более многочисленными, в том числе и на давно известном местонахождении Яштух близ Сухуми¹⁴, в 17 пунктах Юго-Осетии¹⁵, в Сатани-Даре, Арзни и Джрабере (рис. 2, 1, 2) в Армении, на Абадзехском местонахождении близ Майкопа и в других пунктах Северного Кавказа. Особенно

⁵ Г. Ф. Дебеч. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. СЭ, 1961, № 6, стр. 52.

⁶ В. И. Равдоникас. История первобытного общества. Л., 1939, стр. 261.

⁷ Н. И. Бурчак-Абрамович и Е. Г. Габашивили. Находка ископаемой человекообразной обезьяны в пределах Грузии. «Природа», 1950, № 9.

⁸ Г. Ф. Дебеч. Территория СССР и проблема родины человека. КСИЭ, вып. XVII, 1952, стр. 17.

⁹ Там же.

¹⁰ М. Э. Паничкина. Палеолит Армении, т. I. Л., 1950; она же. Шелльский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-Дар. МИА, № 39, 1953.

¹¹ С. Н. Замятин. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961.

¹² Там же.

¹³ В. П. Любин. Нижний палеолит СССР. Основные проблемы. Тезисы доклада. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1967 г.». М., 1968; он же. Краткий очерк древнего и среднего палеолита Кавказа. «Actes IV CIS», 4—5, Ljubljana, 1969.

¹⁴ И. И. Коробков. Новая находка ручного рубила на Яштухе. КСИЭ, вып. 101, 1964.

¹⁵ В. П. Любин. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии. МИА, № 79, 1960.

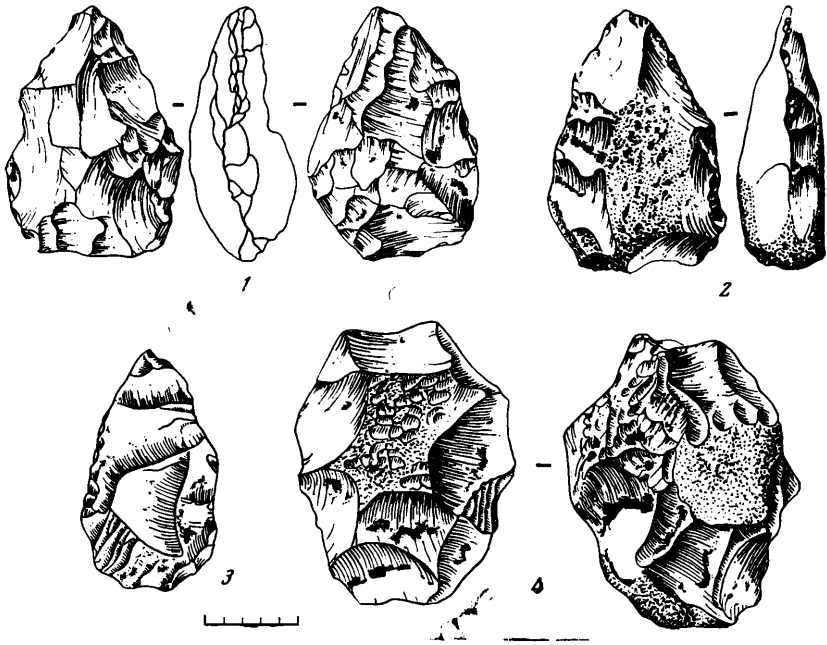

Рис. 1. Каменные орудия шельского времени

1 — Сатани-Дар (по М. Э. Паницкиной); 2 — станица Саратовская (по С. Н. Замятину); 3 — Лука-Врублевцевка (по П. И. Борисковскому); 4 — Казахстан, хребт Мал. Каратау (по Х. А. Алпысбаеву)

большое значение имеют ашельские культурные слои в пещерах Кударо I, Цонской (Юго-Осетия) и Азыхской (Азербайджан), залегавшие под отложениями мустьерского времени. В ашельском слое пещеры Кударо I впервые в СССР были обнаружены в неповрежденном виде костры и вокруг них многочисленные каменные орудия и раздробленные и обожженные кости животных¹⁶. В Азыхской пещере в 1968 г. на значительной глубине, в шестом слое вместе с ашельскими орудиями и фауной найден фрагмент челюсти человека; по предварительному определению антропологов, челюсть принадлежала неандертальцу. При отсутствии хорошо датированных палеоантропологических остатков ашельского времени значение этой находки огромно.

Вне Кавказа кремневые изделия шельского типа, и в том числе ручные рубила, были обнаружены в 1946 г. на левом берегу Днестра, в 20 км от г. Каменец-Подольска¹⁷ (рис. 1, 3).

Многочисленные находки древнего палеолита на Кавказе привели уже в середине 20-х годов к возникновению мнения о значении Кавказа как главного источника первичного расселения людей на Русской равнине¹⁸. В ашельское время, по крайней мере в эпоху развитого ашеля, в южной части Русской равнины впервые появляются несомненные следы обитания здесь человека, в частности найдены ашельские ручные рубила у Ам-

¹⁶ В. П. Любин. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия). ИВГО, т. 91, вып. 2, 1959

¹⁷ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953.

¹⁸ С. Н. Бибиков. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита. СА, 1959, № 4; он же. О южных путях заселения Восточной Европы в эпоху древнего палеолита. «Четвертичный период», вып. 13—15. Киев, 1961; О. Н. Бадер. К истории Урала и Волго-Камья в эпоху древнего и среднего каменного века. «Из истории Урала». Свердловск, 1960.

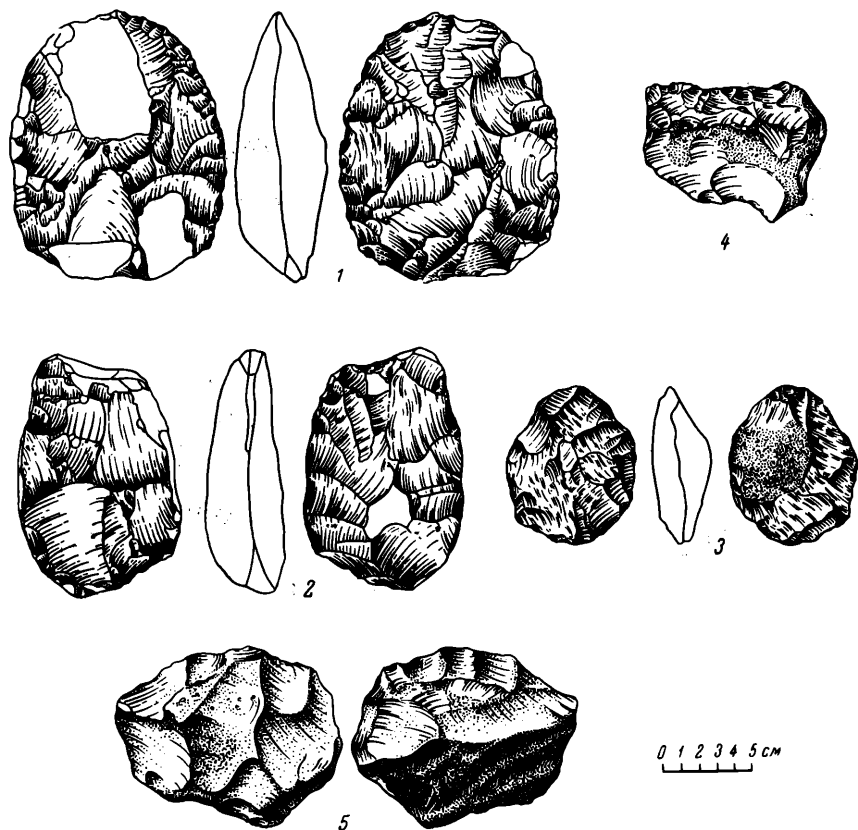

Рис. 2. Каменные орудия ашельского времени

1, 2 — Джрабер (сборы О. Н. Бадера и Л. А. Барсегяна; незаштрихованными оставлены современные сколы, сделанные при пахоте); 3 — Казахстан, к северу от оз. Балхаш (сборы Н. Б. Глуховской); 4, 5 — Герасимовка (по Н. Д. Праслову)

вросевки в Приазовье¹⁹, на берегу Волги в бывш. Самарской губернии²⁰, у с. Шубного Воронежской области, которое С. Н. Замятнин с уверенностью относит к ашелю или раннему мустье²¹, и в других местах, но в тех же географических пределах. Именно в это время, совпадающее с концом древнеэвксинского века геологической периодизации в Восточной Европе, Маньчский морской пролив, соединявший Понтийский и Каспийский морские бассейны, пересох и открыл путь на север с Кавказа с его древнейшим, шельским и раннеашельским населением. Расселение на север происходило в условиях прогрессирующего похолодания, когда началось смещение на юг ландшафтных зон, когда начали вымирать некоторые представители казарского фаунистического комплекса²². Самая возможность этого расселения была обусловлена развитием материальной культуры, изобретением способа искусственного добывания огня, видимо, примитивной одежды и элементов искусственного жилища, усовершенствованием организа-

¹⁹ С. Н. Замятнин. Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья. МАЭ, т. XIV. М.—Л., 1953.

²⁰ О. Н. Бадер. Тайны седого Урала. «Наука и человечество». М., 1966.

²¹ С. Н. Замятнин. Находки межледниковой фауны и оббитых кварцитов у с. Шубного Воронежской области. УЗ МГУ, вып. 158, 1952, стр. 60.

²² В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). «Труды Института геологических наук АН СССР», вып. 64, геол. серия, № 17, 1948.

ции коллективов первобытных охотников на крупных и стадных животных. После находки в Азыхской пещере вряд ли приходится сомневаться в том, что это великое движение к северу совершил уже не архантроп, а палеоантроп, неандертальский человек, физический тип которого сформировался на протяжении не мустьерской, а ашельской археологической эпохи.

Однако если и раньше в литературе не исключались, иногда даже предпочитались юго-западные и юго-восточные пути проникновения древнейшего населения на Русскую равнину²³, то некоторые замечательные находки последних лет показали, что роль кавказского центра древнепалеолитической культуры хотя и могла быть существенной, но не была столь велика.

В 1957 и 1958 гг. казахским археологом Х. А. Алпысбаевым в Южном Казахстане на склонах хребта Каратау (рис. 1, 4) были обследованы шелль-ашельские местонахождения Борыказган и Тонирказган и ашель-мустьерские местонахождения Токалы I—V²⁴. Почти в те же годы А. Г. Медоевым, а позднее М. Н. Клапчуком и Н. Б. Глуховской обследована серия аналогичных местонахождений в Центральном Казахстане (или Сары-Арка), к северу от озера Балхаш (рис. 2, 3) и в других районах²⁵. Каменные орудия этих местонахождений принадлежат к кругу форм древней галечниковой культуры Старого Света и не отличаются от грубого каменного инвентаря древнепалеолитических, шелль-ашельских местонахождений Юго-Восточной Азии и Африки; они близки на борыказганском этапе обработанным с одного конца галечниковым орудиям древней соанской культуры в Индии (стадии В и С), а на токалинском — поздне-соанским (стадия А); они близки также орудиям ранней культуры галек Африки (Pebble culture) и грубым рубящим орудиям (choppers) Бирмы. Ручные рубила с двусторонней обработкой из Борыказгана и Тонирказгана по форме и технике соответствуют шелль-ашельским ручным рубилам Южной Азии, Европы и Африки (рис. 1, 4). Помимо Казахстана находки орудий древней галечниковой культуры известны в Фергане и Таджикистане²⁶, например в 40 км от Красноводска, Он-Арча на Тянь-Шане, на высоте около 2500 м от уровня моря²⁷ и др.

Таким образом, выяснился факт существования древнейшей человеческой культуры в Средней Азии и, следовательно, реальная возможность заселения Сибири с юга; этот важнейшего значения факт делает излишней старую гипотезу о первоначальном заселении Сибири лишь в позднем палеолите и из Восточной Европы, выдвинутую А. П. Окладниковым²⁸. Больше того, сейчас нельзя исключать и возможность проникновения групп древнейшего населения из Средней Азии на Южный Урал и в Восточную Европу.

Здесь, в Северном Приазовье, в последние годы также были сделаны новые важные находки, поколебавшие гипотезу о заселении Северного Причерноморья в эпоху развитого ашеля. В 1959 г. Н. Д. Прасловым у Герасимовки близ Таганрога, на берегу Миусского лимана было найдено семь кремневых и кварцитовых изделий очень архаичного, раннеашельского об-

²³ О. Н. Бадер. Ранний палеолит Урала и Поволжья. УЗ ПГУ, т. VII, вып. 2, 1955.

²⁴ Х. А. Алпысбаев. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане. СА, 1961, № 1.

²⁵ А. Г. Медоев. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований. «Известия Академии наук Казахской ССР», серия общественных наук, вып. 6. Алма-Ата, 1964; М. Н. Клапчук. Первые палеолитические находки в Центральном Казахстане. СА, 1964, № 3, и др.

²⁶ В. Ранов. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965; А. П. Окладников. Средняя Азия в четвертичный период. Нижнепалеолитические памятники. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966.

²⁷ А. П. Окладников. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966.

²⁸ А. П. Окладников. Освоение палеолитическим человеком Сибири. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2. М.—Л., 1950.

лика. Наиболее интересны кварцитовый нуклеус (рис. 2, 5), по форме и технике приближающийся к грубым рубящим орудиям древнейших комплексов Кавказа, и скребло на массивном отщепе светло-желтого кремня с прямым рабочим краем, оформленным грубой ретушью (рис. 2, 4)²⁹. Каменные изделия близ Герасимовки, как и все ранее упоминавшиеся, найдены на поверхности, под обнажением; но есть основания связывать их с очень древними бакинско-чаудинскими геологическими отложениями, в которых здесь же найден и зуб *Elephas Wüsti*. Они отличаются, по Н. Д. Праслову, чрезвычайно примитивной техникой оббивки, массивностью, окатанной и сильно выветренной поверхностью, напоминая наиболее древние изделия Русской равнины из Луки-Врублевцевкой на Днестре.

Интересно, что следующая, более молодая группа раннепалеолитических находок на той же территории Приазовья и нижнего Дона залегала *in situ* и, таким образом, достоверно связывается с более низкой, древне-эвксинской террасой: это местонахождения Хрящи и Михайловское в устье Северского Донца и Бессергеновка на берегу Таганрогского залива.

Таким образом, Северное Причерноморье было заселено людьми в более раннее время, чем мы еще недавно предполагали, по крайней мере в раннеашельскую эпоху. Отсюда уже не столь далекие пути ведут нас к Луке-Врублевцевкой на Днестре и далее, к недавно открытому древнейшему местонахождению галечниковых орудий, костей человека и животных миндельского времени в Вертешселеш (Венгрия)³⁰. Местонахождения в Вертешселеш на Дунае вместе с некоторыми другими местонахождениями древнейших галечниковых орудий в Центральной Европе и гейдельбергской челюстью человека из Мауэра свидетельствуют о принадлежности не только Южной, но и Средней Европы к древнейшей ойкумене человечества. Проникновение первых людей на Русскую равнину и с этой стороны в позднешельское (Лука-Врублевцевка) и раннеашельское время представляется вполне вероятным.

На территории СССР памятники шелль-ашельского типа также относятся к дорисскому, по крайней мере миндель-рисскому геологическому времени. Этот вывод относится к ненарушенным ашельским слоям упоминавшихся кавказских пещер, например Кударо I, и, вероятно, к более ранним памятникам типа Сатани-Дара³¹.

В мустьерскую эпоху расселение на север в Восточной Европе шло уже широким фронтом, о чем говорят многочисленные мустьерские стоянки Украины и Южной России. Но северная граница мустьерских стоянок крайне неодинакова на западе и востоке, что находится в прямой зависимости от распространения материковых льдов вюрмского века, медленно и с перерывами отступавших на северо-запад, в Фенноскандию.

Вопрос о геологическом возрасте мустье до сих пор дискутируется в советской геологической и археологической литературе, хотя появились памятники с богатыми комплексами развитой мустьерской культуры, залегающие в относительно четких стратиграфических условиях, как, например, стоянка Сухая Мечетка у Волгограда на Волге; здесь хорошо выраженный культурный слой с остатками очагов и массой кремневых изделий залегал в погребенной почве на хазарских песках и был перекрыт ательскими суглинками и далее хвалынскими морскими песками и глинами³². Долгое время в СССР господствовали сформулированные еще в середине 30-х годов взгляды В. И. Громова, согласно которым мустьерские памятники в

²⁹ П. И. Борисковский, Н. Д. Праслов. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ, вып. А 1—5, 1964.

³⁰ M. Kretzoi and L. Vertes. Upper Biharian (Intermindel) Pebbleindustry Occupation Site in Western Hungary. «Current Anthropology», 1965, vol. 6, N 1.

³¹ В. П. Любин. Нижний палеолит СССР. Основные проблемы.

³² С. Н. Замятнин. Сталинградская палеолитическая стоянка. КСИА, вып. 82, 1961; В. И. Громов. Геологический возраст Сталинградской стоянки. КСИА, вып. 82, 1961

ранней части предшествуют максимальному, рисковому оледенению, а в поздней — синхронны этому оледенению. Но в последние годы ряд археологов и геологов выступил с критикой построений В. И. Громова, утверждая в согласии со среднеевропейскими и западноевропейскими исследователями гораздо более поздний, рисс-вюрмский и ранневюрмский возраст мустьерских памятников.

Крайним на Северо-Западе СССР и Европы мустьерским памятником является местонахождение у с. Хотылева на р. Десне, в районе Брянска, исследованное в 1960—1961 гг. сотрудником Брянского музея Ф. М. Заверняевым³³. Многочисленные кремневые изделия на большом пространстве залегают здесь в основании правого высокого берега р. Десны на глубине до 20 м, в слое галечника, на дне погребенной речной долины. Среди десятков тысяч собранных здесь кремневых предметов тысячи имеют вторичную обработку, и среди них типичны формы развитого мустье: ручные остроконечники, небольшие плоские бифасы и нуклеусы.

Здесь же, на Десне, но несколько южнее, еще довоенными работами М. В. Воеводского³⁴ и В. И. Громова были обнаружены мустьерские орудия в местностях Язви, Араповичи, Чулатово III, Ореховый Лог, частью вынутые из слоя; некоторые из этих местонахождений были использованы В. И. Громовым для обоснования его взглядов на геологический возраст мустье³⁵.

Недавно В. П. Любиным и И. И. Петраковым опубликован материал мустьерского местонахождения Золотариха близ г. Белева на верхней Оке³⁶.

В последние годы С. П. Потоцким были собраны весьма архаичные, возможно мустьерские, кремневые изделия еще дальше на север, в Московской области³⁷.

На востоке Русской равнины мустьерский человек продвинулся на север неизмеримо дальше. Здесь путь его последовательного поступательного движения хорошо прослеживается к северу от ашельского местонахождения в бывш. Самарской губернии вдоль долин Волги и Камы, а вернее, Пра-Камы, древней реки, бравшей свое начало на западных склонах Урала и впадавшей в Каспийское море. Таковы находки мустьерских орудий на волжских отмелях и в отложениях древнего аллювия вместе с костями животных хазарского и мустьерского комплексов на полуострове Тунгуз, в местонахождении «Красная Глинка» и в других пунктах³⁸. Далее вверх по Каме известно мустьерское местонахождение у Мысов и мустьерских отщепов, небольшого бифаса и скребловидного орудия у Пещерного Лога близ устья Чусовой (рис. 3, 1, 2). Они были найдены на поверхности, но могут быть связаны с галечниковой линзой в толще серо-голубых глин 3-й надпойменной террасы³⁹; отсюда же происходят кости *Bos*, *Elephas*, не определенных до вида, а также *Megaceros* sp. и *Saiga tatarica*; по мнению В. И. Громова, которому принадлежат приведенные определения, совместное нахождение остатков рода *Megaceros* с сайгой свидетельствует о

³³ Ф. М. Заверняев. Хотылевское нижнепалеолитическое местонахождение. Брянск, 1961.

³⁴ М. В. Воеводский. Ранний палеолит Русской равнины. УЗ МГУ, вып. 158, 1952.

³⁵ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование...

³⁶ В. П. Любин, И. И. Петраков. Мустьерское местонахождение Золотариха близ г. Белев (Тульская область). БКИЧП, № 29, 1964.

³⁷ С. П. Потоцкий. Следы раннего палеолита в бассейнах рек Оки и Москвы в Московской области. БКИЧП, № 26, 1961.

³⁸ М. Э. Паничкина. Разведки палеолита на средней Волге. СА, XVIII, 1953; она же. О работах по изучению палеолита на Волге (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС). КСИИМК, вып. L, 1953.

³⁹ М. В. Талицкий. Палеолитическая стоянка «Пещерный Лог». КСИИМК, вып. XII, 1946; О. Н. Бадер. Ранний палеолит Урала и Поволжья. УЗ ПГУ, т. VII, вып. 2, 1955.

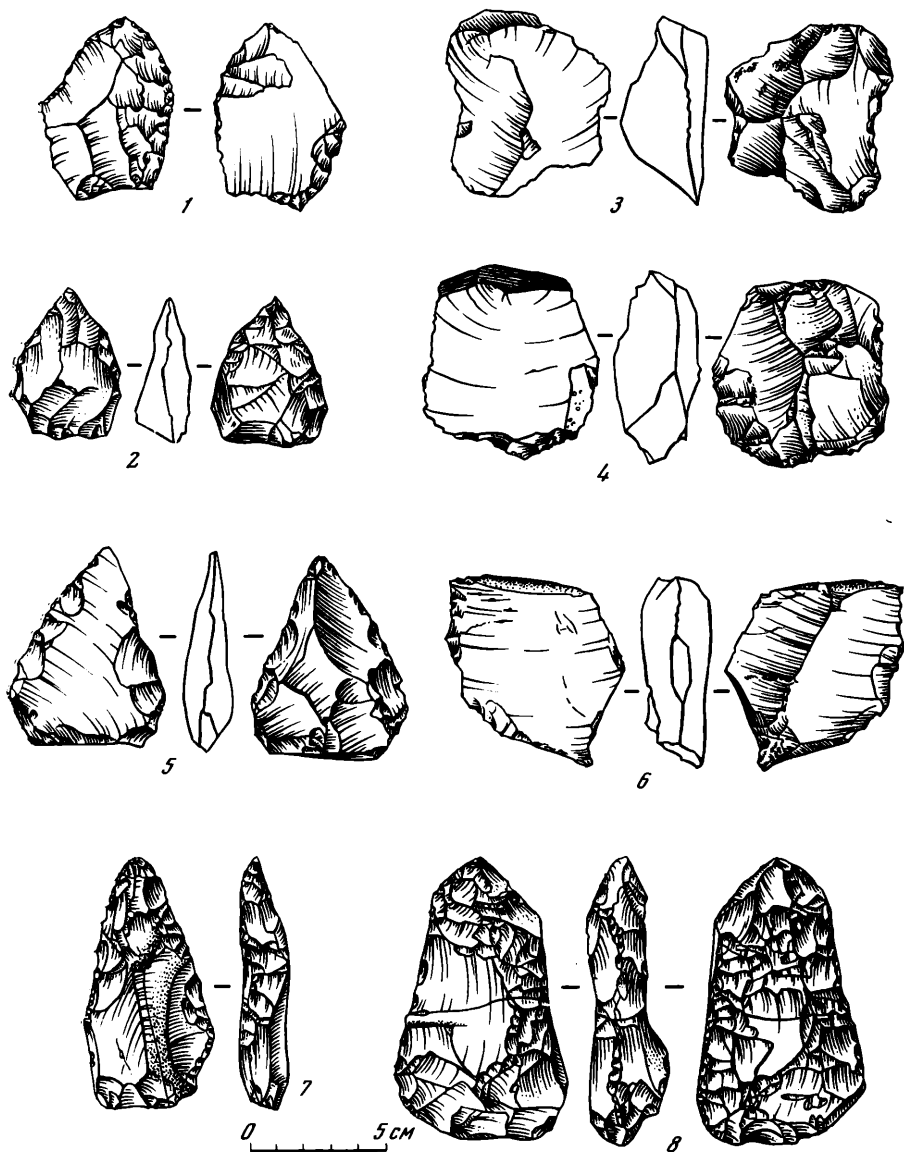

Рис. 3. Каменные орудия мустьерского времени

1, 2 — Пещерный Лог (по О. Н. Бадеру); 3, 4 — Слудка (сборы Е. М. Тимофеева); 5, 6 — Гремячево (сборы Е. М. Тимофеева); 7, 8 — Крутая Гора (по Е. М. Тимофееву и В. И. Канивцу)

наличии здесь элементов древней дорисской и раннерисской хазарской фауны.

В последние годы на Каме геологом Е. М. Тимофеевым сделаны новые находки кремневых изделий мустьерского времени, ведущие нас все дальше на север. У Слудки близ устья Обвы найдены два очень архаичных по технике, массивных, патинизированных отщеп тейякского облика со следами вторичной обработки по вогнутому краю, напоминающие изделия из Яштуха близ Сухуми, на западном побережье Кавказа (рис. 3, 3, 4); здесь же — остатки плейстоценовой фауны, пока недостаточно определенной.

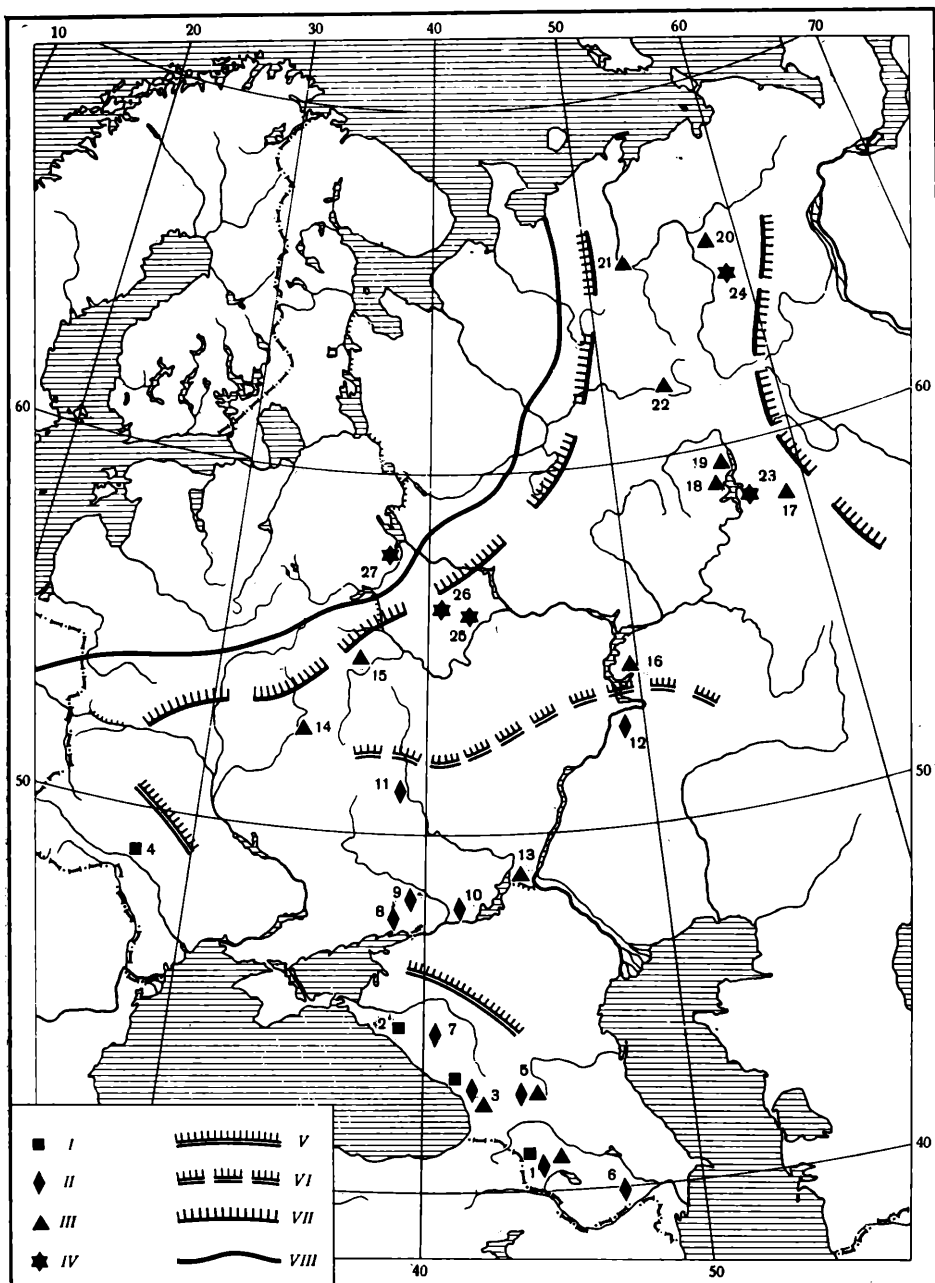

Рис. 4. Расположение палеолитических местонахождений Северо-Восточной Европы, упоминаемых в статье. Палеолитические памятники

I — шель и ранний ашель; II — ашель; III — мустье; IV — верхний палеолит. Северные пределы расселения: V — в шельское и раннеашельское время; VI — в ашельское время; VII — в мустьерское время; VIII — максимальные пределы каининского оледенения (БСЭ, 47, 1957). 1 — Сатани-Дар, Арзни, Джрабер и другие шель-ашельские и мустьерские местонахождения Армении; 2 — станция Саратовская; 3 — Яштух и другие шель-ашельские и мустьерские местонахождения на морских террасах окрестностей Сукуми; 4 — Лука-Врублевская; 5 — Кударо I, Цона, Ла́ше-Ба́лта и другие ашельские и мустьерские местонахождения Юго-Осетии; 6 — Азыжская пещера; 7 — Абадзех; 8 — Герасимовка; 9 — Амвросиевка; 10 — Хрящи, Михайловский; 11 — Шубное; 12 — в бывш. Самарской губ. (отмечено условно); 13 — Сухая Мечетка; 14 — местонахождения на Десе (Хотылево, Язви, Араповичи, Чулатово III, Ореховый Лог); 15 — местонахождения на Оке в Калужской, Тульской и Московской областях; 16 — Тунгуз, Красная Глинка и другие местонахождения в средней Волге; 17 — Пещерный Лог; 18 — Слудка; 19 — Гремячево; 20 — Крутая Гора; 21 — Усть-Цильма; 22 — Усть-Кулом; 23 — стоянка Талицкого; 24 — Бызовья; 25 — Карачарово; 26 — Сунгирь; 27 — Алтмино и Золоторучье

Еще дальше, уже на северной Каме, не так далеко от устья Вишеры, в карьерах кирпичного завода у с. Гремячева, на 60° северной широты, примерно с 1959 г. стали часто находить кости мамонта (кажется, раннего типа), сайги, зубра, северного оленя, быка, других представителей плейстоценовой фауны; здесь же оказались несколько кремней, один из которых вынут из обнажения (рис. 3, 5). Среди кремневых изделий — один великолепный, типично мустьерский ручной остроконечник с ретушью по краям со стороны спинки и следами плоской подработки со стороны брюшка (рис. 3, 5).

Все среднепалеолитические местонахождения Волги и Камы, лежащие к северу от большой стоянки Сухая Мечетка близ Волгограда, представляют собой главным образом находки на поверхности, но все вместе они рисуют путь, по которому прошли древнейшие люди вдоль Урала и Прокамы, расселяясь на север. На западе, к северу от богатого Хотылевского местонахождения на Десне ничего подобного не наблюдается, так как на северо-западе находились главные центры оледенения Европы.

Одним из наиболее сенсационных открытий последних лет в изучении палеолита Европы явились находки геологом Е. М. Тимофеевым мустьерских памятников на Печоре. Один из них, в урочище Крутая Гора, исследовался в 1967 и 1969 гг. археологическими раскопками под руководством В. И. Канивца (Коми филиал АН СССР). Местонахождение Крутая Гора находится на высоком правом берегу Печоры, южнее города Печоры, в северной тайге, выше 65° северной широты, в 175 км от Полярного круга и границы лесотундры. Здесь, в толще 40-метровой террасы, залегают два палеолитических культурных слоя. Верхний, лежащий на глубине 4,5 м в озерно-аллювиальных песках и супесях, дал несколько десятков изделий из кремня, кварца, кварцита и обсидиана, просверленный клык песка, а также кости мамонта, лошади, благородного оленя, волка, зайца, песка и фалангу кисти человека. Верхний слой с уверенностью может быть отнесен к позднему палеолиту, притом не к позднему его этапу и не к сибирскому, как стоянка Талицкого на Чусовой, а к восточноевропейскому культурному типу. Нижний культурный слой залегает на глубине 9,5 м под толщей песков, супесей и грубых суглинков, в галечнике и содержит изделия из камня и единичные кости северного оленя и мамонта (?). Находки четко локализируются в тонком, 5-сантиметровом горизонте и состоят пока примерно из 35 кремневых и кварцитовых изделий. Характерны грубые отщепы с дисковидных нуклеусов. Весьма типичны ручной остроконечник, бифас, несколько скребел и режущие орудия (рис. 3, 7, 8)⁴⁰. Форма орудий и их техника позволяют с уверенностью считать нижний комплекс Крутой Горы мустьерским, а залегание его под верхнепалеолитическим слоем не оставляет сомнения в его мустьерском возрасте. В целом мустьерские изделия Крутой Горы даже оставляют впечатление довольно архаичного мустье, но эта особенность может и не указывать на их относительно раннее время, так как здесь, на северном краю ойкумены, могла бытовать своеобразная фацис мустьерской культуры, долго сохранявшая технические черты раннего мустье. Геологический возраст галечников, вмещающих мустьерский культурный слой Крутой Горы, определяется временем борейской трансгрессии и рисс-вюрмского межледниковья. В эту эпоху, характеризующуюся относительно теплым климатом, надо полагать, и произошло первоначальное заселение Северо-Востока Европы человеком. Вряд ли придется сомневаться, что именно в это время он достиг в своем расселении Крайнего Севера.

Кроме стоянки Крутая Гора о заселении Крайнего Северо-Востока в мустьерское время свидетельствуют и другие вновь открытые местонахож-

⁴⁰ Е. М. Тимофеев и В. И. Канивец. Двуслойная палеолитическая стоянка Крутая Гора в Печорском Приполярье. АО, 1967. М., 1968.

дения того же типа, среди них на Коровьем Ручье, находящемся значительно ниже Крутой Горы по течению Печоры, близ Усть-Цильмы, и, возможно, некоторые другие⁴¹.

Усть-Куломское местонахождение, так же как целый ряд других, помеченных на опубликованной геологом Е. М. Тимофеевым карте⁴², могут быть определены с достоверностью только после их археологического исследования.

Небезынтересно отметить, что принцип вторичной обработки края мустьерского остроконечника из Гремячева на Каме и скребловидного орудия из Пещерного Лога, с подправкой со стороны раковистого излома типичен для стоянки Сухая Мечетка у Волгограда. Та же особенность отмечается и на Печоре. Это наблюдение как бы указывает на путь заселения Печорского Севера, шедший по Волге и Каме, по восточному, приуральскому краю Русской равнины.

Теперь, после открытия палеолита на Печоре и Вычегде, необходимо направить поиски и на Северную Двину, Вагу, Сухону, Юг, в пределы Архангельской, Вологодской, Костромской областей. Если в Пермской области и Коми АССР при организации поисков палеолита предпосылками для них всегда были многочисленные находки костей четвертичных животных — спутников палеолитического человека, то в бассейне Северной Двины есть также эти предпосылки, притом даже в большей степени, что иллюстрируется картой, уже более 30 лет назад опубликованной В. И. Смирновым⁴³. Необходимо полностью согласиться с мнением С. Н. Замятнина, «что, если хорошенько поискать палеолитические местонахождения на той же Северной Двине или ее притоках, разведки эти дадут нам новые стоянки в районах, где, согласно привычным представлениям, этих стоянок не может быть»⁴⁴.

Последовательный процесс заселения Северо-Запада Русской равнины, т. е. территорий, долгое время занятых медленно и неравномерно отступавшими к Фенноскандии материковыми льдами вюрмской эпохи, освещается такими новыми, наиболее северными в этом регионе верхнепалеолитическими стоянками, как Сунгирь на Клязьме близ Владимира, Алтыново и Золоторучье еще севернее, на верхней Волге, в Ярославской области. Но это иная большая тема, которой мы не будем сейчас касаться.

Три важнейших этапа в расселении людей на рассмотренной здесь территории — в шельское, ашельское и мустьерское время — иллюстрируются прилагаемой картой важнейших палеолитических памятников (рис. 4). При знакомстве с нею следует обратить внимание, что мустьерские памятники на северо-западе как бы огибают пределы максимального распространения материковых льдов калининского оледенения. В то же время они на севере входят в территорию, охваченную максимальными, днепровским и московским, оледенениями, и, следовательно, не могли с ними совпадать.

⁴¹ Е. М. Тимофеев. Усть-Куломская мустьерская стоянка на Вычегде. СА, 1968, № 3.

⁴² Там же.

⁴³ В. И. Смирнов. Находки крупных четвертичных млекопитающих в Северной области. «Труды. КИЧП», V, 1937.

⁴⁴ С. Н. Замятнин. Очерки по палеолиту. О древнейшем заселении территории СССР. М.—Л., 1961, стр. 28.

Э. А. АБРАМОВА

МИКРОНУКЛЕУСЫ В ПАЛЕОЛИТЕ ЕНИСЕЯ

Как известно, для оснащения вкладышевых орудий, широко развитых в палеолите Енисея, требовались кремневые пластинки строго определенной правильной призматической формы с параллельными краями. Их называют микропластинками, так как обычно они очень узкие (2—4 мм) и тонкие. Длина их не имела значения, поскольку в костяную оправу вставлялись не целые микропластинки, а рассеченные на короткие прямоугольные части. Обычно длина не превышает 5 см. Соответственно и нуклеусы, с которых скалывались микропластинки, могли иметь любые, преимущественно небольшие, размеры и любую форму. Объединяет их одна характерная черта: наличие на боковой грани — торце следов узких параллельных сколов, напоминающих каннелюры. Среди таких нуклеусов, которые можно объединить под названием микронуклеусов, на Енисее выделяются следующие типы: клиновидные, торцовые, карандашевидные, конусовидные, кельтовидные.

1. Клиновидные нуклеусы в свою очередь могут быть подразделены на подтипы:

А. Типичный клиновидный нуклеус, имеющий в проекции форму треугольника, сторонами которого являются ударная площадка и торец, а основанием — приостренное сколами ребро, соединяющее по дуге нижний конец торца и конец ударной площадки. Если ребро не закруглено, а имеет вид ломаной линии, то нуклеус приобретает очертания четырехугольника; соответственно торец — клиновидной формы, а ударная площадка — овальной с заостренным концом.

Б. Клиновидный нуклеус, у которого приострен только нижний конец, а край, противоположный торцу, не обработан. Торец также имеет форму клина, а ударная площадка (или поперечное сечение) — форму неправильного овала.

В. Клиновидный нуклеус, для которого в русской литературе укоренилось название нуклеус гобийского типа. У него более или менее укорочена торцовая часть и чрезмерно удлинено тело. Ударная площадка имеет вид непропорционально вытянутого овала.

2. Торцовыми нуклеусами можно назвать нуклеусы, у которых имеются следы сколов микропластинок на торце, но боковой и нижний концы не обработаны. Чаще всего они имеют четырехугольную или близкую к ней форму.

3. Карандашевидными нуклеусами обычно называют нуклеусы с параллельным ограничением, более или менее округлые в поперечном сечении, нередко с приостренным нижним концом.

4. Конусовидные нуклеусы имеют округлую ударную площадку и сходящиеся на конус грани. Сколы микропластинок производились далеко не

по всей окружности. Часто сохраняется на боковой грани галечная корка или необработанная поверхность.

5. Кельтовидные нуклеусы имеют закругленный, приостренный с двух сторон нижний конец и следы сколов микропластинок чаще всего с двух противоположных узких краев — торцов. Ударная площадка — овальная¹.

Не исключено, что все эти типы нуклеусов являются различными вариантами клиновидного: так, карандашевидный можно рассматривать как клиновидный, но с усеченным телом; конусовидный — как нечто среднее между клиновидным и карандашевидным с очень расширенным торцом и укороченным телом; торцовый — тот же клиновидный, но без дополнительной обработки. Однако все эти нуклеусы нельзя считать незаконченными клиновидными, поскольку они несомненно использовались для получения микропластинок в их настоящем виде. При классификации нуклеусов важны также форма, величина и скошенность ударной площадки.

Объем статьи заставляет ограничиться рассмотрением микронуклеусов с четырех наиболее важных из исследованных за последние годы стоянок Енисея: Кокорево I и Новоселово VI, с одной стороны, и Кокорево II и III — с другой. На этих стоянках найдено приблизительно одинаковое количество микронуклеусов, что облегчает сопоставление:

Таблица 1

Сопоставление типов микронуклеусов в палеолите Енисея

Типы микронуклеусов	Стоянки			
	Кокорево I	Новоселово VI	Кокорево II	Кокорево III
Клиновидные:				
А	18	24	12	13
Б	7	15	12	5
В	—	—	—	4
Заготовки	10	3	—	—
Торцовые	4	—	9	6
Карандашевидные	2	1	2	1
Конусовидные	1	—	3	1
Кельтовидные	5	3	1	—
Нуклеусы-орудия	—	2	1	5
Всего	47	48	40	35

На многослойном поселении Кокорево I микронуклеусы находились во всех слоях. Поскольку инвентарь не различается по слоям, рассмотрим их как единую группу. Подавляющее большинство, как и на остальных стоянках, составляют клиновидные нуклеусы. Нуклеусы подтипа А имеют довольно крупные размеры и строго выработанную, коническую форму. У наименьшего нуклеуса высота торца 3 см, размеры ударной площадки 2,1×1,2 см (6-й слой, рис. 5, 1); у наибольшего — соответственно 5 см и 4×2,5 см (4-й слой, рис. 5, 2). Высота нуклеуса часто равна его ширине или несколько больше ее; лишь в одном случае высота превышает ширину в 2 раза (4-й слой, рис. 5, 3). Толщина нуклеуса чаще всего в 2 раза меньше его ширины, но встречаются и более уплощенные экземпляры. Выделяются два крупных и очень плоских нуклеуса из 5-го слоя размерами

¹ Кельтовидные нуклеусы мало похожи на соответствующие нуклеусы каменного века Монголии, откуда происходит это название, но существенное отличие от других типов нуклеусов позволяет выделить их в особую группу.

5×4,7×0,8 см и 4,5×5,1×1 см (рис. 5, 4). Ударные площадки чаще всего прямые, подготовленные рядом круговых сколов, реже скошенные вниз, к боковому ребру. Боковой край, извилистый и неровный, приострен с одной или двух сторон намеренными сколами, но ни в одном случае он не обработан вторичной ретушью и не образует специально подготовленного рабочего края для использования его в качестве скребка.

Нуклеусы подтипа Б также различаются по форме и размерам, чаще всего очертания их четырехугольные. Нижний конец приострен намеренно, но не обработан и не мог служить орудием. Торец четко выражен, часто сработан. У одного из нуклеусов, сохраняющего на боковом крае галечную корку, торец поврежден, как видно, во время снятия микропластинок (5-й слой, рис. 5, 9).

Торцовые нуклеусы имеют очертания близкие к четырехугольным, значительную толщину, отчетливо выраженный торец и необработанные нижний конец и боковой край. Размеры их в среднем 3×3×1,5 см (2-й слой, рис. 5, 5).

2 экз. могут быть отнесены к карандашевидным, но они не представляют отчетливо выраженных форм. Один из них, округлый в поперечном сечении и с приостренным нижним концом, сохраняет на стороне, противоположной сколам, галечную корку (2-й слой, рис. 5, 6), второй скорее является заготовкой подобного нуклеуса (3-й слой).

К конусовидным отнесен один нуклеус с широкой округлой горизонтальной ударной площадкой и сходящимися на конус следами сколов с одной стороны, противоположная сторона сохраняет галечную корку (2-й слой, рис. 5, 7).

Кельтовидные нуклеусы выделены условно по наличию закругленного нижнего конца или следов скалывания микропластинок с двух противоположных торцов. Интересен миниатюрный нуклеус с крупной ударной площадкой, расположенными под острым углом к ней двумя противоположными торцами и приостренным нижним концом (3-й слой, рис. 5, 8).

В Кокорево I имеется большая группа клиновидных нуклеусов, обладающих всеми характерными чертами, но с торцовой части у них снята лишь одна довольно широкая пластина. Скорее всего, это нуклеусы в начальной степени использования. Среди них выделяются два изделия, которые представляют нечто среднее между клиновидным нуклеусом и многофасеточным угловым резцом (слои 4 а и 5).

Микронуклеусы стоянки Новоселово VI во многом аналогичны кокоревским. Для клиновидных нуклеусов также характерны крупные размеры и отчетливо выраженная форма. Размеры нуклеусов подтипа А колеблются от 2,9×2,7×1 до 6,6×5,6×2 см, причем необходимо подчеркнуть, что мелких нуклеусов всего два. Пропорции нуклеусов также близки к пропорциям нуклеусов с Кокорево I, хотя довольно часто они имеют значительную толщину. Особенно это присуще нуклеусам подтипа Б (например рис. 5, 10 и 14). Любопытно, что торцовых нуклеусов на этой стоянке нет, все нуклеусы имеют приостренный нижний конец. Ударные площадки клиновидных нуклеусов, прямые или скошенные к боковому краю, подготовлены многочисленными сколами.

Один нуклеус, по форме близкий к карандашевидным, имеет прямую округлую ударную площадку и приостренный нижний конец. Высота его 2,7 см, диаметр 1,5 см (рис. 5, 13).

Кельтовидные нуклеусы, как и в Кокорево I, выделены условно. Один из них, с торца которого только начато скалывание, размерами 4,8×5×1,7 см имеет широкий и закругленный нижний конец, подправленный с одной стороны, что, возможно, свидетельствует об использовании его в качестве орудия (рис. 5, 15).

Орудиями служили, видимо, и два мелких сработанных нуклеуса. У одного, плоского, с прямой ударной площадкой, боковой край обработан

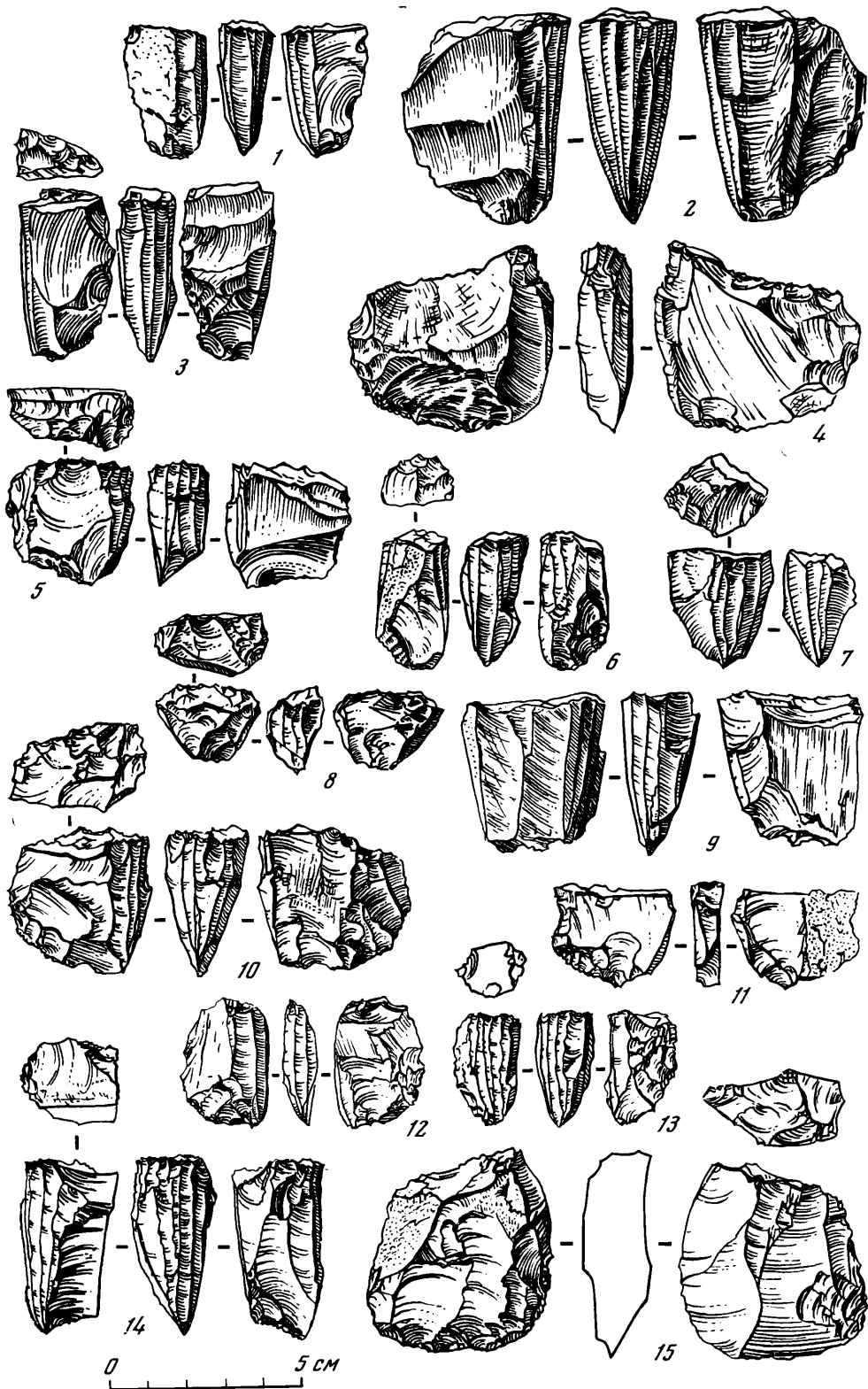

Рис. 5. Микронуклеусы со стоянок Кокорево I (1—9) и Новоселово VI (10—15)

ретушью как скребок (рис. 5, 11). Второй на широком нижнем конце имеет слегка вогнутое лезвие, как у долотовидных орудий (рис. 5, 12).

Микронуклеусы стоянки Кокорево II отличаются не только мелкими размерами, но и большим разнообразием. Они не составляют устойчивых серий, почти нет нуклеусов правильных форм. Они аморфны, атипичны. Среди клиновидных нуклеусов выделяется лишь один, который может быть отнесен к типичным, — крупный, классической, выработанной формы. Остальные клиновидные нуклеусы, обладающие признаками подтипа А, — мелкие и в большинстве своем невыразительные. Размеры их колеблются незначительно: от $1,6 \times 2,5 \times 0,9$ см (рис. 6, 1) до $2,6 \times 3,3 \times 1,5$ см (рис. 6, 2). Торцовая часть их обычно имеет форму неправильного, асимметрично расположенного по отношению к высотной оси треугольника. Боковой край извилистый и неровный, подправлен обычно лишь с одной стороны. Ударная площадка у многих нуклеусов образована сколами, идущими не с торца, а с одного из широких краев так, что ударная площадка скошена не к боковому краю, а к одной из плоскостей тела нуклеуса.

Те же признаки характеризуют и клиновидные нуклеусы подтипа Б. Они могут быть или четырехугольной формы, как плоский нуклеус, изображенный на рис. 6, 4, ударная площадка которого сильно скошена в сторону, или треугольной формы (рис. 6, 8) с широкой, также скошенной ударной площадкой, благодаря чему рабочая боковая грань нуклеуса, с которой скалывались микропластинки, расположена асимметрично.

Торцовые нуклеусы, также небольших размеров, как плоские, так и довольно массивные, имеют четырехугольные очертания. Некоторые из них обладают двумя ударными площадками (рис. 6, 6) или двумя торцами (рис. 6, 7).

Карандашевидный нуклеус укороченных пропорций, имеет прямую ударную площадку и почти сплошное скалывание по окружности (рис. 6, 3).

Из конусовидных нуклеусов более или менее выразителен нуклеус с широкой, тщательно подготовленной ударной площадкой, сколами микропластинок на большей части окружности и приостренным нижним концом (рис. 6, 5).

Кельтовидный нуклеус относительно крупный ($4 \times 2,5 \times 1,4$ см), обладает признаками вторичного использования в качестве орудия. Скалывание микропластинок производилось с двух торцов, ударная площадка вогнута, нижний конец представляет долотовидное лезвие (рис. 6, 9). Напротив, обломок треугольной пластины с ретушью по краям был использован в качестве клиновидного нуклеуса (рис. 6, 10).

Микронуклеусы стоянки Кокорево III характеризуются мелкими размерами, значительной уплощенностью и скошенной в одну сторону ударной площадкой. Размеры клиновидных нуклеусов подтипа А колеблются от $1,9 \times 1 \times 0,6$ до $3,5 \times 3,5 \times 0,9$ см. Высота их часто равна ширине, торец имеет вид узкого треугольника, боковой край приострен дугообразно или в виде неправильного угла. Ударная площадка вытянута и подготовлена многочисленными сколами, идущими не с торца, а с одной из сторон, и поэтому скошена к противоположной плоской стороне. Характерен уплощенный нуклеус с узкой, слегка вогнутой ударной площадкой, край которой подправлен мелкими сколами. На узком торце видны немногочисленные следы сколов узких микропластинок. Стороны уплощены сколами, и закругленный боковой край приострен дополнительно (рис. 6, 13). Вторым представителем этого типа служит миниатюрный нуклеус в форме равнобедренного треугольника с закругленным, приостренным боковым краем (рис. 6, 15).

Среди типичных клиновидных нуклеусов, иногда сработанных до предела, можно выделить 5 экз., у которых боковой край не только

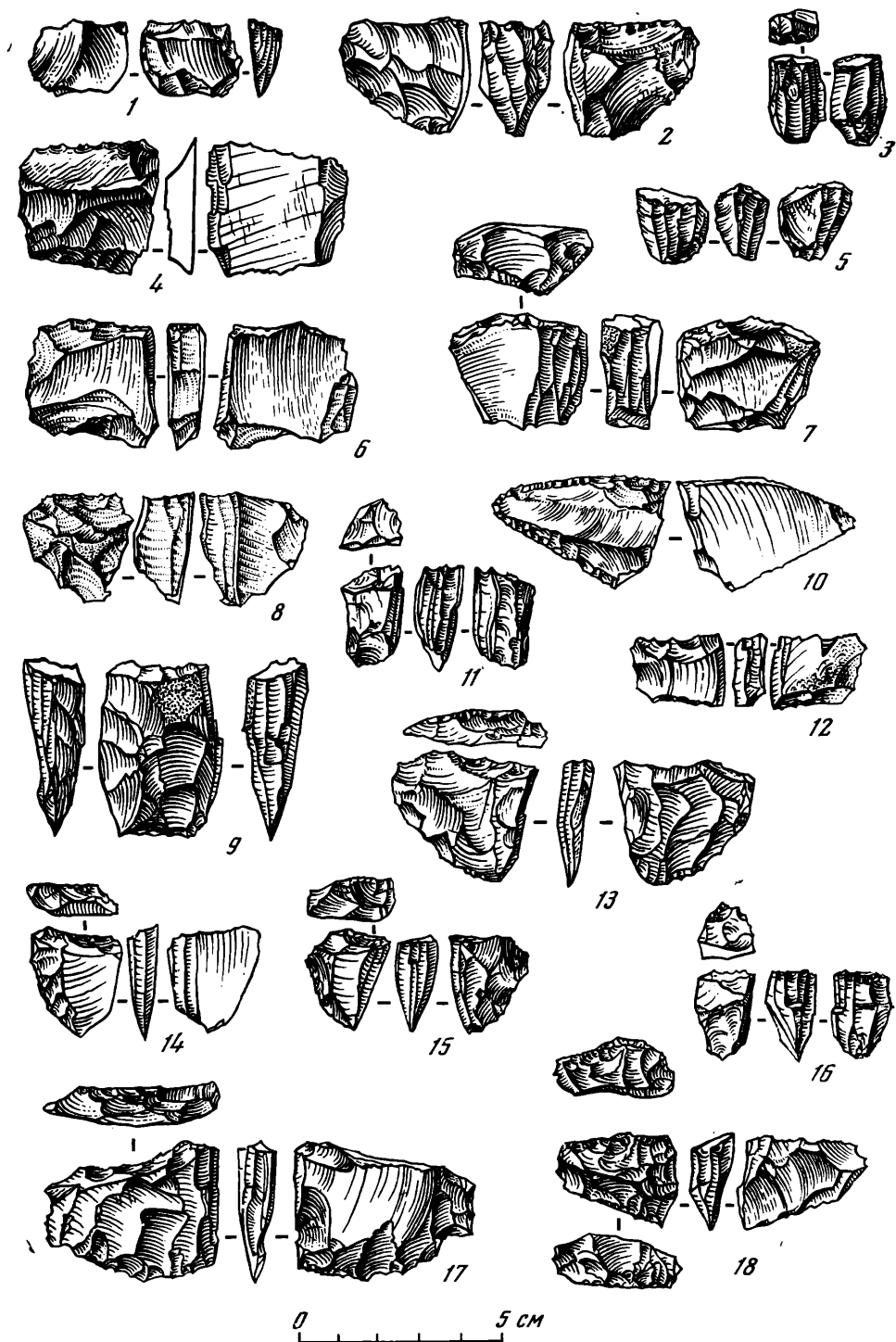

Рис. 6. Микронуклеусы со стоянок Кокорево II (1—10) и Кокорево III (11—18)

приострен, но и обработан дополнительно в виде скребка. В качестве примера упомянем мелкий нуклеус со следами сколов микропластинок на торце, использованный как скребок, поскольку боковой край его обработан ретушью (рис. 6, 14).

Клиновидные нуклеусы подтипа Б отличаются от нуклеусов подтипа А только необработанным, часто довольно толстым боковым краем. Все они обладают приостренным нижним концом и скошенной в сторону ударной площадкой, подправленной по краю.

Особую форму клиновидных нуклеусов представляют нуклеусы гобийского типа, характерной особенностью которых является вытянутость тела. Три таких нуклеуса почти одинаковы — они уплощены, узкая и длинная ударная площадка скошена в сторону, боковой край приострен с двух сторон (рис. 6, 17). Четвертый, размерами $2,1 \times 3 \times 1$ см, с тщательно подготовленной длинной и широкой ударной площадкой, сильно скошенной в сторону, имеет приостренный нижний конец, обработанный с той же стороны. Следы сколов на торце немногочисленны (рис. 6, 18).

Размеры торцовых нуклеусов колеблются от $1,7 \times 1,5 \times 0,4$ до $2,4 \times 2 \times 0,9$ см. Из них любопытен микронуклеус с двумя противоположащими ударными площадками, скошенными в разные стороны. Край, противоположный торцу, не обработан (рис. 6, 12).

Карандашевидный и конусовидный нуклеусы выделены условно. Первый, размерами $2,2 \times 1,3 \times 1,1$ см, имеет следы параллельных сколов узких микропластинок на широком торце. Нижний конец приострен не на конус, а в виде выемчатого лезвия, хотя признаков использования его в качестве орудия нет (рис. 6, 11). Второй, размерами $2,1 \times 1 \times 1,1$ см, имеет прямую округлую площадку, следы сколов микропластинок на большей половине окружности и приостренный нижний конец (рис. 6, 16).

Таким образом, классификация и краткое описание микронуклеусов показывают, что на палеолитических стоянках Енисея особенно широко представлены клиновидные нуклеусы и, напротив, чрезвычайно редки карандашевидные, конусовидные и кельтовидные. Интересно отметить, что на стоянке Кокорево II, где карандашевидные и конусовидные нуклеусы встречены в относительно большем числе, все они находились в основании мощного культурного слоя, а на поселении Кокорево I нуклеусы этих форм обнаружены только в верхних, 2-м и 3-м, культурных слоях.

Почти полная идентичность клиновидных нуклеусов со стоянок Кокорево I и Новоселово VI еще раз подтверждает высказанное ранее предположение, что эти стоянки принадлежали одной культуре или даже одной общине. Вместе с тем нуклеусы Кокорево I и Новоселово VI во многом отличны от нуклеусов как Кокорево II, так и Кокорево III, между которыми бесспорного сходства не обнаружено. Если в Кокорево II микронуклеусы в общем аморфные и атипичные, то в Кокорево III они составляют устойчивые серии. В инвентаре этих стоянок, взятом в целом, отмечаются определенные аналогии, но в деталях имеются различия, объясняемые, возможно, более поздним возрастом стоянки Кокорево III. Не случаен, видимо, тот факт, что нуклеусы гобийского типа, широко распространенные на Ангаре, в Забайкалье, Монголии и Японии, встречены на Енисее только на стоянке Кокорево III, да и то в сильно измененном виде.

За исключением одного менее выразительного изделия с Новоселово VI, только в Кокорево III найдены «нуклеусы-скребки». Это обычное ранее название для обозначения специфической формы нуклеусов в каменном веке Сибири было удачно заменено М. Э. Паничкиной на «клиновидные нуклеусы». М. Э. Паничкина показала наличие клиновидных нуклеусов и в Восточной Европе, особенно в Крыму, а также установила, что в большинстве случаев подобные изделия служили не орудиями («скреб-

ками»), а нуклеусами для получения микропластинок². Однако по инерции название «нуклеусы-скребки» продолжало некоторое время применяться для всей группы клиновидных нуклеусов. На примере изделий с палеолитических стоянок Енисея очевидно, что только наличие обработанного ретушью бокового края может указывать на вторичное использование клиновидного нуклеуса в качестве скребка. Из общего числа найденных здесь на четырех стоянках 170 микронуклеусов, которые раньше отнесли бы к «нуклеусам-скребкам», только шесть изделий могут быть названы так.

Предпринятая здесь первая попытка классификации микронуклеусов в палеолите Енисея преследует цель показать необходимость установления различных особенностей техники внутри одной группы инвентаря и в более широком плане побудить исследователей палеолита других районов Сибири к типологическим разработкам, охватывающим все формы инвентаря.

² М. Э. Паничкина. Палеолитические нуклеусы. «Археологический сборник», вып. 1, Л., 1959, стр. 57—68.

Н. М. ЕРМОЛОВА

К ИЗУЧЕНИЮ ФАУНЫ
МЛЕКОПИТАЮЩИХ ПАЛЕОЛИТА ЕНИСЕЯ
(ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА КОКОРЕВО I)

В связи со строительством Красноярской ГЭС в последние годы в районе будущего водохранилища в долине Енисея Красноярская археологическая экспедиция проводит работы по изучению памятников различного времени, в том числе исследуются и поселения эпохи палеолита. Раскопки наиболее крупного из исследуемых верхнепалеолитических поселений — Кокорево I (Забочка) производились в 1961—1963 гг. палеолитическим отрядом экспедиции под руководством Э. А. Абрамовой. Эта стоянка древних охотников расположена на левом берегу Енисея в 230 км выше г. Красноярска, на II надпойменной террасе. Культурные остатки залегают в аллювиальных отложениях на глубине 310—410 см несколькими горизонтами, разделенными стерильными прослойками. Помимо каменных орудий здесь найдено много костных остатков животных. Все кости расколоты, целыми сохранились только мелкие кости конечностей.

Как видно из табл. 1, обитателями Кокоревской палеолитической стоянки добывались многие виды животных, но основным предметом охоты

Таблица 1

Видовой состав и распределение костных остатков палеолитической стоянки Кокорево I (раскопки 1961—1962 гг.)

Вид животных	Количество костей / количество особей				Всего
	Горизонт				
	I	II	III	IV	
Лошадь	—	9/8	8/2	—	17/5
Кулан	—	1/1	10/1	—	11/2
Зубр	1/1	4/2	8/2	—	13/5
Архар	—	3/2	40/2	2/1	45/5
Косуля	2/1	2/1	—	—	4/2
Благородный олень	26/3	19/1	18/1	—	63/5
Северный олень	83/6	433/13	454/8	20/2	990/29
Волк или собака	8/1	5/1	5/2	—	18/4
Заяц-беляк	6/2	212/10	172/7	9/2	399/21
Полевка обыкновенная	—	—	3/1	—	3/1
Полевка, вид не опред.	—	1/1	1/1	—	2/2
Птицы	—	—	3/1	—	3/1

Итого: 1568 костей от 80 особей

являлся северный олень, которому принадлежит большинство найденных костей, причем встречаются остатки особей разного возраста. Наряду с северным оленем на стоянке обнаружены и остатки кулана. Такое странное совмещение в одном районе животных, приспособленных к совершенно различным условиям существования, объясняется, видимо, тем, что стоянка Кокорево I была расположена на стыке ландшафтных зон. Так, в современный период окрестности дер. Кокорево представляют собой лесостепь, склоны холмов с севера покрыты березовыми колками, на южных склонах — степная растительность. В 50—60 км севернее начинается тайга, на таком же расстоянии к югу — хакасские степи. Вполне вероятно, что в конце плейстоцена тайга простиралась несколько южнее, и тогда существование северного оленя вместе с куланом не будет казаться странным.

Сильно изрезанный рельеф окружающей местности с довольно высокими и крутыми холмами и преобладающие степные ассоциации являлись подходящими условиями для существования здесь горного барана-аргали. Наличие достаточного количества древесной и кустарниковой растительности давало возможность обитать в окрестностях стоянки таким животным, как благородный олень и косуля, а также заяц-беляк, основным кормом которого являются молодые поросли древесной растительности. На стоянке встречается много нижних частей заячьих конечностей, кости которых почти всегда находятся в анатомическом порядке. Можно предположить, что древние охотники снимали шкурки с зайцев тем же способом, какой практикуется и у охотников в настоящее время, т. е. сперва отрезают кисти на уровне запястья, затем шкурку подрезают на задних конечностях вокруг предплюсны и вдоль внутренней поверхности бедра и снимают с туловища чулком. Лапки обычно выбрасываются, так как шкурка с них снимается с трудом и мяса на кистях и плюснах нет.

Добычей древних охотников становился и обитавший в долине Енисея зубр. В 3-м горизонте стоянки Кокорево I был обнаружен фрагмент левой лопатки зубра с плотно застрявшим в нем костяным наконечником дротика или копья. Пробита насквозь кость толщиной 1,6 см, но нужно учесть, что только 0,5—0,6 см представляют плотную костную ткань диафиза лопатки, а остальное — пористая часть мозговой полости кости.

Судя по величине найденной лопатки, ископаемый зубр был значительно крупнее современных (рис. 7), хотя возраст его и не превышал 7,5—8 лет, так как надлопаточный хрящ еще не прирос. Высота в холке

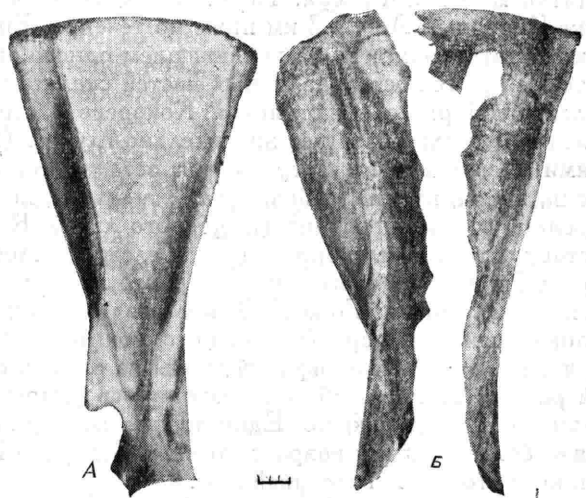

Рис. 7. Левые лопатки зубров
 А — современного (Беловежская Пушча);
 Б — ископаемого (Кокорево I)

этого животного была примерно 190—200 см. Так как наконечник орудия застрял в теле зверя на высоте 150—160 см от уровня земли в положении, перпендикулярном оси тела животного, можно предполагать, что копые было брошено высоким человеком. Возможно, что охотник скрадывал зверя и, стараясь попасть в область сердца, метил под лопатку, но промахнулся. Наконечник орудия, найденный в лопатке зубра, и аналогичные ему делались из рогов северного оленя. Такой выбор материала объясняется тем, что роговая ткань оленей более вязка, чем кость, и менее подвержена раскалыванию при ударе.

Зубр был одним из объектов охоты человека в Южной Сибири не только в палеолите, но и в более позднее время. На берегах Енисея, в Хакассии, этот зверь обитал еще в конце неолита, а в Прибайкалье кости зубров встречаются в поселениях человека и в более позднее время¹.

Художественное творчество первобытных людей сохранило до наших дней выразительные изображения зубра. На теле некоторых животных, часто в области лопаток, имеются различные копыевидные или зубчатые знаки, трактуемые иногда как гарпуны, поразившие животное. Так, немецкий археолог А. Руст, исследовавший позднепалеолитическую стоянку Северной Германии — Мейендорф и собравший на ней лопатки северного оленя с пробитыми в них отверстиями, дает реконструкцию того, как было убито животное. В одной из своих работ² он поместил изображение такой лопатки с вставленным в отверстие наконечником гарпуна, найденного отдельно на этой же стоянке. Судя по форме этого наконечника и выемке на его нижнем конце для привязывания линия, ясно, что подобное орудие могло употребляться только для добывания крупных рыб или водных млекопитающих и не могло использоваться как наконечник копья или дротика. Само предположение о том, что на таких животных, как зубр и северный олень, охотились с помощью гарпунов, — совершенно невероятно, ибо применение гарпуна возможно только при охоте на животных, обитающих в водной среде, так как сила сопротивления животного при опоре о твердый субстрат возрастает во много раз по сравнению с силой сопротивления при опоре о воду. Мы не знаем из этнографии примеров охоты с применением типичного гарпуна на сухопутных животных, за исключением тех, которые большую часть времени проводят в воде (бегемот, выдра).

Интересно отметить, что, несмотря на большую площадь раскопок и значительное количество костей, в Кокорево I совершенно отсутствуют остатки мамонта и песца. Такой же видовой состав млекопитающих на стоянке Киперный Лог, в 2 км ниже по течению Енисея. Здесь также отсутствуют остатки мамонта, за исключением одного окатанного фрагмента ребра. В то же время кости различных частей скелета мамонта встречаются в расположенной рядом со стоянкой Кокорево I стоянке Тележный Лог³, где культурный слой залегает значительно глубже (570—600 см). Вместе с костями мамонта здесь встречаются остатки северного оленя, благородного оленя, зубра, кулана, сайги, аргали, медведя, песца, зайца. Найден нижний коренной зуб и тигрольва (пещерного льва). Как ясно видно по видовой составу остатков млекопитающих, Тележный Лог сильно отличается от Кокорево I и аналогичного ему Киперного Лога и сходен в этом отношении со стоянкой Афонтова Гора II. Такое различие в фаунистическом составе расположенных близ дер. Кокорево стоянок невозможно объяснить какой-либо случайностью или спецификой охоты на определенных животных у обитателей разных стоянок, ибо они находились рядом и условия охоты, следовательно, были одинаковы. Единственно возможное объяснение этого явления — более поздний возраст стоянок Кокорево I и Киперный Лог по сравнению со стоянкой Тележный Лог.

¹ Н. М. Ермолова. О фауне млекопитающих эпохи палеолита и неолита Прибайкалья. «Материалы по этнографии», вып. 3. Л., 1963, стр. 44.

² А. Rust. Das altsteinzeitliche Rentierjagerlager Meindorf. Holstein, 1937, стр. 108.

³ Раскопки З. А. Абрамовой, 1962—1963 гг.

И. В. ГАВРИЛОВА

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ГАЛИЧСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И ГАЛИЧСКОГО КЛАДА

Известный Галичский клад был обнаружен на северо-восточном берегу Галичского озера, у дер. Туровское в 1835 г.¹ Обстоятельства находки не известны. Клад состоял из предметов украшения (браслеты, подвески), вислообушного топора, ножей, кинжала с зооморфным изображением на рукояти, нескольких антропоморфных фигурок и головок, зооморфных фигурок, а также предметов непонятного назначения², изготовленных из бронзы.

Оригинальная находка неоднократно привлекала внимание археологов. И. Р. Аспелин включил клад в круг алтайско-уральской бронзы³; к медному веку Средней России относил его А. А. Спицын⁴. Большое значение для изучения Галичского клада имели исследования А. М. Тальгрена, который произвел раскопки на месте его находки и открыл там следы древнего поселения (Туровское), давшего интересный материал: разнообразную керамику, каменные орудия, среди которых имелись фатьяновские шлифованные топоры, железный ножичек. А. М. Тальгрэн подразделял керамику на два типа: обломки тонкостенных сосудов с плоско-закругленным дном, орнаментированные лишь в верхней части, очень близкие фатьяновским, и фрагменты сосудов из более грубого глиняного теста, сплошь покрытые орнаментом, похожие на гребенчато-ямочную неолитическую керамику Карелии и Финляндии. Обе группы составляли одну культуру, которую он относил, как и Галичский клад, к XIV—XI вв. до н. э.⁵ Несколько позже Н. Н. Бортвин включил клад в абашевскую культуру и датировал его XII—XI вв. до н. э.⁶

В начале 20-х годов текущего столетия раскопки Галичской стоянки производились В. И. Смирновым и Л. Н. Казариновым. Отчет В. И. Смирнова содержит глубокий анализ добытого ими материала⁷. Исследователь констатирует большое разнообразие находок. Например, в керамике он выделяет шаровидные высокошейные, низкошейные, цилиндрические

¹ Архив ЛОИА, ф. 46, д. 21, л. 1.

² А. А. Спицын. Галичский клад. «Зап. отд. Русск. и слав. археологии РАО», т. V, вып. 1, 1903, табл. XXIV—XXXI.

³ J. R. Aspelin. Suomalais-ugrilaisen muinaistutkinnon alkieta. Helsinki, 1875, стр. 65—106; он же. Antiquités du Nord Finno-ougrien. Helsinki, 1877, стр. 45—47.

⁴ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 104—110.

⁵ «Известия XV археологического съезда в Новгороде». М., 1911, стр. 137; А. М. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, II. Helsinki, 1926, стр. 140—141.

⁶ N. N. Bortwin. The Verkhny-Kizil Fund. ESA, III. Helsinki, 1928, стр. 122—131.

⁷ Архив ЛОИА, ф. 46, д. 21.

сосуды с округлым дном, подчеркивая при этом отсутствие плоских днщ и сплошное расположение орнамента на поверхности сосудов. В. И. Смирнов подтверждает большое сходство некоторых фрагментов галичской посуды с фатьяновской, но в то же время выделяет группы керамики, аналогии которым находит в стоянках Бологовской, Ладожской, на Донце и даже в дьяковской культуре. Он полагал, что обитатели Галичской стоянки одновременно использовали орудия из камня, меди и железа. Отличительной чертой каменного инвентаря В. И. Смирнов считал отсутствие ножевидных пластин и топоров фатьяновского типа, упоминая в то же время о неоднократных случаях их нахождения в Костромском крае. Несмотря на разнообразие вещей, «...все они принадлежат к одной культуре, так как все они встречаются на одной глубине вперемежку между собою и нигде не заметно резкого разграничения слоев»⁸. С точки зрения В. И. Смирнова, на Галичской стоянке либо представлен продолжительный период жизни первобытных людей от неолита до начала железа, когда одна культура генетически перерастает в другую, либо памятник в целом следует датировать более поздним временем, рассматривая неолитические предметы и медь как пережиток⁹.

Подобное определение галичской культуры объясняется тем, что в тот период в археологии господствовал взгляд о синхронности материальных остатков, найденных в одном культурном слое, тем более что Галичская стоянка, как и большинство костромских памятников, содержит материалы различных эпох, не разделенные стратиграфически.

К галичской же культуре В. И. Смирнов причислял и клад. Датирует он Галичскую стоянку и клад XIII—XII вв. до н. э.

В 1924 г. этот памятник исследовал В. А. Городцов. По той же причине, что и В. И. Смирнов, он относил все добытые материалы и клад к одной, галичской, культуре, которая «...характеризуется употреблением железных, медных, бронзовых и каменных орудий»¹⁰. Экономической основой хозяйства служили рыболовство и охота, возможно, зачатки земледелия и скотоводства. В. А. Городцов отметил связи галичской культуры с Гальштадтом и, что особенно важно, с Уралом. Он полагал, что раскопками установлена связь клада с древним поселением, о чем свидетельствовали, по его мнению, найденные в землянках медный нож и спиралька, а также бронзовая пластинка с пробитым отверстием, залегавшая над культурным слоем. В. А. Городцов датировал Галичскую стоянку и клад VIII в. до н. э.¹¹

Позже керамика, аналогичная посуде галичской культуры, была обнаружена при раскопках на дюне Умилье, в 5—6 км от Галичской стоянки. М. Е. Фосс, исследовавшая этот памятник, высказала предположение о ее более древнем возрасте как на Умилье, так и на Галичской стоянке, и отнесла клад ко времени ее бытования¹². Несколько своеобразная, но близкая галичской керамика имеется в стоянке, расположенной в устье р. Юга на юго-восточном берегу Чухломского озера¹³. Наконец, галичская керамика найдена при раскопках Федоровского поселения на северном берегу Чухломского озера¹⁴.

⁸ Архив ЛОИА, ф. 46, д. 21, л. 26.

⁹ Там же, л. 35.

¹⁰ В. А. Городцов. Галичский клад и стоянка. «Труды секции археологии РАНИОН», т. III, 1928, стр. 51.

¹¹ Там же.

¹² М. Е. Фосс. Новые памятники в районе галичской культуры. КСИИМК, вып. 17, 1947 стр. 63—69; она же. Результаты галичской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. 20, 1948, стр. 58—66; она же. Итоги галичской экспедиции. КСИИМК, вып. 26, стр. 34—39.

¹³ А. В. Эбруева. Стоянка на реке Юге Чухломского уезда Костромской губернии. «Труды секции археологии РАНИОН», вып. IV, 1928, стр. 230—240.

¹⁴ И. В. Гаврилова. Керамика Федоровского поселения в связи с новыми исследованиями. КСИА, вып. 117, 1969, стр. 76—83.

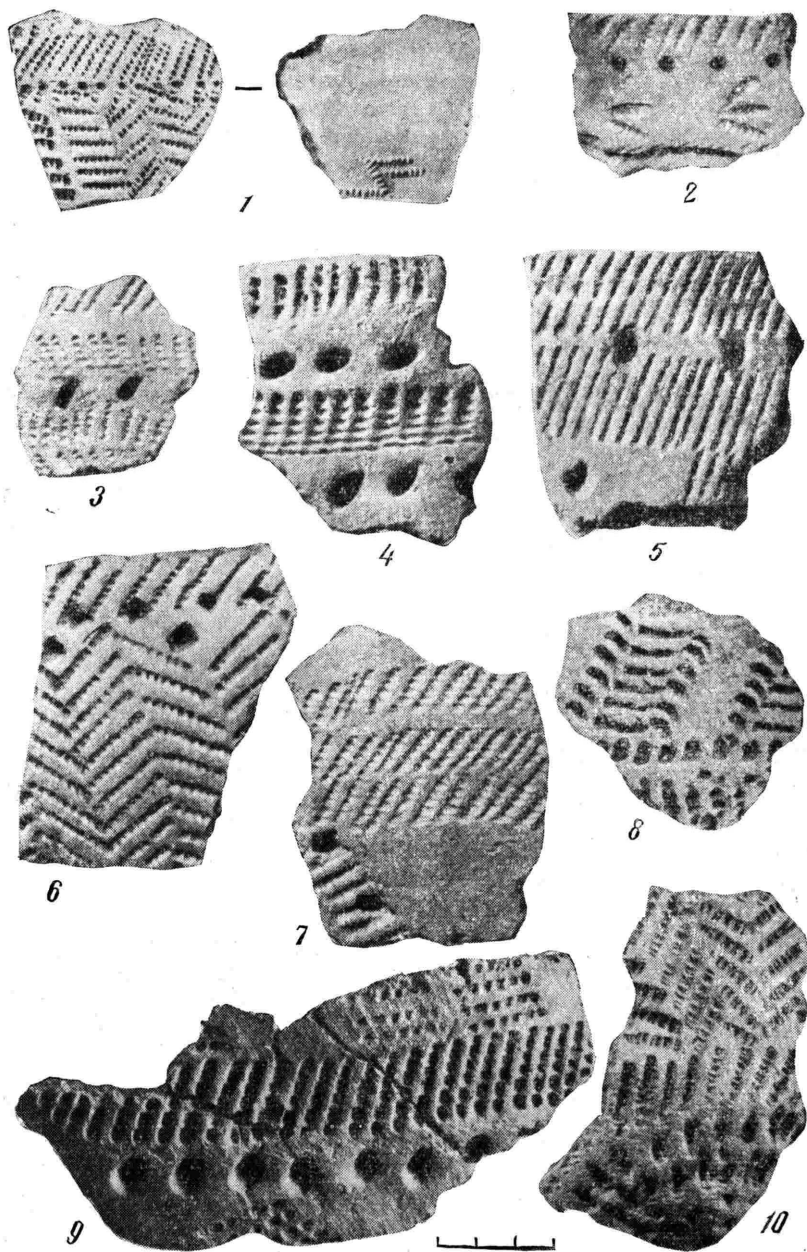

Рис. 8. Керамика галичской культуры
 1, 6, 8, 10 — Федоровское; 2, 4, 9 — Умлянье; 3, 5, 7 — Туровское

Новые данные, полученные в результате исследований в Костромском Поволжье и близлежащих территорий, позволяют по-новому рассмотреть вопрос о галичской культуре, о ее месте среди других археологических культур в лесной полосе европейской части СССР.

Остановимся кратко на ее характеристике. Галичская керамика представлена обломками больших сосудов из глины с примесью песка, иногда довольно крупных, непрофилированных, с широким горлом и округло-коническим дном. Гребенчатые отпечатки служат почти единственным элементом орнамента и лишь изредка дополняются ямчатыми вдавлениями.

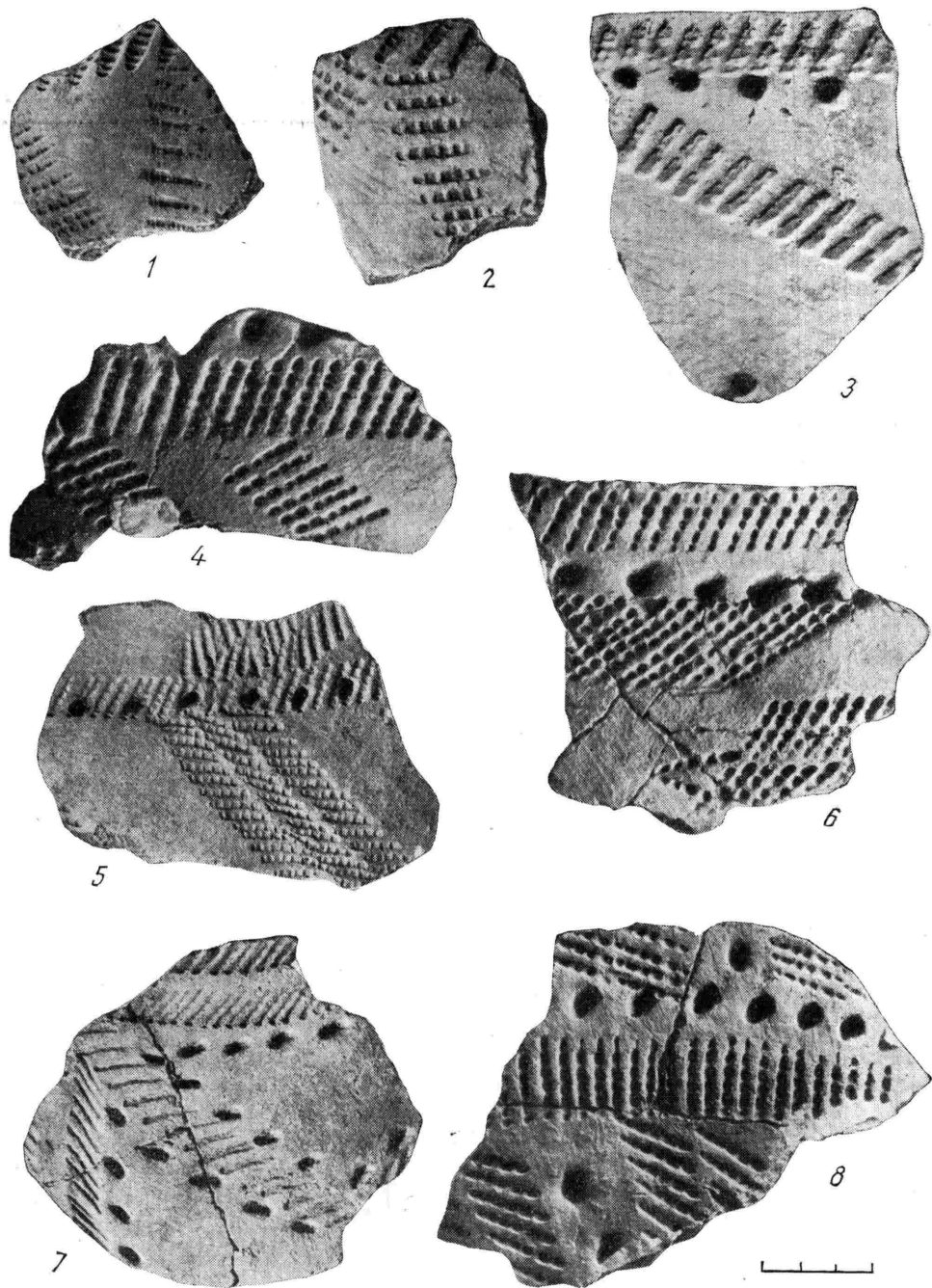

Рис. 9. Керамика галичской культуры
 1, 2 — Федоровское; 3, 5, 7 — Туровское; 4, 6, 8 — Умильня

Композиции состоят из горизонтальных и вертикальных зигзагов и узких поясков горизонтально или косо поставленной гребенки, свисающих прямых и косых лент и ромбов, гребенчатых зон, расположенных под углом друг к другу (рис. 8). Очень интересно схематичное изображение водоплавающих птиц и их лапок. Зачастую орнамент сложен, в значительной степени разрежен (рис. 9). На внутренней, реже на внешней стороне сосудов наблюдаются следы сглаживания или расчесов. Гораздо труднее выделить каменный инвентарь, так как поселений с гребенчатой керамикой сравнительно немного и их остатки встречаются вместе с иными археологическими комплексами. Тем не менее сопоставление каменных орудий памятников с гребенчатой керамикой с такими, где подобная керамика отсутствует, позволяет наметить некоторое своеобразие их каменного инвентаря.

Для изготовления орудий характерно использование отщепов кремня, применения ножевидных пластин не наблюдается. Характерными формами являются короткие, массивные тесла с асимметрично скошенным лезвием, расширенные к рабочему концу, рубящие орудия со скругленным обушком, кремневые овально-удлиненные топорики, треугольные наконечники стрел, скребки на конце уплощенных отщепов, в большинстве своем неправильных очертаний, ножи со скошенным острым концом. В отличие от инвентаря поселений с ямочно-гребенчатой керамикой здесь совсем не встречаются мелкие стамесочки удлиненных очертаний, миниатюрные скребочки и высокие скребки с ретушированной спинкой.

Датировать галичскую культуру путем сопоставления с ранее известными затруднительно, так как в настоящее время прямые аналогии ей за пределами Костромской области не известны. Сходная в той или иной степени керамика и отдельные каменные орудия имеются в поселениях позднего неолита, расположенных на территориях к востоку, северу и северо-западу от наших памятников, — на северо-востоке Башкирии в Усть-Айской, Усть-Юрюзаньской и Черкасовской стоянках, на стоянках Боровое Озеро и Кряжской в Чусовском Прикамье, в Висских стоянках бассейна р. Вычегды, на Северной Сосьве — Чес-тый-яг и Сортынья I¹⁵. Отдельные орнаментальные мотивы, близкие костромской гребенчатой керамике, главным образом геометрические, можно наблюдать на сосудах неолитических поселений Прибалтики — Кулламяги, Акали и др., а также в Сунских стоянках Карелии¹⁶.

Большое значение для датировки галичской культуры имели недавние раскопки Федоровского поселения, в результате которых получены новые наблюдения по размещению отдельных типов керамики на площади поселения и по глубинам. Раскопки показали, что галичская керамика строго локализуется в северной части мыса, на котором располагалось древнее поселение, а подсчеты по глубинам — что в культурном слое она залегает ниже волосовской, фатьяновской и сетчатой. Таким образом, стратиграфическое размещение галичской керамики свидетельствует о том, что она древнее их. Следует учесть также ее значительное сходство с ямочно-гребенчатой керамикой — одинаковый состав глиняного теста, степень обжига, форму и размеры сосудов, элементы орнамента, а нередко и композицию, в частности широкое распространение горизонтальных и вертикаль-

¹⁵ Л. Я. Крижевская. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии. СА, 1962, № 2, стр. 97—111; О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадишевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, 1951, стр. 14—32; В. П. Денисов. Кряжская неолитическая стоянка. «Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции», вып. 2, 1961, стр. 6—21; Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис. «Материалы по археологии европейского северо-востока», вып. 1. Сыктывкар, 1962, стр. 3—41; В. Н. Чернецов. Древняя история нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 10—36.

¹⁶ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Ымайыги. Таллин, 1959, стр. 127—143; А. Я. Брюсов. История древней Карелии. «Труды ГИМ», вып. 9, 1940, стр. 285—298.

ных зигзагов или поясков из косо поставленных отпечатков гребенки, чередующихся с ямчатыми вдавлениями. Перечисленные факты исключают большой разрыв во времени бытования этих двух типов посуды. Если развитую ямочно-гребенчатую керамику принято датировать временем около середины III тыс. до н. э., то галичскую можно отнести к концу III — началу II тыс. до н. э.

Вернемся теперь к вопросу о соотношении галичской культуры и Галичского клада. Новые исследования позволили уточнить время Галичского клада. Основываясь на сходстве его некоторых вещей с сейминскими и абашевскими, Б. Г. Тихонов датирует клад XIII—XII вв. до н. э.¹⁷ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, отмечая большое сходство галичских находок с абашевскими украшениями, относят Галичский клад к абашевской культуре¹⁸, определяя ее возраст второй половиной II тыс. до н. э.

Вещи, аналогичные галичским и абашевским украшениям, известны также в Прикамье: на поселении «Старушка» — очковидная привеска и так называемая лунница, напоминающая круглую подвеску с большим отверстием; такая же подвеска найдена в Выстелишне; в Базовом бору — очковидная привеска, обломок очковидной привески — в Басеньком борке¹⁹. За исключением Выстелишны, все перечисленные памятники О. Н. Бадер датирует XIV—XIII вв. до н. э. Близок по времени Сейминский могильник, кинжал которого обнаруживает большое сходство с галичским. Б. Г. Тихонов и М. Гимбутас относят его к XV—XIV вв. до н. э.; В. А. Сафронов — к XIII—XII вв. до н. э.²⁰ Таким образом, материалы, полученные в последнее время, определяют бытование некоторых вещей клада второй половиной II тыс. до н. э.; более узко — XIV—XII вв. до н. э., что создает значительный хронологический разрыв с галичской культурой.

Некоторым подтверждением разновременности галичской культуры и клада могут служить следующие обстоятельства. На сосудах Федоровского поселения и Умиленья имеются изображения птичьих лапок, что еще раз подчеркивает связь создателей галичской культуры с племенами лесных охотников и рыболовов эпохи неолита. В то же время антропоморфные идолы Галичского клада обнаруживают сходство с деревянной фигуркой человека из второго Висского торфяника, включающего помимо прочих материалов керамику ванвиздинского и гляденовского типов²¹. Сходство проявляется в пропорциях частей тела, в реальной передаче лица, в манере соединять ноги фигурки на уровне ступней. Близкой аналогией галичским идолам может служить нарымская бронзовая фигурка из области Нижнего Приобья, датируемая II—V вв. н. э.²² А. М. Таллгрэн отмечал сходство галичских идолов с печорскими²³. Таким образом, идолы Галичского клада имеют больше общих черт с поздними антропоморфными изображениями, нежели с неолитическими.

¹⁷ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на среднем Урале и в Прикамье. МИА, № 90, 1960, стр. 60—61.

¹⁸ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, 1961, стр. 91.

¹⁹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1957 г. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 94, рис. 33, 1—2; он же. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 51, 1953, рис. 38, 4; он же. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99, 1961, рис. 110, 1.

²⁰ Б. Г. Тихонов. Указ. соч., стр. 39; М. Gimbutas. Borodino, Seima and their Contemporaries. «Proceedings of the Prehistoric Society», vol. 22, 1956, стр. 143—169; В. А. Сафронов. Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы. «Доклады и сообщения археологов СССР на 7-м Международном конгрессе доисториков и протоисториков». М., 1966, стр. 185.

²¹ Г. М. Буров. Найдено в Вычегодских торфяниках. «Природа», 1966, № 9, стр. 78.

²² В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. МИА, № 58, 1957, стр. 148, рис. 5.

²³ А. М. Tallgren. Permian Studies. ESA, III, 1928, стр. 63—71.

Поскольку при раскопках Туровского поселения были обнаружены металлические изделия, часть которых сопоставима с вещами клада и в свое время служила поводом для отнесения его к галичской культуре, коснемся условий их нахождения. Бронзовая пластинка с пробитым отверстием была найдена в самом верхнем слое землянки 2; клинок ножа и маленькая окисшая спиралька — в полу землянки 5, при этом нож — в ее северном секторе, там, где пол поднимался к верхнему краю углубленной части жилища; неопределенный предмет — в 3-м слое землянки 1. Казалось бы, все эти вещи следует отнести к комплексу галичской керамики. Однако основания горшков, украшенных гребенкой, найдены врытыми в пол землянки, а бронзовые изделия в землянках 1 и 2 лежали выше. Что касается находок из землянки 5, то именно здесь В. А. Городцов отмечал различие в окраске культурного слоя и частичное перекрытие с землянкой 6, на дне которой сохранились придонные части горшков.

Эти факты не дают оснований относить металлические вещи к остаткам поселения галичской культуры. Гораздо сложнее определить их взаимосвязь с кладом. Обломок спиральки и пластинка с пробитым отверстием аналогичны вещам клада, в то же время нож резко отличается от ножей клада — сравнительно широкий, с коротким лезвием, плавню сужающийся к острию и к короткому прямому черешку. Однако сходство первых двух вещей с привесками клада позволяет увязывать их скорее именно с кладом, чем с галичской культурой. Едва ли можно предполагать наличие металлических вещей у племен галичской культуры, так как изделия из меди и бронзы являются большой редкостью на волосовских и фатьяновских памятниках, еще меньше оснований находить их в остатках галичских поселений.

На вопрос, можно ли отнести Галичский клад к комплексу с фатьяновской или фатьяновидной керамикой, время бытования которых ближе всего к дате некоторых находок клада, ответить трудно из-за недостатка данных. Здесь следует учесть, что в Костромской области основным районом обитания фатьяновских племен была долина р. Волги и костромская низина. Фатьяновские же комплексы на Галичском и Чухломском озерах очень незначительны и свидетельствуют о пребывании малочисленных групп этого населения сравнительно короткий срок. При подобных обстоятельствах захоронение клада племенами фатьяновской или близкой к ней культуры вызывает сомнение. Возможно, дальнейшие исследования археологических памятников края и близлежащих территорий прольют свет на это интересное явление.

II. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Г. ЕРИЦЯН, С. А. СЕМЕНОВ

НОВАЯ НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕЩЕРА «ЕРЕВАН»

Исследования археологической комплексной экспедиции, организованной АН Армянской ССР и Институтом археологии и этнографии АН АрмССР в 1967 г., были посвящены поискам памятников древних культур на территории Советской Армении¹. Работы, проведенные в Гегамских горах и в ущелье р. Раздана, привели к открытию ряда новых интересных археологических памятников, в том числе уникальной пещеры палеолитического времени. Целью настоящего сообщения является предварительное ознакомление с результатами первого года исследований этой пещеры².

Пещера расположена на правом берегу р. Раздана, против энеолитического поселения Шенгавит. Она находится в черте города и поэтому названа «Ереванской». Современная поверхность пола пещеры находится на высоте около 15 м над тальвегом реки, на террасе, врезанной в верхнеплиоценовые долеритовые базальты. Полость пещеры возникла по контакту размывтой поверхности долеритов с вышележащими андезитовыми базальтами, которые имеют среднечетвертичный возраст.

Пещера представляет собой небольшую полукруглую нишу (рис. 10) высотой около 2,5 м, шириной 9 м, в глубину простирается на 7 м. Перед входом в пещеру имеется небольшая площадка размером около 30 кв. м.

Раскоп 1967 г. вскрыл на этой площадке верхнюю часть толщи отложений. На поперечном разрезе прослеживается пять отчетливо выраженных слоев, общая мощность которых достигает здесь 1,5 м (толщина каждого слоя не превышает 0,3—0,4 м). Все слои богаты культурными остатками эпохи мустье. Приводим краткие предварительные сведения о стратиграфии отложений сверху вниз (рис. 11):

1. Грязно-буро-фиолетовая (м 3)³ супесь с неокатанным щебнем, имеющим острые углы, мощность 0,3—0,4 м⁴; I «а». Мелкощебенистый темнодымчатый (м 1) суглинок (легкий), мощность 0,2—0,35 м; I «б». Мелко-

¹ Руководитель комплексной экспедиции проф. А. А. Мартиросян.

² Пещера была обнаружена канд. биол. наук А. А. Азизяном во время его полевых работ. А. А. Азизян собрал у входа в пещеру первые обсидиановые орудия и любезно сообщил об этих находках. Авторы выражают самую глубокую признательность А. А. Азизяну за сообщения об этом, показ места находок и участие в работах по исследованию пещеры. Раскопки пещеры в 1967 г. проводились под руководством Б. Г. Ерицяна.

³ А. С. Бондарцев. Шкала цветов. М., 1954.

⁴ Механический состав почвы определили Ф. А. Григорян (Ин-т почвоведения Мин-ва сельск. х-ва Арм. ССР) и К. И. Карапетян (Ин-т геологических наук АН Арм. ССР).

щербенистый бежевый (л 7) суглинок (легкий), мощность 0,2—0,25 м;
 2. Грязно-буровато-желтая (к 5) супесь без щебня, мощность 0,2—0,26 м;
 3. Темно-бурый (В 6) суглинок (средний), мощность 0,3—0,4 м. Более глубокие слои не изучались.

Полученный археологический материал состоит из большого количества орудий и отходов производства, нуклеусов мало. В качестве сырья использовались обсидиан различного цвета, базальт, кремьень, яшма, кварцит и другие породы камня; сырье имело вид окатанной речной гальки, которая и сейчас встречается в русле реки. Основная масса орудий состояла из обсидиана. Среди многочисленных орудий преобладают различные скребла и острокопечники. Другие типы изделий встречаются реже. Все они слабоатинизированы. Заготовками служили отщепы и пластины, известны случаи их намеренного фрагментирования. Следует отметить, что находки нижних слоев (3) по ряду признаков (разнообразии приемов расщепления камня, крупный размер, грубость и незаконченность орудий) отличаются от находок верхних слоев.

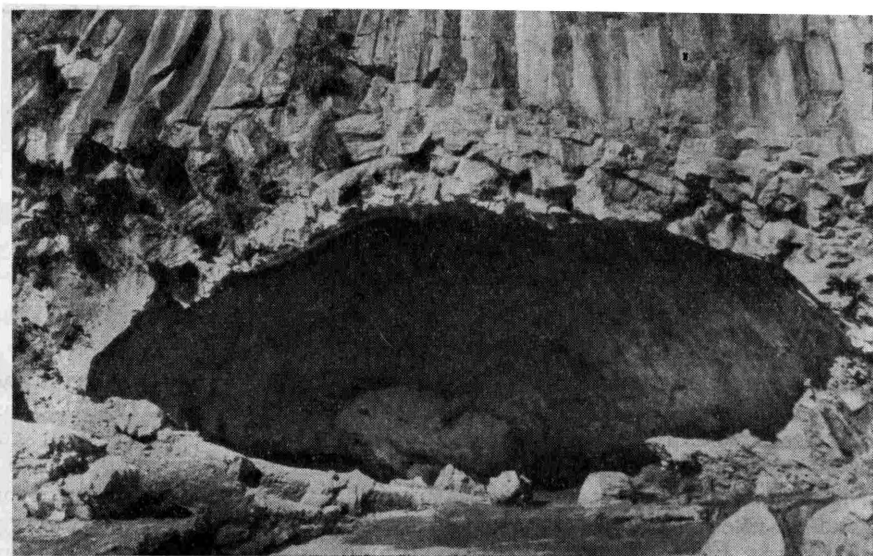
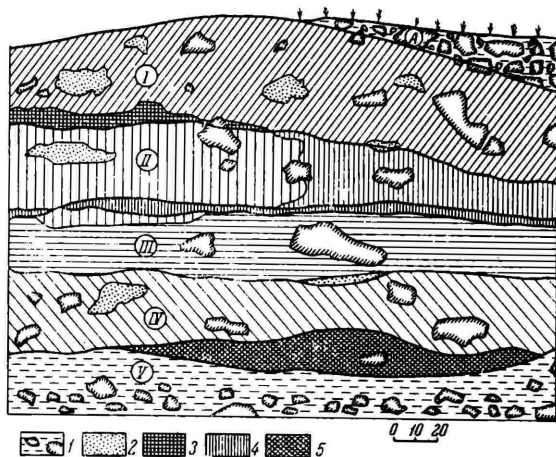

Рис. 10. Общий вид Ереванской пещеры

Рис. 11. Ереванская пещера (северная стенка)

А — современный обвал, без культурных остатков. I — грязно-буро-фиолетовая (м 3) супесь; II — мелкощербенистый темно-дымчатый (м 1) суглинок (легкий); III — мелкощербенистый бежевый (л 7) суглинок (легкий); IV — грязно-буровато-желтая (к 5) супесь; V — темно-бурый (В 6) суглинок (средний). 1 — камни, 2 — песок, 3 — суглинок бурый, 4—5 — супеси

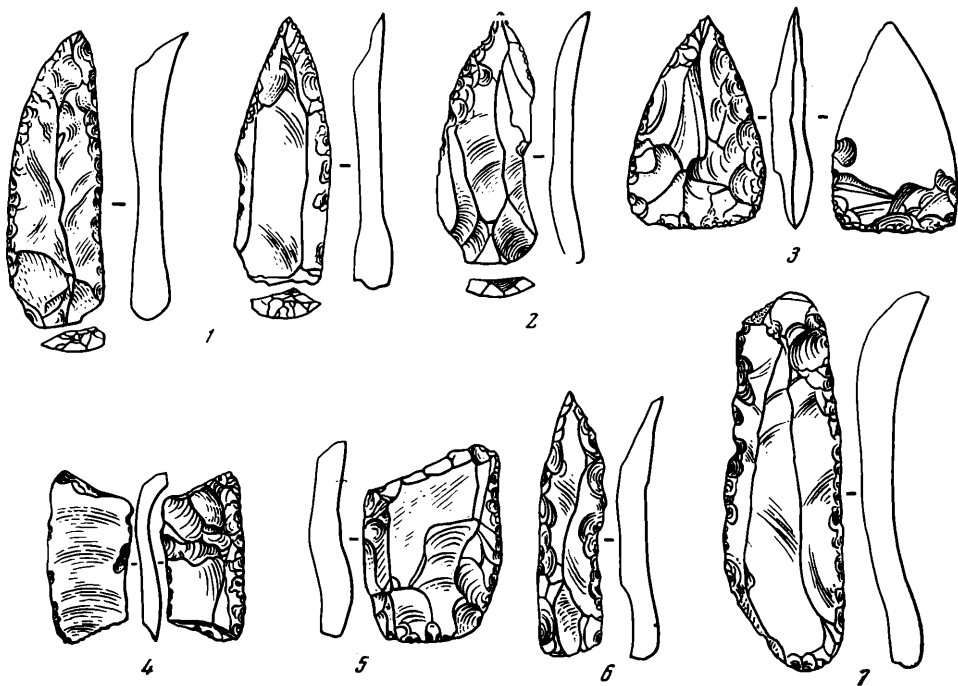

Рис. 12. Некоторые типы обсидиановых орудий из мустьерской стоянки «Ереван»

1, 2, 3 — острокопечные (ножи); 4, 5 — скребки со следами работы по дереву или кости; 6 — острокопечник с функциями прокалывания; 7 — нож тупокопечный

Вместе с орудиями впервые в палеолите Армении найдены кости плейстоценовых животных. По предварительному определению Н. М. Ермоловой, здесь обнаружены: лошадь, носорог, бык (тур или зубр), лось, волк, шакал и птицы. Особый интерес представляют кости таких животных, как лось (слой 2) и носорог (слой 3). Мустьерский комплекс стоянки пока не имеет полных аналогий. В целом он близок к таким стоянкам Армении, как Ераблур и Аширабад⁵. Сходные элементы прослеживаются на ряде синхронных памятников Закавказья и Передней Азии.

Обработка обсидиана ввиду хрупкости этого материала сравнительно более проста, чем обработка кремня. Оббивка, скалывание, расщепление требуют меньших физических усилий. Благодаря этому в одну и ту же эпоху качество обсидиановых изделий может быть выше, чем изделий из других пород камня, что подтверждают находки обсидиановых орудий из мустьерской стоянки «Ереван». Здесь оказался большой процент удлиненных пластинок, близких к позднепалеолитическим по форме. Пластинки и отщепы большей частью тонкого сечения, мало бесформенных и массивных обломков, что характерно для Сухой Мечетки или Киик-Кобы. Большое число леваллуазских пластин и некоторые признаки двусторонней обработки скорее говорят о развитом мустье, чем о позднем этапе этой эпохи.

При изучении мустьерских обсидиановых орудий из пещерной стоянки «Ереван» обратило на себя внимание своеобразие этого материала. Обсидиан оказался весьма чувствительным ко всякого рода воздействиям на него при обработке и использовании; благодаря блестящей (почти зеркальной) поверхности излома сохраняются мельчайшие царапины от давления,

⁵ М. Э. Паничкина. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении. КСИИМК, вып. XXXV, 1951, стр. 76.

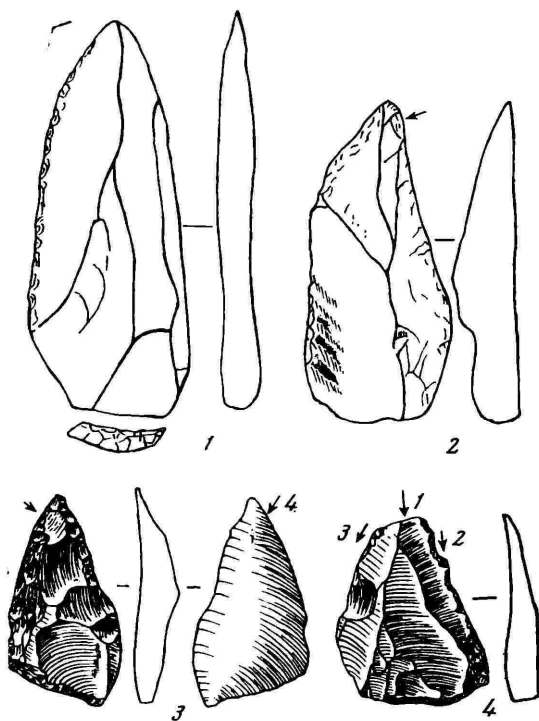
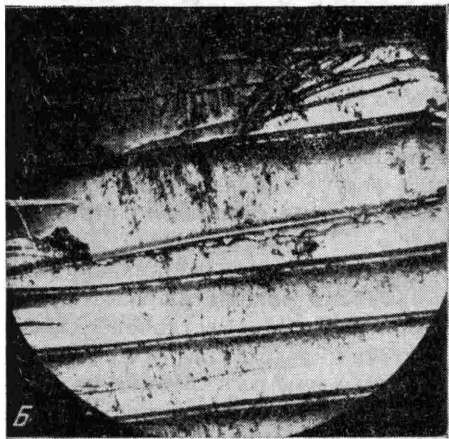
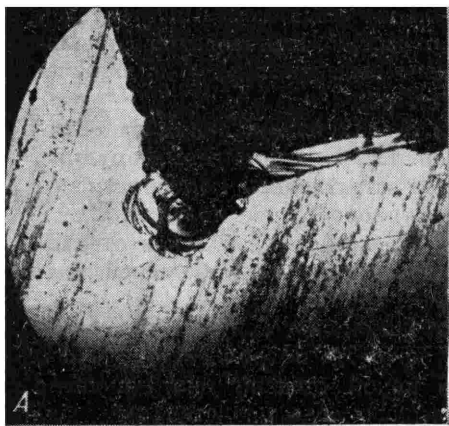

Рис. 13. Стоянка «Ереван»

1 — кремневый остроконечный нож; 2 — базальтовый остроконечный нож со следами использования в качестве скобеля на лезвии близ острого конца (указано стрелкой); 3 — обсидиановый остроконечник со следами изнашивания на лезвии близ острого конца (указано стрелкой); 4 — обсидиановый остроконечник (конец сломан) со следами использования в качестве ножа для прокалывания и резания, очевидно, кожи. Микрофотографии А, Б, В, Г

удара. На изделиях, поврежденных различными естественными агентами, в особенности на изделиях с неровной поверхностью, шероховатой (пузырчатой), возникшей вследствие неравномерного остывания лавы и включения воздуха, эти тонкие следы не прослеживаются.

Наиболее существенной особенностью в следах изнашивания на обсидиановых орудиях оказалась фактура следов. Если на кремневых орудиях при длительном употреблении заглаживаются естественные неровности поверхности, то на обсидиане наблюдается противоположное явление. Здесь следы изнашивания приобретают шероховатый вид, теряя блеск и стекловидность, поэтому рабочие края чаще выкрашиваются из-за большей ломкости и хрупкости обсидиана.

Вследствие ломкости и хрупкости края обсидианового орудия его разрушение от работы представляет такой факт, который позволяет говорить о том, было ли орудие в работе или нет, в какой степени оно изношено от употребления. Следы изнашивания подобного рода представляют наиболее массовое явление на орудиях из мустьерской стоянки «Ереван».

При исследовании под биноклем сработанной части обращает на себя внимание разная степень изношенности, которая может быть подразделена на 6—8 групп по затупленности рабочего края. Линейные следы изнашивания на поверхности орудий чаще встречаются на плоскостях и значительно реже на рабочем крае. По характеру затупленности края, линейным следам и другим признакам, касающимся формы рабочего края, можно судить об использовании обсидиановых орудий из стоянки «Ереван» в следующих хозяйственных процессах:

1. Больше всего наблюдается признаков изнашивания, возникающих при обработке дерева и кости. Этого рода признаки обычно выражены в виде затупленности рабочего края, свидетельствующей об установке лезвия орудия на предмет работы почти под прямым углом. Затупленность поэтому реже наблюдается на плоскостях отщепов или пластинок и является результатом выкрашивания обсидиана мельчайшими частицами. В отдельных случаях при косом свете opak-иллюминатора можно наблюдать и линейные следы, пересекающие затупленное лезвие. Такой тип изнашивания наблюдается на орудиях различной формы и на разных его частях. Иногда они видны на концах коротких пластинок, где заметны подобию выемок (рис. 12, 4—5), часто же располагаются на боковых краях удлиненных пластин и на различных отщепах.

2. Значительно меньше наблюдается следов использования обсидиановых орудий в качестве скребков для обработки кожи, хотя это не значит, что такие функции на стоянке «Ереван» отсутствовали. Весьма вероятно, что еще не было орудий, которые предназначались для обработки дерева и кожи в отдельности, поэтому функции совмещались, а следы перекрывались. Возможно, там, где прослеживается линейность следов, имеются признаки использования орудий по обработке кожи.

3. Орудия в форме остроконечников сравнительно плоских сечений и плоские отщепы вообще, не имеющие крутой ретуши, представляют по целому ряду признаков ножи для разделки охотничьей добычи (мясные ножи), хотя следы изнашивания на них выражены очень слабо. Нередко на этих остроконечниках можно проследить хорошо выраженные следы употребления их в качестве скреблей (рис. 13, Г). Это говорит, что строго специализированных форм, предназначенных только для одной функции, еще не было, за исключением отдельных экземпляров.

4. Немногие обсидиановые орудия носят следы использования их в качестве резаков, т. е. ножей для прокалывания и разрезания кожи. Эти следы располагаются на углах коротких отщепов и отчасти наподобие следы на кремневых орудиях из мустьерской стоянки Нусово I из Приазовья. Но следы на орудиях из стоянки «Ереван» расположены диагонально на углу отщепа только с одной стороны (рис. 4, 4 и микрофото), с брюшка.

М. М. МАНСУРОВ

О НАХОДКЕ РУЧНЫХ РУБИЛ
В ЗАПАДНОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Западные районы Азербайджана лежат между северо-восточными склонами Малого Кавказа и средним течением р. Куры. В этих районах, в соответствии с рельефом местности, наблюдаются три географические зоны: нижнегорная (730—500 м над уровнем моря), предгорная (500—450 м) и древняя речная терраса (300—250 м).

Интересующие нас орудия обнаружены у линии стыка предгорий с древней речной террасой на абсолютной высоте около 350—400 м. Место находок лежит в 2 км к юго-востоку от сел. Шахлы II, в средней части остродонного ущелья Аджи-дере, на покато́м северном борту ущелья, в месте изгиба последнего. По свидетельству Н. Ширинова, на участке сборов прослеживаются террасы высотой 1, 5, 10, 23 и 41 м. Три первые отнесены им к нижнехвалынскому времени, 23-метровая терраса — к хазарскому, 41-метровая — к нижнехазарскому и гюргянскому времени, причем террасы высотой 10, 23 и 41 м соответственно увязываются им с 28, 50 и 72-метровыми террасами р. Куры.

Встреченные нами орудия — удлиненный листовидный бифас, треугольный леваллуазский нуклеус и отщеп овальной формы — располагались несколько выше уровня в 23 м.

Листовидный бифас изготовлен из мягкой сланцевидной породы серозеленоватого цвета. Поверхность его несколько патинизирована: слегка пориста, светло-серо-желтоватой окраски, края и ребра слегка заглажены. По очертаниям в плане — сильно вытянутым, достаточно правильным — может быть отнесен к листовидным бифасам (*bifaces foliacées*), хотя один — более узкий — конец его слегка поврежден. Другой конец имеет широкие подтреугольные очертания. Максимальная ширина орудия 7 см; длина (неполная ввиду повреждения) — 21 см, толщина средней части 3,2 см (рис. 14).

Заготовкой для орудия, видимо, послужил сильно удлиненный массивный краевой отщеп. Об этом свидетельствуют остатки галечной (?) поверхности на одной стороне предмета и гладкой брюшковой поверхности — на другой. Один конец исходного отщепа был заметно искривленным (в профиль). В процессе вторичной обработки первоначальной заготовки эта кривизна не была преодолена полностью и орудие сохранило асимметричный профиль.

Обе поверхности бифаса обработаны хорошо рассчитанными широкими, короткими сколами таким образом, что негативы сколов смыкаются близ средней оси орудия и придают ему вполне законченный облик. Такой характер оббивки бифаса придавал его продольным краям извилистость,

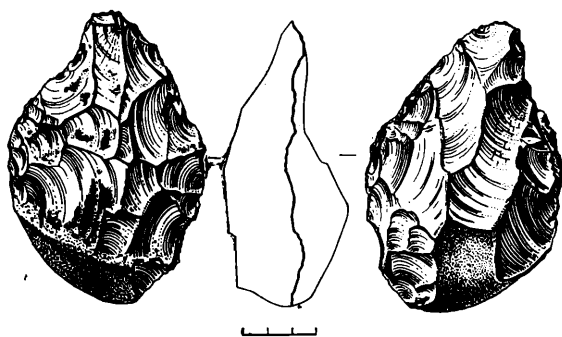
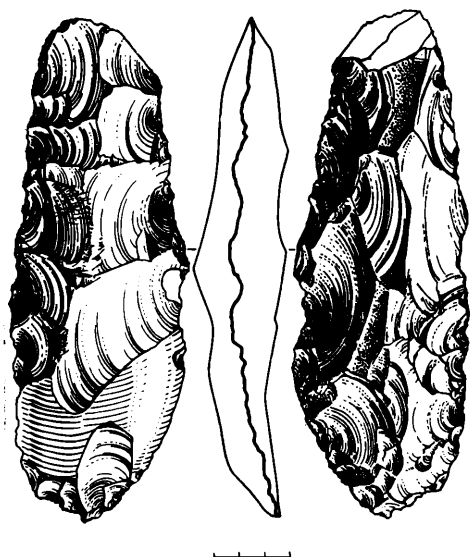

Рис. 15. Миндалевидное ручное рубило

Рис. 14. Листовидный бифас

которая была преодолена отчасти с помощью грубой ретуши лишь на одном из этих краев.

Наиболее тщательно обработан широкий искривленный конец орудия: один продольный край его выровнен и утончен здесь более мелкими пологими сколами со стороны спинки отщеп; кроме того, здесь же несколькими более грубыми фасетками, нанесенными со стороны брюшка, оформлен небольшой острый выступ. Эти специфические особенности обработки разных участков бифаса позволяют говорить о том, что данное орудие выполняло, вероятно, несколько функций, что свойственно ашельским бифасам вообще.

Аналогичное орудие было найдено в Грузии, в бассейне р. Ингура (в Мингрелии)¹. Оно происходит также из подъемного комплекса; обработано с двух сторон и имеет весьма близкие к нашему очертания и размеры. Орудия такого типа известны также из Беглицы², а в более совершенной форме наконечника копья — из мустьерского местонахождения Лысая гора близ Орджоникидзе³. Надо отметить, однако, что ни одно из указанных орудий не является прямой аналогией нашему орудью, поскольку один конец его обработан специальными приемами, в силу чего и получил особую форму.

Техника изготовления, форма, место нахождения и приведенные сравнения допускают отнесение бифаса из Аджидере к позднему ашелю. Основанием для такой датировки являются и сопровождающие бифас изделия — нуклеус и отщеп. Нуклеус треугольных очертаний (размеры $11 \times 6,1 \times 2,5$ см), одноплощадочный и односторонний, наклонная выпуклая ударная площадка обработана тремя крупными сколами и несколькими мелкими фасетками; рабочая сторона имеет хорошо выраженные параллельные негативы от сколов; отщеп, снятый последним, имел треугольную форму и был расположен по средней оси нуклеуса. Третий предмет из этого комплекса — отщеп овальной формы — имеет на спинке следы снятия четырех сколов: два из них были сколоты в направлении продольной оси

¹ Сборы Г. К. Григолия.

² Н. Д. Праслов. Ранний палеолит северо-восточного Приазовья и нижнего Дона. Л., 1968, стр. 101—106, рис. 61.

³ В. П. Любин. Мустьерский наконечник копья из Северной Осетии. СА, 1967, № 4, стр. 286—287.

изделия, два — направлены от краев к центру. Ударная площадка отщепая гладкая, скошенная.

Второе двустороннеобработанное орудие было найдено в бассейне р. Инджа-Су — правого притока р. Куры — у селения Али Байрамлы на северной стороне ущелья Быглы-дере. Ручное рубило лежало на поверхности одного из холмов, сложенного гравием, галечниками и желтыми глинами.

Миндалевидное ручное рубило изготовлено из изверженной андезитобазальтовой породы. По форме оно ближе всего к миндалевидным (по Ф. Борду), хотя нижняя часть его — массивная, округлая; края имеют не совсем правильные пропорции: длина — 11,9 см, ширина (средней части) — 7,6 см, толщина — 4,4 см (рис. 15). Оно асимметричное в плане: один край дугообразно выпуклый, другой вогнутый близ верхнего конца. Основание сохраняет естественную поверхность гальки. Выпуклый продольный край обработан более тщательно по всей длине, отчего пяточная часть орудия оказалась несколько сдвинутой в сторону другого продольного края. Основание бифаса массивное, верхний конец утончен. Обе поверхности его тщательно оббиты неровными, неглубокими сколами и кое-где дополнительно направлены ретушью, что обусловило слабую извилистость продольных краев.

Это ручное рубило может быть сопоставлено с некоторыми ручными рубилами, найденными в Чиатурском районе Грузии⁴. Бифасы такого типа встречаются в среднеашельских, изредка в верхнеашельских памятниках⁵.

Интересно, что это ручное рубило найдено на расстоянии всего 2 км от пункта находки листовидного бифаса. При этом, как отмечалось, листовидный бифас встречен в комплексе с типичными леваллуазскими предметами.

В связи с этим отметим, что наиболее ранние листовидные и близкие к ним формы бифасов на Кавказе встречаются в верхнем ашеле⁶ и мустье фации леваллуа и закрепляются здесь в дальнейшем в более развитой форме мустьерского наконечника копья⁷.

⁴ Сборы Д. М. Гушабрамишвили.

⁵ F. Bordes. Typologie du paléolithique ancien et moyen. «Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux», mém. I, p. 62, pl. 68.

⁶ В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. «Палеолит и неолит СССР», т. 5. МИА, № 131, 1965, стр. 37, рис. 11, 2.

⁷ С. Н. Замятнин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. «Труды II Международной конференции АИЧПЕ», вып. V. М.—Л.—Новосибирск, 1934, табл. I, 7; табл. II, 3, 5; В. П. Любин. Мустьерский наконечник копья из Северной Осетии, стр. 286—287; С. Н. Замятнин. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961, стр. 104—118, табл. I, 2.

В. П. ЛЮБИН, Н. И. БУРЧАК-АБРАМОВИЧ, М. Н. КЛАПЧУК

КЕПШИНСКАЯ ПЕЩЕРА И ВОПРОСЫ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ ПЛЕЙСТОЦЕНА СОЧИНСКОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В 1966 г. палеолитический отряд Института археологии АН СССР и Музея краеведения г. Сочи, проводивший разведки в горах южного склона Западного Кавказа, обнаружил новую мустьерскую стоянку в пещере близ сел. Кепша. Пещера расположена в 30—35 км от моря, в 1,5 км к юго-западу от названного селения, у северо-восточного подножья известнякового массива Ахцу, в правом борту каньона р. Мзымты, на относительной высоте 70—80 м и абсолютной — 200—250 м. Она состоит из двух смежных скальных убежищ: собственно пещеры и скального навеса (рис. 16, 2). Пещера — галерейная, проходная, простирается параллельно реке в направлении с северо-востока на юго-запад. Более доступный и просторный северо-восточный вход в пещеру, к которому примыкает навес, имеет вид полукруглой арки шириной 6,5—7 м и высотой 2,5 м. Арка ведет в 17-метровый сквозной тоннель, полость которого, хорошо выработанная карстовыми и другими процессами в плотных известняках (нижний мел — юра), является весьма древней. Высота северо-восточной и средней частей тоннеля 2,5—2,8 м, высота дальней — понижается до 1—1,2 м, что связано, видимо, с вероятным уклоном скального дна полости и с резким поднятием уровня современного земляного пола тоннеля в направлении его дальней части: на протяжении 17 м поднятие пола достигает 6,5 м (рис. 16,2).

В 1966 г. на границе тоннеля и навеса был заложен разведывательный шурф (1,5 × 1,75 м) глубиной 1,6 м от поверхности пола. С глубины 0,3—0,5 м появились крупные глыбы известняка (до 1,5 × 0,8 м). На глубине 0,75 м выявился мустьерский культурный слой, при вскрытии которого найдены характерные мустьерские остроконечник, отщепы, сланцевый ретушер и другие каменные поделки, а также кости пещерного медведя, тура, грызунов и птиц.

В 1967 г. заложен второй шурф в северной части скального навеса (рис. 16, 2), который достиг скального дна, имевшего большой наклон к реке, на глубине от 0,25 до 0,75 м. Находок не обнаружено. Была сделана также метровая прирезка к юго-восточной стене шурфа 1966 г., и этот зондаж, проведенный на общей площади 1,5 × 2,75 м, был доведен до глубины 3,55 м. Полная мощность мустьерского культурного слоя (слой 3) на участке шурфа достигает 1,0—1,2 м, причем кровля слоя находится на глубине 0,5—0,75 м от поверхности пола пещеры, а подошва — на глубине 1,6—1,7 м.

Общие данные о последовательности, мощности и литологии отложенных, прослеженных на юго-западной стенке шурфа, и археологические, фаунистические и палеоботанические находки представлены в следующей таблице:

Таблица 1

№ слоя (сверху вниз)	Краткая характеристика слоя	Мощность слоя (в м)	Археологические находки	Фаунистические остатки	Палинологические данные
1	Суглинок темно-серый, легкий, комковатый, известковистый, с угловатым щебнем и хрящом; количество щебня достигает 20%, размеры 3—5 см. Контакт четкий	0,2—0,6	Единичные обломки глиняных сосудов	Бурый медведь, косуля, дикий кабан, собака	Широколиственные леса
2	Суглинок серый с зеленоватым оттенком, легкий, комковатый, с хрящом и щебнем. Щебня меньше. Контакт постепенный, расплывчатый	0,05—0,45	—	—	Хвойные (в начале этапа) и широколиственные леса
3	Суглинок зеленовато-серый, тяжелый, плотный, вязкий. В средней и нижней части переполнен крупными блоками известняка; щебня и мелких обломков мало. Контакт четкий, с карманами	1,01, ?	Мустьерские каменные изделия	Пещерный медведь, тур, прометеева полевка, хомяк, улар, навказский терев, альпийская гална и др.	Хвойные леса, чередующиеся в начале этапа с открытыми пространствами
4	Пески и супеси водного происхождения. Единичные обломки известняка и кальцитовых натеков	1,75—2,15 (видимая)	—	—	—

Различные отложения пещеры, судя по характеру контактов (расплывчатость границы слоев 2 и 3, наличие карманов на стыке слоев 3 и 4, непосредственное налегание слоя 1 на слой 3 в результате смыва отложений слоя 2 в восточной части разреза С—F) и окатанности зерен обломочного материала (данные микроскопических анализов, проведенных А. Г. Черняховским), испытали в свое время значительный размыв и представлены лишь фрагментами, соответствующими разрозненным отрезкам времени. Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что слой 3, по всей видимости, отвечает холодному стадиалу в пределах последнего оледенения, слой 2 — позднеледниковью, слой 1 — позднему голоцену.

Археологические находки в слое 1 представлены несколькими обломками стенок глиняных сосудов, возраст которых неясен. Слой 2, судя по данному зондажу, как будто стерилен. Слой 3 доставил около трех десятков каменных изделий, мустьерский возраст которых бесспорен. Наиболее показательны в этом отношении мустьерский остроконечник из сургучно-красного кремня (рис. 17, 3), леваллуазские остроконечники (рис. 17, 5, 6) и отщепы (рис. 17, 1, 2, 4) из окремненного сланца. Интересны также каменный ретушер из сланцевой гальки (рис. 17, 7) и плитка известковистого мелкозернистого песчаника со следами сработанности на одной из сторон (терочник?) (рис. 17, 8). Значительная часть изделий носит признаки леваллуазской техники расщепления камня. Среди ударных площадок сколов имеются фасетированные, в том числе подправленные в форме «chapeau de gendarme» (рис. 17, 5). Подавляющее большинство находок залегало в нижней половине слоя.

Фаунистические остатки (табл. 2) сравнительно немногочисленны — 321 кость. Происходят из современного слоя 1(14) и мустьерского слоя 3(307). В толще слоя 3 по глубинам кости залегали крайне неравномерно: в 1967 г. при разработке этого слоя семью искусственными горизонтами

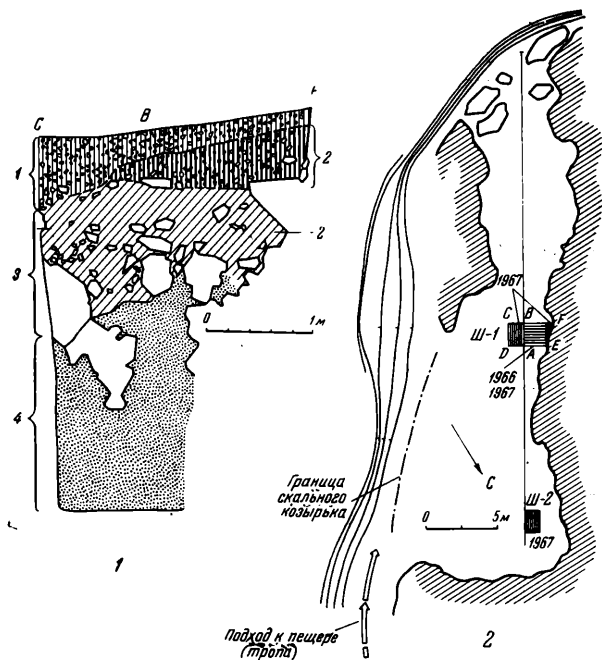

Рис. 16. Кепшинская пещера
 1 — разрез отложений по линии С—В—F; 2 — план

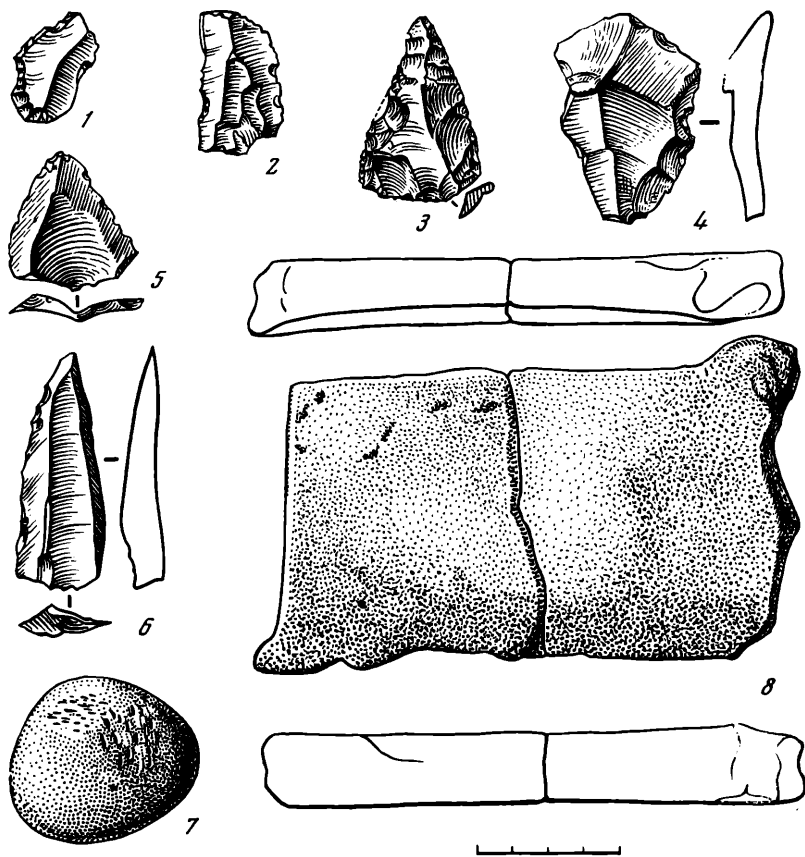

Рис. 17. Кепшинская пещера. Образцы каменных изделий
 1, 2, 4 — отщепы; 3 — остроконечник; 5, 6 — леваллуазские остроконечники; 7 — ретушер; 8 — терочник

было установлено, что более $\frac{3}{4}$ всех костных остатков (228 костей из 268) приурочено к нижним горизонтам 5—7, 18 костей — к горизонту 4, 11 — к горизонту 3 и столько же — к обоим верхним горизонтам.

Костные остатки принадлежат крупным позвоночным (177), грызунам (76), птицам (60) и рукокрылым (9). Кости крупных животных в слое 1 встречены лишь в 1966 г. Бросается в глаза резкое отличие их состава (косуля, кабан, бурый медведь, собака) от состава крупных позвоночных мустьерского слоя 3 (тур, пещерный медведь). Кости крупных животных из слоя 3 имеют вид типичных кухонных отходов, состоящих из множества обломков раздробленных трубчатых костей и оставшихся целыми из-за отсутствия мозга мелких костей конечностей.

Коллекции костей грызунов и птиц являются уникальными для мустье кавказского Причерноморья: четыре из указанных в таблице вида грызунов и все виды птиц отмечаются в мустье этого района впервые. Исключением является лишь обыкновенный хомяк, одна берцовая кость которого была установлена еще в 1937 г. в мустьерском слое Ахштырской пещеры.

Остатки прометеевой полевки представлены нижней челюстью и обломком бедра; снеговой полевки (*Chiropomys* sp.) — нижней челюстью, резцом, плечевыми костями (2) и локтевой; лесной мыши — нижней челюстью; хомяка — обломками бедренных (4) и больших берцовых (2), лучевыми (2) и резцом; малоазийского хомяка (предположительное определение) — резцом. Определение «снеговая полевка» сделано здесь условно: наличные остатки позволяют говорить о принадлежности их либо кавказской снеговой полевке (*Microtus gud* Sat.), либо длиннохвостой снеговой полевке (*Microtus roberti* Thos.). Не исключено, как полагает И. М. Громов, что в прошлом эти два вида современных полевок имели единую исходную форму.

В списке птиц наибольший интерес представляют остатки таких ныне высокогорных форм, как улар, кавказский тетерев и альпийская галка. Улар представлен плечевой костью взрослого самца, верхний эпифиз которой, как полагает Н. И. Бурчак-Абрамович, обгрызан, по-видимому, древним человеком. До этой находки улар был известен лишь в нижнем палеолите югоосетинских пещер Цона¹, Кударо I, Кударо III.

Кавказский тетерев представлен двумя костями (плечевой и лучевой) взрослых и, по-видимому, разных особей. Ранее был отмечен для более поздних уровней каменного века (верхний палеолит, мезолит) пещер Кёп-Богаз и Хупынипшаха в Абхазии, Гварджилас-кдэ в Имеретии². Остатки альпийской галки более многочисленны: 23 кости (или их фрагменты), принадлежащие минимально семи особям. По особенностям строения и размерам эти кости вполне подходят к альпийской галке, и только две из них, отличающиеся более крупными размерами, чем у типичных альпийских галок, могут принадлежать клушицам (*Rugghosogaх rugghosogaх* L.)

Кепшинская пещера лежит вне пределов современных ареалов обитания подавляющего большинства животных и птиц, остатки которых встречены в ее мустьерском слое (тур, прометеева полевка, обыкновенный хомяк, малоазийский хомяк, улар, кавказский тетерев, альпийская галка). В настоящее время ближайшие к пещере места обитания тура, прометеевой полевки, улара, альпийской галки и кавказского тетерева приурочены к

¹ Н. И. Бурчак-Абрамович. К изучению плейстоценовой фауны Кавказа (ископаемые птицы). «Известия АН Азерб. ССР». Серия наук о Земле, № 6, 1966, стр. 38—42.

² Н. И. Бурчак-Абрамович. Фауна пещерных стоянок Южной Абхазии. «Пещеры Грузии», вып. 3. Тбилиси, 1965, стр. 9—13; он же. Птицы верхнепалеолитической стоянки пещеры Гварджилас-кдэ в Имеретии. «Пещеры Грузии», вып. 4. Тбилиси, 1966, стр. 93—100.

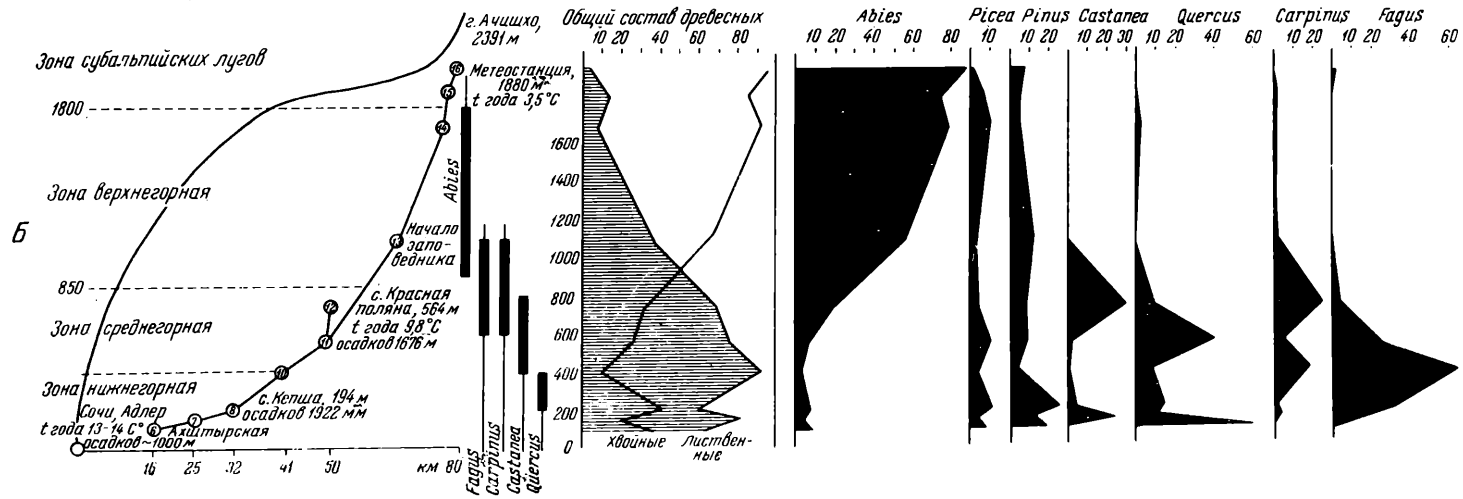
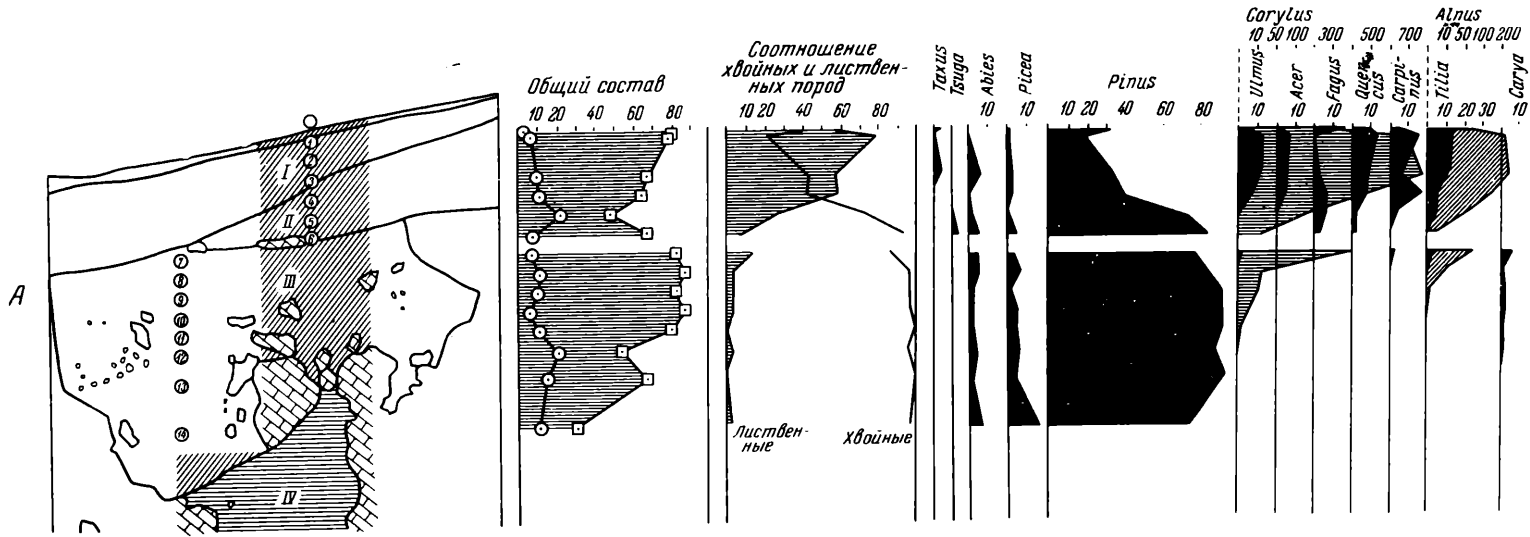
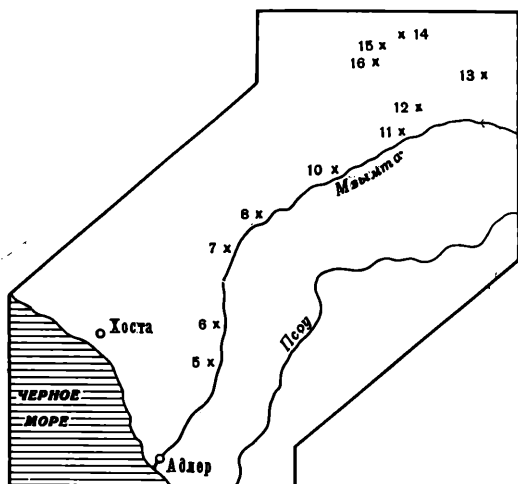

Рис. 19. Карта района Адлер
Красная Поляна

Х — места взятия проб на спорово-пыльцевой анализ

полосе Главного Кавказского хребта и тем высоким отрогам его южного склона (Ачишхо, Псекохо, Аибга, Иегош), на вершинах которых имеются хорошо развитые зоны альпийского и субальпийского лесного ландшафта. Эти отроги находятся на расстоянии не менее 10—15 км от Кепши по прямой. Различия в современном распространении этих животных и птиц сводятся к тому, что улар и альпийская галка держатся только в высокогорьях (1800—3000 м); прометеева полевка встречается в субальпийских лугах верхней части лесного пояса на высотах не ниже 1500 м; тур и кавказский тетерев спускаются зимой в верхние пределы леса (до высот 700—1000 м).

Палинологические данные. Пыльца и споры встречены в 14 из 20 отобранных образцов: в образцах 1, 3 — из слоя 1; 4—6 — из слоя 2; 7—14 — из слоя 3 и 20 — из аллювиального слоя 4 (табл. 3; рис. 18, А). В образце № 20, взятом у самого дна шурфа, найдено 4 споры и 127 зерен пыльцы; 79% последней принадлежало древесным породам с преобладанием хвойных (89%), что в общем указывает на господство хвойных лесов и температуры воздуха ниже современной. Время аккумуляции низов вскрытой части слоя 4, по-видимому, совпадало с концом теплого промежутка времени, так как в спектре встречена пыльца дуба, граба и лещины, причем последняя в количестве, характерном для межледниковий или интерстадиалов. Не исключена возможность, что ее наличие в образце № 20 является предвестником существования в пещере пятого, более древнего, культурного слоя. Образцы № 15—19 пыльцы не содержат, что не позволяет судить об условиях накопления четвертого слоя выше места отбора образца № 20.

В образцах из нижней части слоя 3 (№ 13—14) представлена исключительно пыльца хвойных пород. Но в образцах № 8—12 начинает появляться пыльца широколиственных, значение которой увеличивается вверх по разрезу. В образце № 7 пыльца лиственных пород достигает 14% (среди них имеются вяз, липа, граб), что отражает процесс прогрессирующего

Рис. 18. А — спорово-пыльцевая диаграмма разреза отложений Кепшинской пещеры; Б — спорово-пыльцевые спектры поверхностных проб, отобранных из различных растительных зон южного склона Кавказского хребта

Таблица 2

Видовой состав и численность костных остатков млекопитающих и птиц из отложений Кепшинской пещеры. Раскопки 1966 и 1967 гг. Определения Н. М. Ермоловой (крупные позвоночные), И. М. Громова (грызуны), Н. И. Бурчак-Абрамовича (птицы)

№	Название вида	Слой										Всего	
		1 (1966 г.)	2	3 (1966 г.)	3 (1967 г.)								3 (зачистка профиля в 1967 г.)
					Раскопочные горизонты								
					1	2	3	4	5	6	7		
1	Западнокавказский козел (тур) (<i>Capra caucasica</i> Güld)	—	—	7	—	1	3	22	23	4	1	61	
2	Мелкие парнокопытные (Carnivorinae)	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	3	
3	Косуля (<i>Capreolus capreolus</i> L.)	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	
4	Пещерный медведь (<i>Ursus spelaeus</i> R.)	—	—	4	3	—	3	3	3	1	1	18	
5	Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i> L.)	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	
6	Кабан (<i>Sus scrofa</i> L.)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	
7	Собака (<i>Canis familiaris</i> L.)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	
	Неопределимые обломки костей крупных позвоночных	—	—	15	3	1	7	11	42	3	—	82	
8	Обыкновенная лесная мышь (<i>Ardeumus sylvaticus</i> L.)	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	
9	Длиннохвостая снеговая полевка или кавказская снеговая полевка (<i>Microtus roberti Thom-gud. Sat.</i>)	—	—	—	—	—	—	—	4	1	—	5	
10	Прометеева полевка (<i>Prometheomys schaposchnikovi</i> Sat.)	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2	
11	Хомяк (<i>Cricetus</i> sp.)	—	—	—	—	—	—	—	5	4	—	9	
1	Малоазийский хомяк (<i>Mesocricetus</i> sp.?)	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	
	Неопределимые обломки костей грызунов	—	—	—	3	4	1	33	17	—	—	58	
13	Кавказская горная индейка (улар) (<i>Tetraogallus caucasicus</i> Pall.)	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	
14	Кавказский тетерев (<i>Lyrurus mlokosiewiczii</i> Tacz.)	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	2	
15	Альпийская галка (<i>Pyrrhocorax graculus</i> L.)	—	—	5	—	2	2	—	10	4	—	23	
16	Мелкие воробьиные (Passeriformes)	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	6	
	Неопределимые обломки костей птиц	—	—	3	2	3	2	13	3	2	—	28	
17	Рукокрылые (Chiroptera)	2	—	—	—	—	—	—	2	5	—	9	
	Итого	53			268							321	

Таблица 3

Результаты спорово-пыльцевого анализа отложений Кепшинской пещеры.
Раскопки 1967 г. Определения М. Н. Клапчука

Состав пыльцы	№ слоя и образца	Современная поверхность	Слой															
			1				2				3				4			
			Образцы															
			1	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	20		
Всего насчитано зерен		252	231	297	226	237	213	187	172	169	360	174	161	105	473	131		
в том числе пыльца дре- весных пород (в %)		81	79	68	65	48	67	83	88	84	86	81	45	67	30	79		
из них хвойных } (в %)		39	21	43	41	74	93	86	97	97	97	99	97	100	98	89		
лиственных		61	79	57	59	26	7	14	3	3	3	1	3		2	11		
Пихта				5		2	4	5	5	2	1	1	3	2	6	11		
Ель		2	1	2	2		4	4	7	2	5	5	6	5	17	11		
Сосна		34	18	34	39	72	85	77	85	92	92	92	88	93	75	41		
Береза				1	2										1			
Вяз		5	14	11	7			2										
Клен		1	6	5	5													
Каштан		4	3			2												
Бук		17	1	2	5	6	4											
Дуб		10	14	9	7	2	2									1		
Граб		5	16	6	17	4		2					1			4		
Липа		13	14	12	5	4		4	2	1								
Крушина		1	6															
Падуб			3															
Кизил			1	1														
Тис		3	1	3												7		
Тсуга						1										15		
Лиственница																4		
Пекав?								5	1	2	2	1	1					
Ясень		1													1			
Смородина		1		3	7	9	1			1						4		
Ольха		66	223	239	130	51	4	66	11	1						18		
Лещина		198	747	783	500	171	29	414	27	10	1	1				280		

Примечание. Ввиду исключительно большой встречаемости пыльцы ольхи и лещины процентное содержание пыльцы этих видов рассчитано от числа пыльцы остальных древесных пород.

потепления. Можно предполагать, что мустьерский человек появился в пещере в очень холодное время только что начинающегося потепления. Обитал ли он в пещере тогда, когда стало тепло, неизвестно, ибо на глубине 0,55 м, на которой был отобран последний хронологически мустьерский образец № 7, мустьерский слой обрывается, теплый интерстадиал выпадает.

Пыльцевые спектры образцов из второго и первого слоев (№ 1—6) отражают условия конца последнего оледенения и голоцена. Так, спектр образца № 6 содержит 93% пыльцы хвойных пород и только 7% пыльцы широколиственных, что указывает на господство еще холодного климата. Но в спектре образца № 5 удельный вес лиственных достигает 26% (в том числе бук, граб, дуб, каштан, липа), что удостоверяет явное потепление. Своего зенита теплый климат достигает в образцах № 1—4. Комплекс спектров этих образцов характеризуется высоким содержанием пыльцы лиственных пород (57—79%) при подчиненном значении пыльцы хвойных (21—43%). Отдельные лиственные породы достигли значительного удель-

ного веса. Так, пик дуба определился 14%, граба 16%, липы 14%, ольхи 239% и лещины 783%. Количество пыльцы сосны, господствующей в этих спектрах, поддерживалось на очень низком для этой породы уровне (18—39%).

Эти значения близки к показателям образца с поверхности почвы близ пещеры. Но по ряду признаков (падение значения пыльцы лиственных пород, рост значения пыльцы хвойных) можно судить, что в настоящее время в районе пещеры наступило некоторое ухудшение климата.

Предложенная интерпретация пыльцевых спектров образцов из культурных слоев пещеры в значительной мере опирается на диаграмму современного «спорово-пыльцевого разреза» южного склона Большого Кавказа на участке от берега моря до горы Ачишхо. Разрез получен выявлением спорово-пыльцевых спектров поверхностных почвенных проб, отобранных М. Н. Клапчуком в пределах различных вертикальных растительных поясов вдоль шоссе Адлер — Красная Поляна (долина р. Мзымта) и далее вдоль тропы на северном склоне горы Ачишхо (долина р. Пслух), вплоть до высоты около 2000 м в зоне субальпийских лугов (рис. 18, Б; 19).

Сопоставление данных современной диаграммы и показателей исследованной ископаемой пыльцы допускает следующие предположения: 1) в начале аккумуляции мустьерского слоя (образцы № 13—14: пыльца хвойных составляла 97—100% всех древесных) температура воздуха напоминала нынешнюю на высоте не менее, чем 1800 м над уровнем моря; 2) в конце аккумуляции мустьерского слоя (образец № 7: пыльца лиственных пород составляла 14% всех древесных) температура воздуха поднялась и стала напоминать современную на высоте 1500—1800 м; в районе пещеры, видимо, господствовал климат, существующий сейчас на соответствующих высотах северного склона горы Ачишхо; 3) во время отложения низов слоя 2 (образец № 6: 93% пыльцы хвойных пород и 7% пыльцы широколиственных) господствовал еще холодный климат.

Палеоботанические и палеозоологические показатели отложения слоя 3, взятые в целом, позволяют, таким образом, говорить о том, что со времени пребывания в пещере мустьерского человека в Сочинском Причерноморье имели место крупные сдвиги ландшафтно-климатических зон и значительные изменения в расселении растительных и животных видов.

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

ШИРОКИЙ МЫС — ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ
МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ
НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАВКАЗА

Современные представления о палеолите Черноморского побережья Кавказа всецело основаны на материалах многочисленных и хорошо изученных памятников, расположенных в южной части побережья — на территории Абхазии, Адлерского и Сочинского районов Краснодарского края. В более северных районах побережья палеолит до недавнего времени был известен лишь в одном пункте — на мысе Кадош близ г. Туапсе¹.

Автор настоящей статьи с 1965 по 1967 г. работал в Лаурской гидрогеологической партии Северокавказского геологического управления на участке побережья от Анапы до Сочи и имел возможность с помощью товарищей по работе зафиксировать на отмеченной территории ряд палеолитических местонахождений².

Раннепалеолитические местонахождения: Кадошский мыс (в 2 км северо-западнее Туапсе), Тенгинское (у пос. Тенгинка, в 35 км северо-западнее Туапсе) и Геленджикское (у пос. 6-й километр, в 6 км юго-восточнее г. Геленджика).

Позднепалеолитические местонахождения: Волконское (на территории Лазаревского госсортучастка южных и субтропических культур, в 38 км северо-западнее Сочи), Кривенковское (у станицы Кривенковской, в 15 км северо-восточнее Туапсе), Георгиевское (у пос. Георгиевское, в 3 км юго-восточнее станицы Кривенковской), Кадошский мыс (рядом с раннепалеолитическим местонахождением) и Широкий мыс (в 15 км северо-западнее Туапсе).

На мысе Агрива (в 21 км северо-западнее Туапсе) и у пос. Макопсе (в 62 км северо-западнее Сочи) обнаружены предметы раннего и позднего палеолита.

Все обнаруженные местонахождения располагаются на морских или речных террасах и содержат большое количество находок на поверхности. Их изучение пока не шло дальше предварительных сборов подъемного материала и описания геолого-геоморфологических условий находок. Лишь на местонахождении Широкий мыс дополнительные данные получены из геологических шурфов.

В настоящей статье предварительно характеризуется материал позднепалеолитического местонахождения Широкий мыс. Оно расположено на

¹ С. Н. Замятнин. Палеолитические местонахождения Восточного побережья Черного моря. «Очерки по палеолиту». М.—Л., 1961, стр. 70.

² Автор выражает глубокую признательность главному геологу Лаурской гидрогеологической партии А. Б. Островскому за постоянную помощь в исследовании палеолита.

морском берегу в центре мыса, давшего название местонахождению, и связано с поверхностью обширного (около 7,5 га) останца 40-метровой террасы. С северо-запада и юго-востока останец ограничен впадающими в море проточными балками.

В центральной части поверхность останца разделяется по диагонали небольшим оврагом (глубина в устье 17—18 м) на два примерно одинаковых участка. Палеолитические находки в большом количестве встречаются на обоих участках. Первый из них (участок «А», 130×110 м) располагается ближе к тыловому шву террасы, а второй (участок «Б», 130×70 м) — к бровке террасы.

В настоящее время местонахождение распаханно и на нем заложена плантация благородного лавра. Палеолитический материал, по-видимому, был извлечен на поверхность вместе с пластами земли в результате плантажной вспашки, которая, однако, обычно не затрагивает пласты, лежащие глубже 0,8—1,0 м. Этот факт, как и геоморфологические условия находок, исключают снос материала с более высоких участков, наводит на мысль о сравнительно неглубоком залегании находок *in situ*. Разрез геологического шурфа, заложенного на нераспаханном участке, как будто подтверждает высказанное предположение. В шурфе зафиксирован следующий разрез (сверху вниз):

1. Суглинок желтовато-серый, рыхлый с крошкой желтых и красных песчаников и мелкими кусочками древесного угля. Переход к нижележащему слою нечеткий	0,0—0,26 м
2а. Суглинок коричнево-желтый с сероватым оттенком, книзу красноватый, плотный, с немногочисленными обломками (диаметр 0,5—1,0 см) песчаников. В нижележащий слой переходит постепенно	0,26—0,74 м
2. Суглинок серовато-желтый, местами красноватый, плотный, с древесной и оглаженной щебенкой песчаников (до 40%, диаметр 1,5—2,0 см), местами образующий небольшие линзовидные скопления. К подошве слоя отмечается увеличение и укрупнение обломков. Контакт с нижележащим слоем неровный, с размывом	0,74—1,0 м
3. Глина сизовато-желто-красная, пятнистая, плотная, крупнооскольчатой структуры, без обломочного материала. Контакт четкий	1,0—2,3 м
4. Глина сизовато-желтая, пятнистая, с оглаженной щебенкой мергелей и песчаников. Контакт четкий	2,3—2,6 м
5. Щебенка мергелей и песчаников мелкая и средняя, оглаженная, с желтовато-сизым глинистым заполнителем. Контакт четкий, с размывом	2,6—2,9 м
6. Глина сизовато-желтая. Вскрыта верхняя часть слоя	2,9—3,2 м

В шурфе — 22 находки, ничем не отличающиеся от собранных на поверхности. Находки залегают в слоях 2а и 2 на глубине 0,5—1,0 м от поверхности и образуют компактный горизонт находок мощностью 0,5 м. Единичные находки встречены на глубине 1,05—1,08 м, и пока неясно — относятся ли они к слою 2 или же глинам нижележащего слоя.

На обоих участках, частично поквратно и с фиксацией на плане, позволившей выяснить действительные границы распространения находок, собрано около 10 000 разнообразных типично позднепалеолитических предметов. Органические остатки среди находок отсутствуют.

На местонахождении для изготовления орудий использовалось хорошее сырье: розовый и серый кремень, кремнистый мергель зеленовато-серой окраски, реже — мелкозернистый песчаник. Несколькими образцами представлены предметы из обсидиана. Необходимо отметить, что имеющиеся на местонахождении кремень и обсидиан не встречаются в окрестностях местонахождения. Напротив, кремнистый мергель был всегда под рукой у человека в виде галек из древних морских отложений.

Находки не окатаны. Степень патинизации предметов зависит от исходного сырья; наиболее сильно патинизированы предметы из слабокремнистого мергеля; кремневые изделия почти совсем не патинизированы. На поверхности некоторых изделий прослеживаются участки с зеркальным залощением. В большинстве случаев они не имеют ничего общего с изно-

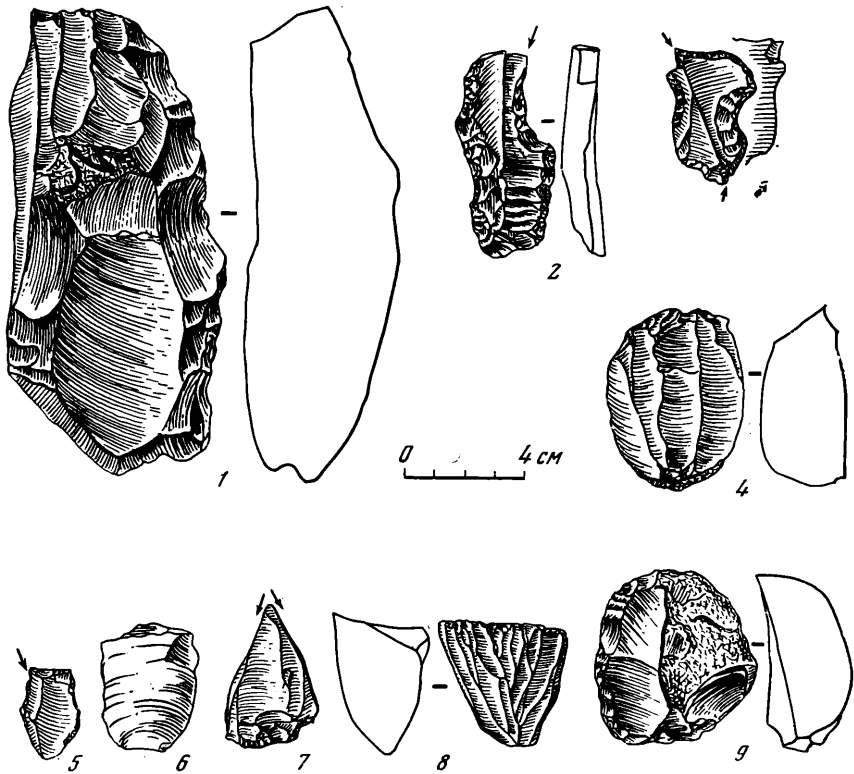

Рис. 20. Каменный инвентарь местонахождения Широкий мыс

1, 4, 8 — нуклеусы; 2 — угловой резец; 3, 5 — боковые резцы; 6 — плоский резец; 7 — срединный резец; 9 — боковое скребло

сом орудий в процессе работы и, как на многих находках из пещер, возникли в результате медленных скользящих давлений твердых частиц грунта на поверхность погребенных предметов.

Нами предварительно обработана коллекция находок из 5430 предметов, в числе которых по техническому принципу выделены: нуклеусы — 100 шт., отщепы — 799 шт., мелкие отщепы (ширина менее 2 см) и чешуйки — 1228 шт., фрагменты отщепов — 952 шт., пластинки — 193 шт., сечения пластинок — 1936 шт. и неопределимые осколки — 222 шт.

Группа наиболее выразительных нуклеусов состоит из 78 экз. Они прекрасно сохранились и свидетельствуют о высоком уровне техники скалывания пластинок. Большая часть нуклеусов — одноплощадочные, длиной 4—6 см, в плане треугольных, реже — овальных и четырехугольных очертаний. Ударные площадки крупные, часто сильно скошенные (с плоскостью скалывания они составляют угол от 95 до 140°) и обычно образованы одним крупным сколом. Нуклеусы относятся к категории односторонних. Плоскости скалывания их выпуклые, несут многочисленные узкие негативы сколов и занимают несколько больше половины диаметра нуклеуса. Тыльные стороны более плоские, сохраняют галечную корку или специально уплощены (рис. 20, 4, 8). На некоторых нуклеусах отмечается подправка с продольного края, которой, по-видимому, специально суживалась плоскость скалывания и контролировалась ширина скалываемых заготовок (рис. 20, 1). Несколькими экземплярами представлены двухплощадочные одно- и двухсторонние нуклеусы. Следует указать еще на два клиновидных и один конусовидный нуклеус. У последнего ударная площадка округлой формы и скалывание с нее производилось почти по всему периметру.

При анализе группы наиболее четко выраженных нуклеусов бросается в глаза некоторое несоответствие их с многочисленными отщепами и пластинками разных размеров, представленными в коллекции. Однако необходимо иметь в виду, что это комплекс с высокой техникой расщепления камня, а рассматриваемые ядрища являются результатом полной утилизации желваков камня в процессе расщепления. В начале скалывания нуклеусы были значительно крупнее (рис. 20, 1). Кроме того, в коллекции есть и менее выразительные нуклеусы с признаками дисковидного и грубопризматического скалывания.

С целью выявления технических признаков сколов-заготовок и связи этих признаков с различными категориями орудий (имеются в виду функционально определенные орудия) мы разделили все отщепы и пластинки (целые и их сечения) первоначально по основным техническим признакам: ширине, длине и толщине (только для отщепов). Внутри получившихся подразделений количественно учтены изделия с вторичной обработкой.

Выясняются высокий уровень раскалывания камня и соотношение типов заготовок и готовых изделий. Другие признаки заготовок неразрывно связаны с отмеченными; края пластинок не совсем правильные, они извилисты, часто сходятся к вершине, многие пластинки двух- и трехгранные. Среди отщепов есть пластинчатые, большинство же имеет неправильные овальные и четырехугольные очертания.

В коллекции предварительно выделены следующие изделия: скребки — 88 экз., резцы — 57 экз., проколки — 3 экз., стамески — 5 экз., микропластинки с ретушью — 190 экз., пластинки и отщепы с ретушью — 626 экз. и рубящие орудия — 6 экз.

Скребки являются наиболее устойчивой и определенной категорией позднепалеолитических орудий. В настоящее время большинство наших исследователей палеолита не сомневаются в преимущественном использовании скребков в качестве орудий для скобления, хотя не исключается использование их и в иных производственных операциях³. Постоянная повторяемость «скобящих» рабочих элементов на скребках позволяет видеть в них достаточно специализированные орудия для скобления.

Все скребки, за исключением семи очень коротких фрагментов, можно сгруппировать по разновидностям: 1. Концевые скребки с выпуклой рабочей частью: а) без ретуши по краям — 15 экз.; б) с мелкой прерывистой ретушью по краям (рис. 21, 23) — 8 экз.; в) с ретушью по левому краю. Противоположный край часто несет бессистемные мелкие фасетки со спинки и брюшка; иногда со стороны брюшка отмечается мелкая ретушь, у одного скребка на левом крае изготовлена пологая выемка (рис. 21, 15) — 7 экз.; г) с ретушью по правому краю. Противоположный край часто с мелкими прерывистыми фасетками (рис. 21, 6, 7) — 12 экз.; д) с ретушью по обоим краям (рис. 21, 2). У двух скребков имеются боковые выемки — 19 экз.; е) двойные скребки — 1 экз.; ж) с зазубренной рабочей частью и ретушью по левому краю — 4 экз. 2. Концевые скребки с выемчатой рабочей частью (рис. 21, 6) — 7 экз. 3. Скребки на отщепах. Семь из них обработаны крупной ретушью (иногда параллельной) на половину или $\frac{3}{4}$ периметра отщепа (рис. 21, 3) — 8 экз. Одним экземпляром представлено массивное боковое скребло (рис. 20, 9).

Большинство скребков изготовлено из пластинок шириной 1,5—3,0, толщиной 0,5—1,0 и длиной 2,0—5,0 см. Для скребков из отщепов отбирались заготовки овальной формы длиной 3—4 и толщиной 1,5—2,0 см.

³ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 376; он же. Костенки I. М.—Л., 1958, стр. 274—279; П. П. Ефименко и П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Борщево II. МИА, № 39, 1953, стр. 84; П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту бассейна Дона. МИА, № 121, 1963, стр. 38, 89.

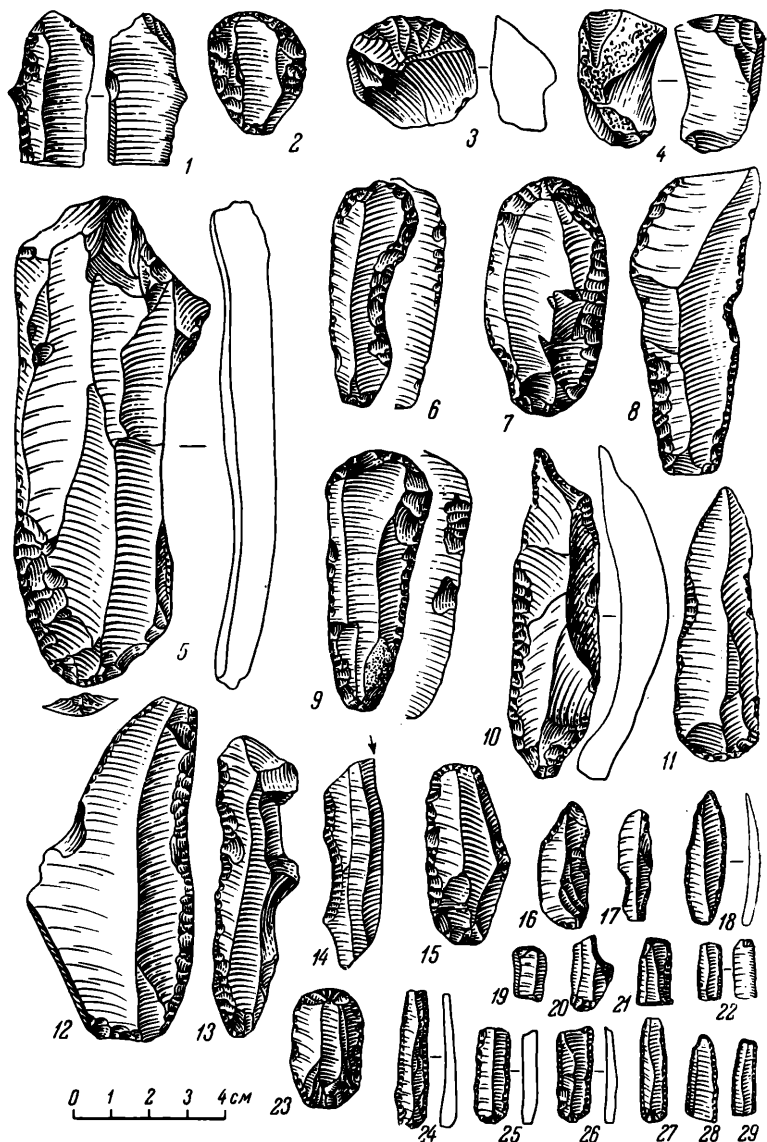

Рис. 21. Каменный инвентарь местонахождения Широкий мыс

1 — плоский резец; 2, 6, 7, 9, 15, 23 — концевые скребки; 3 — скребок на отщепе; 4 — стамеска; 5, 8, 12 — пластинки с ретушью; 11 — пластинка с выемкой; 13 — пластинка с зубчатой ретушью; 14 — угловой резец; 16—22, 24—29 — микропластинки с ретушью; 10 — проколка

Резцы изготовлены из пластинок (31 экз.) и отщепов (26 экз.). Размеры большинства резцов из тех и других заготовок примерно одинаковы: длина 2,5—5,5, ширина 1,5—4,0 и толщина 0,5—0,7 см. Преобладают угловые резцы (рис. 20, 2; 21, 14) — 37 экз. Остальных резцов меньше: боковых (рис. 20, 3, 5) — 13 экз., плоских (рис. 20, 6; 20, 1) — 4 экз., срединных (рис. 20, 7) — 1 экз. Двойных резцов всего два.

В коллекции крупной серией представлены так называемые нуклеидные орудия (скребки и резцы). Комбинированные орудия не характерны.

Проколки изготовлены из пластинок и обработаны крупной ретушью. Одна из них с оттянутым жальцем (рис. 21, 10).

Стамески составляют небольшую выразительную серию. Все они изготовлены из толстых обломков и отщепов. Длина их 3,0—4,5, ширина 2,5—3,5 и толщина 1,0—2,0 см (рис. 21, 4).

Микропластинок с ретушью много. Большинство сегментовидные и треугольные в поперечном сечении, нередко с краями, сходящимися к вершине, и небольшим хорошо выделяющимся ударным бугорком. Почти все пластинки в той или иной степени фрагментированы (длина 1,0—3,5 и ширина 0,4—1,0 см; рис. 21, 16—22, 24—29). Обнаруженные экземпляры разнообразны по характеру обработки и ретуши. Среди них нет пластинок с вертикальной приотступающей ретушью. Она умеренно крутая или приотступающая, разнофасеточная. Края пластинок редко хорошо выровнены; чаще они слегка извилисты, мелко зазубрены.

В табл. 1 приведены встреченные разновидности пластинок.

Таблица 1

№	Характеристика пластинок	Количество
1	Пластинки с мельчайшими редкими фасетками по краям с дугообразно ретушированным поперечным концом	7
2	Пластинки с ретушью по краю со спинки	1
	а) с мелкой выемкой на ретушированном крае	29
	б) с неровной зубчатой ретушью по противоположному краю	1
3	Пластинки с ретушью по краю с брышка	2
4	Пластинки со сплошной ретушью по одному краю и частичной — по другому	4
	с мельчайшим резцовым сколом по краю	21
5	Пластинки с ретушью по обоим краям	1
	а) с прямо или чуть косо ретушированным поперечным концом	111
	б) с дугообразно ретушированным узким поперечным концом	8
	в) с очень легкой подтеской поперечного конца с брышка	2
6	Пластинки с противоположающей ретушью	1
7	Пластинки с ретушью со спинки по одному краю, а по другому — с чередующейся ретушью	17
8	Пластинки с боковыми выемками	1
9	Пластинки листовидные с ретушью по всему периметру	3
		1

Наиболее многочисленна группа разнообразных пластинок и отщепов с ретушью, не расчлененных еще типологически. Из пластинок характерны несколько крупных экземпляров с приотступающей и зубчатой ретушью по краю (рис. 21, 5, 8, 12, 13). Довольно часто на пластинках изготовлены выемки (рис. 21, 11). Как показывает трассологический анализ, выемки не всегда являлись рабочими частями орудий, нередко ими отделялась рабочая часть орудия от нерабочей, рукояточной (рис. 21, 16).

Наконец, в коллекции представлена выразительная серия рубящих орудий. Три из них прекрасно обработаны. На одном отчетливо видны линейные следы износа.

Описанное позднелеолитическое местонахождение наиболее крупное на побережье. Находки залегают в слое, который не претерпел существенных перемещений. Костные остатки, по-видимому, не сохранились.

Местонахождение расположено на хорошо датированной фаунистически ашейской (древнекарангатской) террасе⁴. В. М. Муратов обратил

⁴ А. Б. Островский. О морских террасах Черноморского побережья Кавказа между Анапой и устьем Шаха. «Доклады АН СССР», т. 181. № 4, 1968, стр. 951.

внимание на ритмичность делювиального шлейфа, вскрытого приведенным выше шурфом (прослой глин перемежаются с прослоями щебенки). Слои с находками залегают в верхней части ритмично-слоистой пачки наносов, которые перекрывают морские отложения. Геологическая датировка местонахождения связана с решением вопроса о соотношении слоя находок с красноцветными глинами слоя 3 (см. описание разреза), которые А. Б. Островский относит к карангату⁵.

Основные признаки каменного инвентаря проявляются достаточно ясно. Для него характерно: широкое использование пластинок в качестве заготовок для орудий, большое количество пластинок и отщепов с ретушью, распространение выемчатых изделий, преобладание скребков над резцами, а в микролитой части инвентаря — преобладание пластинок с ретушью по обоим краям, слабое развитие поперечной подработки концов и отсутствие геометрических микролитов.

Все эти признаки сильно отличают Широкий мыс от группы памятников Имеретии⁶, а также и Прикубанья⁷. К сожалению, мало пока сведений о материалах позднепалеолитических слоев Ахштырской и Навагишенской пещер в окрестностях Сочи⁸, с которыми Широкий мыс, по видимому, имеет известное сходство.

⁵ Устное сообщение А. Б. Островского.

⁶ С. Н. Замятин. Палеолит Западного Закавказья. «Палеолитические пещеры Имеретии». Сборник МАЭ, т. XVIII, 1957, стр. 433—499; М. Д. Гвоздовер. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников нижнего Дона. «Вопросы антропологии», вып. 27, 1967, стр. 82—100.

⁷ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 41—53.

⁸ С. Н. Замятин. Палеолитические местонахождения Восточного побережья Черного моря, стр. 102—113; М. Э. Паничкина и Е. А. Векилова. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г. КСИА, вып. 92, 1962, стр. 39; В. П. Любин, В. Е. Шелинский. Исследование Навагишенской пещеры в 1965 г. КСИА, вып. 111, 1967, стр. 73—78.

Г. В. ГРИГОРЬЕВА

НОВЫЕ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
СЕВЕРНОЙ МОЛДАВИИ

В 1967 и 1968 гг. Молдавская археологическая экспедиция, наряду с раскопками неолитических и трипольских поселений, провела в Сорокском районе поиски позднепалеолитических памятников¹, в результате которых обнаружено восемь новых местонахождений: Ёоржница, Курешница I и II, Голошница, Косоуцы-сад, Трифауцы II, III, IV, расположенных двумя группами. I группа сосредоточена северо-восточнее г. Сороки, II группа — восточнее г. Сороки.

Первая группа поселений находится на правом берегу р. Днестра, в 12 км северо-восточнее г. Сороки, на террасе высотой 100—120 м. Проведенные в 1967 г. предварительные разведки позволили обнаружить четыре стоянки: Ёоржницу, Курешницу I и II и Голошницу.

На стоянке Ёоржница в 1967 г. было заложено два шурфа, а в 1968 г. проводились раскопки. Поселение находится в 100—150 м севернее села того же названия. Находки распространены на 400—600 м с запада на восток и на 100—150 м с севера на юг. Терраса, на которой расположен памятник, постепенно понижается к северу — к Днестру и в восточном направлении. Для выявления границ стоянки заложено 14 шурфов и 2 раскопа, с помощью которых установлено, что наибольшая насыщенность культурного слоя находками наблюдалась в восточной части поселения.

Стоянка имеет следующую стратиграфию: 1) почвенный слой, перепаянный, с фрагментами керамики и обмазки трипольского времени — 0,25—0,29 м; 2) переходный слой — 0,30—0,45 м; 3) коричневый суглинок, в нижней части с вкраплениями белоглазки — 0,75—0,90 м; 4) белесый суглинок с примесью белоглазки и известковистой крошки — 0,90—1,10; 5) суглинок с примесью песка желтого цвета — 1,10 м.

Культурный слой приурочен к верхней части коричневого суглинка, мощность его 0,55—0,60 м. В раскопе 1 (18 кв. м) наряду с кремневыми орудиями и отщепами найдены отдельные угольки. В раскопе 2 (7 кв. м) вместе с орудиями и отщепами обнаружено много галек из кремня, песчаника, известняка, кварцита. Многие кремни, залегавшие в основании культурного слоя, оказались окатанными. Находки были распространены почти равномерно по всему раскопу 2, несколько больше их наблюдалось у западной стенки, куда они как бы были смыты, здесь же обнаружено и 10

¹ В разведках принимали участие Е. К. Черныш, В. И. Маркевич, Г. Ф. Коробкова, Т. А. Попова, Р. Трингем и автор.

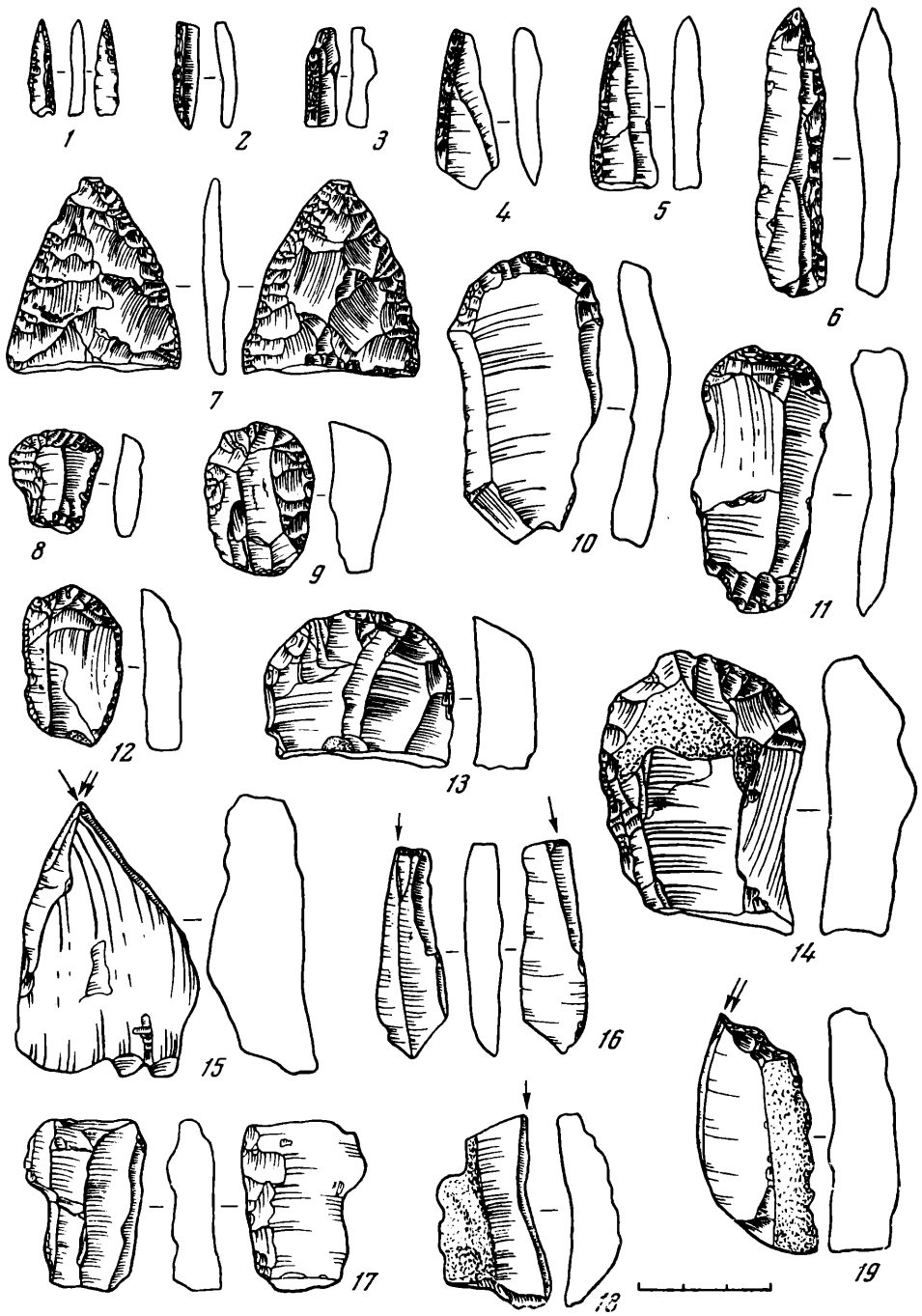

Рис. 22. Орудия из стоянки Йоржница

1, 4—6 — остря; 2, 3 — микропластинки с притупленным краем; 7 — наконечник; 8—14 — скребки; 15, 16, 18, 19 — резцы; 17 — пластинка с ретушью-подтеской с брюшка по краям

Памятник	Группа							
	наконечники	острия	микропластинки с притупленным краем	резцы				
				боковые	угловые	срединные	двойные	всего
I группа								
Йоржница	1 0,03%	7 0,2%	4 0,12%	15	11	3	5	34 1,03%
Курешница I	—	6 1,4%	—	1	3	1	2	7 1,6%
Курешница II	—	—	—	—	—	—	—	—
Голошница	—	—	—	—	—	—	—	—
II группа								
Трифаяцы II	—	—	—	—	—	1	—	1 2,9%
Трифаяцы III	—	—	—	1	1	—	—	2 1,8%
Трифаяцы IV	—	I тип. 0,7%	—	—	—	—	—	—

окатанных галек. Среди находок из шурфов и раскопов совершенно отсутствовали остатки фауны. Инвентарь памятников сведен в одну таблицу.

В Йоржнице собрана большая коллекция, насчитывающая 3289 кремней. Сырьем служил черный и сероватый прозрачный меловой кремль, иногда серый с беловатыми прожилками, встречающийся часто на трипольских поселениях. Весь инвентарь патинизирован, характер патины различный: от легкого голубоватого налета до плотной белой патины, покрывающей все изделие.

В инвентаре Йоржницы около $\frac{1}{3}$ отщепов покрыто до половины коркой или имеет отдельные участки корки на спинке. Нуклеусы представлены в основном призматической формой, среди них выделяются ядрища с различным количеством и расположением площадок: одноплощадочные, односторонние — 12 экз.; двухплощадочные: со встречными площадками — 9 экз., с противоположащими площадками — 8 экз., многоплощадочные: со встречными и противоположащими площадками — 2 экз., с попарновстречными площадками в разных плоскостях — 2 экз., со встречными площадками и площадкой, расположенной под прямым углом к двум остальным, — 2 экз. Почти у всех нуклеусов ударные площадки скошены. Кроме того, на поселении имеется четыре клиновидных ядрища. Интересны три нуклеуса, отдаленно напоминающие клиновидные, но оформленные по-иному. У них отсутствуют уплощенные тыльные концы, с помощью которых закрепляли нуклеусы. Скалывание пластинок и отщепов производили по узкой и короткой стороне, а не по длине нуклеуса. Ударная площадка у них расположена под прямым углом к скалываемой поверхности. Край ударной площадки овальной формы и напоминает высокий скребок. И еще одна особенность: у всех экземпляров имеется по одному продольному боковому сколу. Подобные формы найдены на стоянке Стинка, там они более тщательно ретушированы и использованы в качестве скребков. В Йоржнице встречаются и многоплощадочные ядрища овальной формы, причем одна площадка переходит в другую и определить их границы трудно.

орудий

скрепки	комбинирован. орудия—скрепки-резцы	скребовидные орудия	орудия выемчатой формы	прочие орудия и обломки	пластинки ретушир.	отщепы ретушир.	пластинки и микро- пластинки	осколки нуклео- вид. и сколы с нуклеусов	нуклеусы	отщепы и осколки	гальки (из слоев)
34 1,03%	1 0,03%	—	5 0,15%	7 0,2%	28 0,85%	28 0,85%	436 13,3%	96 2,9%	52 1,6%	2472 75,3%	78 2,4%
7 1,6%	—	—	8 1,8%	—	13 1,9%	6 1,4%	86 19,7%	28 6,4%	10 2%	264 60,7%	—
—	—	—	6 15,8%	—	—	4 10,6%	5 пл. 13%	—	3 8%	20 52,6%	—
—	—	—	6 8,3%	—	3 4,7%	4 6%	—	—	2 3%	50 77%	—
—	—	—	3 8,7%	—	—	3 8,7%	2 пл. 5,8%	3 8,7%	6 17,4%	16 47%	—
2 1,8%	1 0,9%	2 1,8%	5 4,8%	—	2 пл. 1,8%	6 5%	17 15,8%	9 8,5%	17 15,8%	49 46,7%	—
—	—	3 2,1%	12 8%	—	—	13 8,7%	6 4%	10 6,7%	9 6%	96 64%	—

Среди орудий следует особо отметить фрагмент наконечника листовидной формы (рис. 22, 7) из серого с белыми прожилками кремня, слегка патинизированного. Наконечник оформлен двусторонней ретушью. Размеры сохранившейся части: длина 4,4, ширина в средней части 3,8, толщина в средней части 0,4 см. Выразительную серию составляют острия. Выделяются четыре экземпляра, изготовленные из пластинок и оформленные крутой встречной ретушью по одному краю (рис. 22, 4—6). Три других острия изготовлены из микропластинок (2 экз.) и пластинки (1 экз.). Оформлены они притупляющей ретушью по одному краю и приостряющей у рабочего конца — по другому или и притупляющей ретушью у рабочего конца по обоим краям. Одно острие (рис. 22, 1) из правильной микропластинки кроме ретушированных краев со спинки имеет тщательную приостряющую ретушь у рабочего конца с брюшка. Размеры острий варьируют: длина от 1,9 до 5,9 см, ширина в средней части 0,9—1,5 см.

Микропластинки с притупленным краем представлены небольшими обломками, оформленными различно: притупляющей ретушью по одному краю (3 экз.) и встречной ретушью по другому (1 экз.).

Наибольшее количество орудий составляют в Йоржнице скрепки и резцы. Скрепки (рис. 22, 8—14) изготовлены из пластинок (12 экз.), из пластинчатых отщепов и отщепов (21 экз.) и из нуклеуса (1 экз.). Преобладают обыкновенные концевые скрепки (29 экз.), семь из них ретушированы по краю. Один ногтевидный концевой скребок (рис. 22, 8) из отщепа с ретушью по обоим краям. Три двойных скрепка (рис. 22, 11). Скрепки изготовлены в основном из крупных отщепов и пластинок и имеют длину от 2,2 до 6 см, ширину в средней части от 1,8 до 4 см.

Среди резцов (23 — из пластинок, 11 — из отщепов) (рис. 22, 15, 16, 18, 19) преобладают боковые и на углу пластинки. Двойные резцы дают следующие сочетания: два боковых угловых, один срединный-угловой, один двойной угловой, один тройной угловой. Наименее выразительны срединные резцы.

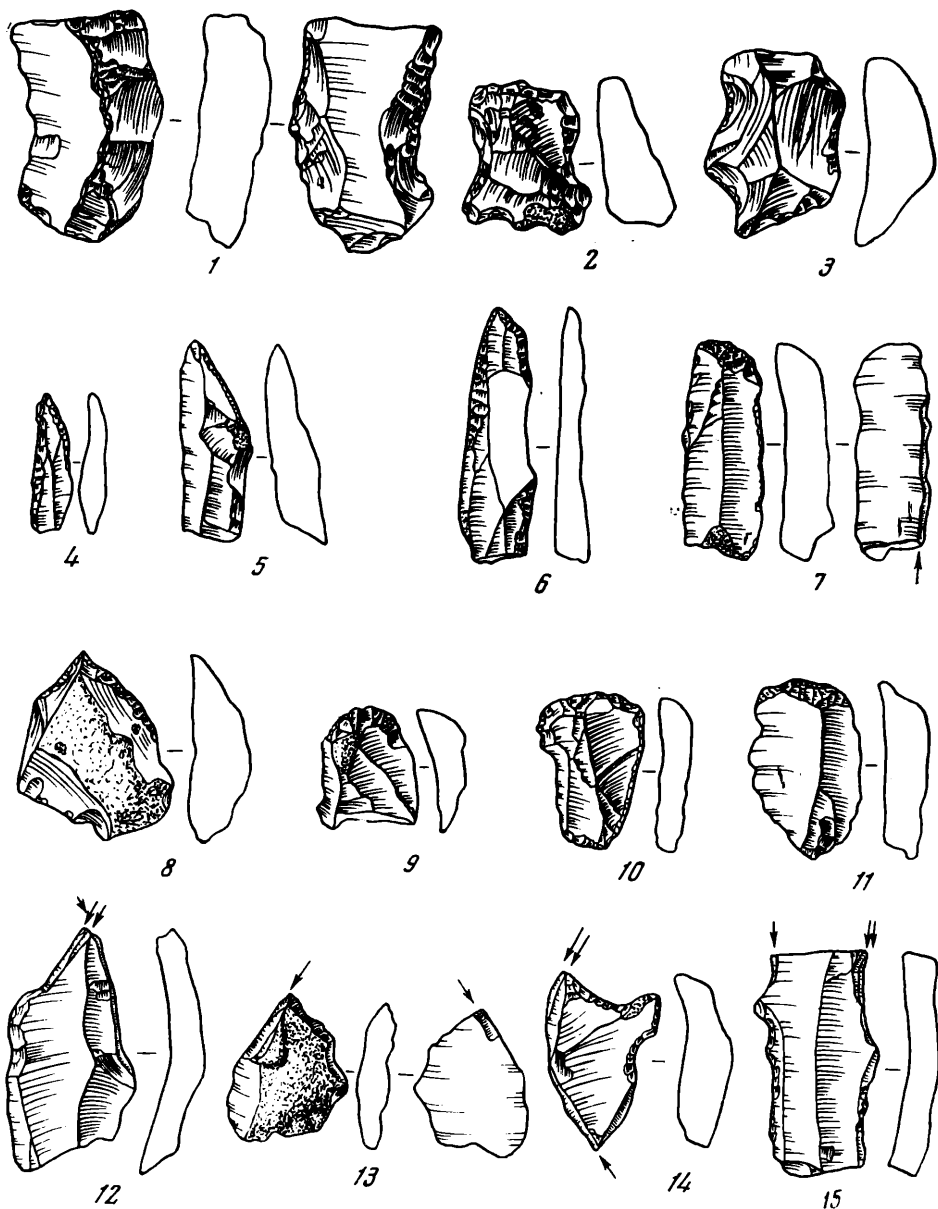

Рис. 23. Кремневые орудия

Орудия из стоянки Йоржница (1—3): 1 — пластинка с ретушью-подтеской с брюшка по краям; 2, 3 — орудия выемчатой формы. Орудия из стоянки Курешница I (4—15): 4—6, 8 — остря; 7 — комбинированное орудие, скребок-резец; 9—11 — скребки; 12—15 — резцы

Орудия выемчатой формы представлены двумя типами: у одних выемчатый край ретуширован полностью, у других — только выемки.

В Йоржнице почти отсутствуют пластинки правильной формы с параллельным ограничением. Ретушь, оформляющая края, — приостряющая и мелкая притупляющая. Выделяются две пластинки (рис. 22, 17; 23, 1), ретушированные с брюшка по краям, причем ретушь напоминает скорее подтеску. У 13 пластинок ретушированы оба края, у 13 других — один.

В целом для поселения Йоржница характерны обыкновенные концевые скребки из крупных отщепов и пластинок, преобладание резцов боковых и

на углу пластинки, острия со встречной ретушью по одному краю, наличие наконечника (подобные неизвестны в Среднем Поднестровье и среди позднепалеолитических памятников Молдавии). Среди пластинок преобладают неправильные крупные экземпляры, микропластинки составляют лишь $\frac{1}{5}$ часть их. Выделяются пластинки с ретушью — подтеской по краю с бруска. Среди нуклеусов имеется отличный от остальных тип с боковым сколом. При оформлении орудий использовали в основном приостряющую и мелкую притупливающую ретушь. По технике обработки и формам орудий Йоржница относится к памятникам позднего палеолита.

В первую группу памятников входят стоянки Курешница I и II, расположенные в 3—4 км выше по р. Днестру, на той же террасе. Курешница I находится в 1 км юго-западнее села того же названия, сразу же за селом расположена Курешница II. На обоих памятниках собран только подъемный материал. Коллекция Курешницы I насчитывает 435 кремней.

Инвентарь отличается меньшими размерами по сравнению с материалом Йоржницы. Среди отщепов примерно 40% из серого с белыми прожилками кремня, однако почти все орудия изготовлены из черного и серого прозрачного мелового кремня. Патинизация кремня слабее, чем в Йоржнице. Среди пластинок 13 экземпляров правильной формы с параллельным ограничением. Нуклеусы только призматические, среди них выделяются одноплощадочные односторонние — 6 экз.; двухплощадочные: со встречными площадками — 3 экз., с противоположными площадками — 1 экз. Ударные площадки ядрищ скошены.

Среди орудий отсутствуют микропластинки с притупленным краем. Острия (4 из пластинки, 2 — из отщепа) (рис. 23, 4—6, 8) оформлены притупляющей ретушью по одному краю (3), по обоим краям (3). У двух острий конец скошен ретушью. Ведущими группами орудий, как и на предыдущем памятнике, являются скребки и резцы. Скребки (5 — из отщепов, 2 — из пластинок) (рис. 23, 9—11) концевые, у двух мелкая притупляющая ретушь спускается на края, не заходя далеко на спинку. Они отличаются небольшими размерами: длина 2,5—4,6, ширина в средней части — 2,1—2,5 см. Резцы (2 — из пластинок, 5 — из отщепов) (рис. 23, 12—15) преобладают угловые, боковые и срединные — по одному экземпляру. Двойные резцы представлены следующими сочетаниями: один боковой-угловой, один двойной на углу пластинки.

Орудия выемчатой формы менее выразительны, ретушь у них оформляет в основном только выемки. Ретушированные пластинки представлены обломками, оформленными приостряющей ретушью, нанесенной только на отдельных участках краев.

В целом же инвентарь Курешницы I по технике обработки и формам орудий близок к материалам Йоржницы, хотя Курешница I отличается полным отсутствием встречной ретуши при оформлении орудий, меньшими размерами заготовок и орудий, более правильной формой пластинок (13 экз. с параллельным ограничением). Нуклеусы только призматические, совершенно нет клиновидных и с боковым сколом ядрищ.

Материалы Курешницы II насчитывают 38 кремней.

В 1 км северо-восточнее с. Курешница обнаружено местонахождение Голошница. Собранная коллекция состоит из 65 кремней. Нуклеусы призматической формы двухплощадочные: со встречными площадками и расположенными под прямым углом по отношению друг к другу площадками. В качестве сырья использовали только серый с белыми прожилками кремнь. Материал маловыразительный.

Наконец в 1,5 км восточнее стоянки Йоржница обнаружен еще один пункт — Косоуцы-сад, где собрано 6 кремней: один призматический нуклеус, одна пластинка и четыре отщепа.

Таковы местонахождения первой группы. Они расположены относительно недалеко друг от друга (на расстоянии 5—6 км). На памятниках

представлены в основном одни и те же группы и типы орудий, хотя и есть отличия. Ведущими группами орудий в Йоржнице и Курешнице I являются скребки и резцы; на всех местонахождениях имеются орудия выемчатой формы. Единичны, а на большинстве памятников отсутствуют микропластинки с притупленным краем.

Вторая группа местонахождений открыта в 9—10 км восточнее г. Сороки, на правом берегу р. Днестра, на высоком мысообразном плато, сложенном известняками, покрытом лёссовидными суглинками и возвышающемся на 100—120 м над уровнем воды. На поверхности плато, частично вскрытой бульдозером, обнаружено наибольшее количество кремней, обработанных человеком. Пункты, на которых собраны кремни, обозначены нами как Трифауцы II, III, IV; они расположены вдоль берега Днестра, на протяжении 3—4 км. На них собран только подъемный материал. Коллекция Трифауц II насчитывает 34 кремня. Четыре нуклеуса призматической формы, из них три одноплощадочных односторонних, один двухплощадочный, с расположенными под прямым углом относительно друг друга площадками; один дисковидный нуклеус и одна заготовка ядрища с двумя сколами. В 300 м от Трифауц II расположены Трифауцы III. Коллекция состоит из 107 кремней. Все нуклеусы призматической формы, среди них три одноплощадочных, односторонних; двухплощадочные: три со встречными площадками, два с расположенными под прямым углом относительно друг друга площадками, четыре нуклеуса представлены в обломках. Скребки концевые, резцы — боковой и на углу пластинки.

Трифауцы IV лежат на той же террасе, в 400—500 м от Трифауц III вглубь мыса. Подъемный материал насчитывает 150 кремней. Нуклеусы распределяются следующим образом: пять одноплощадочных, односторонних; двухплощадочные: два со встречными площадками, один с расположенными под прямым углом относительно друг друга площадками, один дисковидный.

Трифауцкие местонахождения своеобразны. В инвентаре преобладают отщепы, осколки и нуклеусы. В Трифауцах II нуклеусы составляют 17,4% от всего кремня, в Трифауцах III—11, в Трифауцах IV—6%. Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные односторонние. Орудия маловыразительны и представлены преимущественно выемчатыми формами. Отсутствуют и микропластинки, за исключением двух обломков из Трифауц IV.

Рассмотренные памятники двух групп различаются между собой. В первой группе орудия составляют выразительные серии, во второй встречаются в основном маловыразительные выемчатые формы и отщепы, ретушированные на отдельных участках по краю.

Вновь открытые памятники отличаются от уже известных позднепалеолитических стоянок Среднего Поднестровья и поселений Молдавии, таких, как Рашков 7, Чутулешты и др. Они, возможно, позволят наметить границу распространения поселений молодовской культуры, а также по-новому поставить вопрос о культурной принадлежности как ранее исследованных, так и вновь открытых позднепалеолитических памятников Молдавии.

Л. М. ТАРАСОВ

СТАТУЭТКА ИЗ ГАГАРИНО

Исследование верхнепалеолитического поселения Гагарино, возобновленное в 1961 г., планомерно проводилось в течение ряда последующих лет. За этот период открыты и изучены новые объекты памятника, давшие разнообразный вещественный материал: многочисленные серии кремневых орудий, изделия производственного назначения из кости и бивня мамонта, украшения, предметы искусства, минеральную краску, а также остатки фауны.

В 1967 г. работы были продолжены на участке поселения у северного края жилища, где заканчивалось исследование западной ямы¹. После снятия конструкции из плит девонского известняка, бивней и черепа мамонта в нижней части заполнения был собран многочисленный расщепленный кремль, в том числе и различные орудия. Из костяных изделий найдены шилья, миниатюрный стерженек из бивня мамонта, землекопная лопаточка, тоже изготовленная из бивня мамонта, наконечник, подвески из клыка песца с прорезным отверстием. В заполнении собраны также разрозненные кости, принадлежащие в основном песцу, костные угли и многочисленные кусочки красной охры. Яма была вытянута к северу от жилища и состояла из двух примыкающих друг к другу камер — более крупной южной (108×95×75 см) и северной (77×60×40 см), в плане имея вид восьмерки. Общая длина ямы 1,85 м. Южный ее край, примыкающий к жилищу, частично поврежден хозяйственной ямой 1925 г. и раскопом 1927 г. Стены ямы отвесные, за исключением северо-западной, которая постепенно понижалась ко дну. На северном краю ее находился сильно разрушенный очажок диаметром 25 см, углисто-зольное заполнение которого было ограждено небольшими обломками камня и гальками. В северо-восточной стене яма имела сравнительно широкую и глубокую нишу — подбой, в которой в 1962 г. была обнаружена женская скульптура².

При зачистке дна южной камеры у восточной ее стены была выявлена еще одна ямка-подбой шириной 10, высотой 9 и глубиной 12 см, в которой тоже находилась женская статуэтка. Последняя размещалась почти вертикально, ногами вниз, лицевой стороной к юго-западу с небольшим наклоном в этом же направлении, залегая на глубине 72 см от древней дневной поверхности. В нише, кроме того, обнаружено шило, изготовленное из лучевой кости песца, анатомическая группа костей правой передней лапки и клык этого животного, резец полевки, а также кремневый резец, несколько

¹ Л. М. Тарасов. Палеолитическая стоянка Гагарино (по раскопкам 1962 г.). МИА, № 131, 1965, стр. 118—120.

² Л. М. Тарасов. Новая палеолитическая статуэтка из Гагарино. СА, 1963, № 4, стр. 179—183.

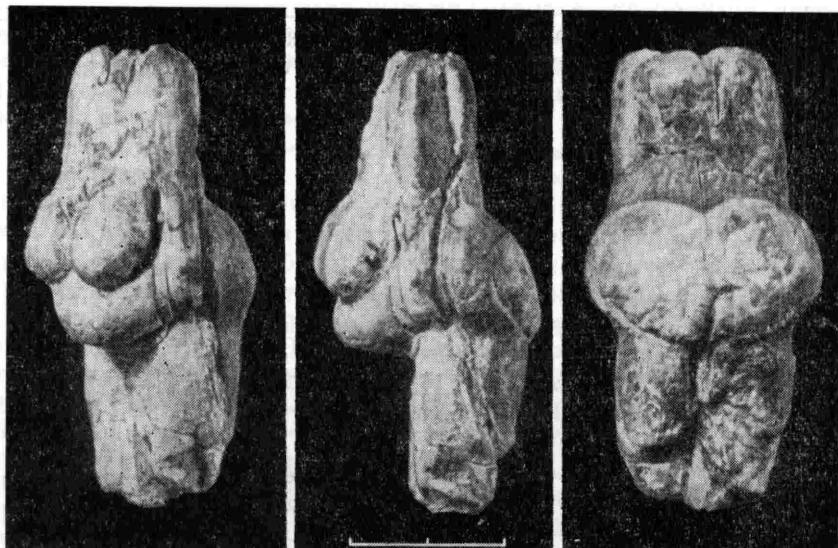

Рис. 24. Женская статуэтка, обнаруженная в Гагарино в 1967 г. (фото М. Г. Агаронян)

расщепленных кремней и мелких обломков кости, кусочки красной охры и костные угли.

Статуэтка на месте не расчищалась, а была взята небольшим монолитом и в таком виде доставлена в Ленинград для обработки в лабораторных условиях. Здесь в ходе расчистки выяснилось, что поверхность скульптуры почти полностью была покрыта плотным известковым налетом³. После освобождения от него поверхность скульптуры имела ровную патину бархатисто-коричневого цвета, переходящую местами в темно-серую, а на выступающих частях фигуры она была светлой, цвета несколько потемневшей слоновой кости. Однако спустя некоторое время после консервации статуэтки эта очень своеобразная патина утратила свой цветовой эффект — она поблекла и скульптура в целом стала выглядеть менее выразительной.

Скульптура изготовлена из бивня мамонта; в древности у нее утрачена голова и обломаны в нижней части обе ноги. Поверхность ее сохранилась довольно хорошо, за исключением задней стороны, особенно в нижней части, где имеются следы глубокой коррозии. Статуэтка представляет собой обнаженную женскую фигуру, изображенную во весь рост (рис. 24). В целом для нее характерны естественная соразмерность пропорций и высокий реализм исполнения. Она невелика по размерам — в сохранившейся части высота скульптуры равна 5,7 см, а в полном виде она достигала бы примерно 9 см. Ширина ее в плечах 1,9, в седалищной части 2,9, в бедрах 2,1 см; толщина в верхней части груди 1,3, в области живота 2,5, в бедрах 1,3 см. Верхняя часть корпуса как бы немного наклонена в левую сторону, спина ровная, без выделенных деталей, плечи горизонтально прямые. На месте поясницы прослеживается чуть заметный прогиб внутрь с неглубокой рельефной поперечной линией в виде двух примыкающих полуокружностей. Седалищная часть снизу с боков имеет несколько спрямленный край. Сзади, внизу правой половины торса прослеживается небольшой по-

³ Снятие этого налета и консервация статуэтки осуществлены старшим реставратором Института этнографии Академии наук СССР В. П. Гожевой. Пользуясь случаем, автор выражает В. П. Гожевой благодарность за тщательно выполненную работу.

перечный выступ, соответствующий характерному для палеолитических женских статуэток поперечному валику. Четко оформленные бедра постепенно суживаются книзу, а на уровне колен имеют поперечный излом. Живот (частично поврежденный в древности с правой стороны) небольшой по объему, округлых очертаний, немного выдается вперед; груди сравнительно небольшие, несколько вытянутой округлой формы. Руки отличаются наименьшей четкостью исполнения. Переданные рельефно, они непропорционально тонки и коротки, изображены плотно прижатыми к бокам. Лучше прослеживается левая рука, заканчивающаяся более широким уплощением — кистью, сливающимся с животом. Статуэтка совершенно не имеет какой-либо орнамента или следов гравировки.

Следует отметить еще одну деталь: сверху, на месте головы корпус скульптуры имеет своеобразный углубленный вылом. Это заслуживает особого внимания, поскольку во время работ 1966 г. недалеко от этой статуэтки, в той же западной яме была найдена поврежденная головка, отделенная от скульптуры с небольшой частью корпуса. Однообразие характера излома на корпусе статуэтки и на головке, их пропорциональное соответствие дают основание полагать и то и другое принадлежащими одной скульптуре. Однако отсутствие полного контакта на месте излома не позволяет утверждать это, допуская возможность, таким образом, рассматривать фрагментированную головку как самостоятельную скульптуру.

Обнаруженная в Гагарино в 1967 г. статуэтка как по своей конституции, так и по размерам отличается от всех гагаринских скульптур. Наименьшее сходство она имеет с тремя фигурками, происходящими из раскопок в 1927 г.⁴, для которых помимо небольших размеров характерны чрезмерная полнота у первой статуэтки, несколько умеренная у второй и подчеркнутая худощавость у третьей. Описываемой же статуэтке свойственна естественная пропорциональность, и в этом отношении она ближе стоит к скульптуре, обнаруженной в Гагарино в 1962 г. Последняя отличается некоторой массивностью, подчеркнутой сутулостью и значительно большим размером.

Такое соотношение сходства и различия гагаринских статуэток в полной мере согласуется и с их расположением на территории поселения. Все три небольшие скульптурки из раскопок 1927 г. находились внутри долговременного жилища, у его стен, тогда как отличные от них, но в чем-то сходные между собой статуэтки из раскопок 1962 и 1967 гг. были обнаружены в нишах у самого дна примыкающей к этому жилищу большой ямы. Казалось бы, выделение в серии гагаринских статуэток двух групп позволяет предположить и наличие здесь остатков разных поселений. Каждая из этих групп связана с разными частями жилого комплекса. В связи с этим важно отметить, что С. Н. Замятнин в инвентаре Гагарино выделял инородную для этого памятника группу резцов (3 экз.), изготовленных из мелового кремня, которые, по его мнению, были принесены в Гагарино или непосредственно с поселения верхнего Костенок I, или из местонахождения, тождественного ему по культуре⁵. А нужно сказать, что две гагаринские статуэтки — из раскопок 1962 и 1967 гг. (особенно вторая) — самые близкие аналогии находят именно в Костенках I. Однако анализ остатков самого поселения и комплексов находок, связанных с разными его частями, не дает оснований для вывода о существовании здесь разных поселений. Западная яма, в которой находились статуэтки, так же как и восточная, вплотную примыкает к жилищу, так что в целом жилой комплекс имеет единую общую планировку. Вещественные остатки западной ямы также находят полное тождество с остатками на месте жи-

⁴ С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО). «Иzv. ГАИМК», вып. 118, 1935, стр. 63—68, рис. 22—24.

⁵ Там же, стр. 55.

лица. Что же касается трех резцов из мелового кремня, то все они были найдены в жилище вместе с группой статуэток, явно отличных от костенковских. Еще один такой резец, изготовленный из мелового кремня, найден в 1967 г. также на участке жилища.

Несмотря на определенное своеобразие, все гагаринские статуэтки имеют аналогии. Так, первая статуэтка несомненно похожа на известную виллендорфскую Венеру⁶, хотя последняя значительно крупнее и изготовлена не из бивня мамонта, а из тонкозернистого известняка. Удивительно сходно изображена сама их фигура, избрана поза, выдержано единство пропорций. У той и другой орнаментирована только голова, и притом в довольно близкой манере. Вторая статуэтка, в целом напоминающая первую, по своеобразному положению рук, согнутых в локтях и поднятых к лицу, сходна с небольшой скульптурой — заготовкой из Ложери-Басс⁷ и в известной мере с рельефами Лоссея⁸. Третья гагаринская статуэтка является очень близкой аналогией статуэтке из Авдеево (раскопки 1949 г.)⁹, хотя последняя намного крупнее гагаринской и сильно уплощена с задней стороны.

Самая крупная статуэтка из Гагарино (раскопки 1962 г.) столь близких аналогий пока не имеет. Однако по некоторым отдельным чертам — четко выраженной сутулости, общей массивности и своеобразной посадке головы она сходна с крупной, по всей вероятности незаконченной, костенковской статуэткой из мергеля (раскопки 1931 г.)¹⁰. В какой-то мере она близка и другой статуэтке Авдеевской стоянки (раскопки 1948 г.)¹¹. Однако по общему облику наиболее близкими аналогиями крупной гагаринской статуэтке следует считать четыре женские скульптуры из Костенок I, изготовленные из бивня мамонта¹². Самой яркой отличительной чертой этой статуэтки является реалистичность в изображении ног и передача их в движении. Что касается статуэтки, обнаруженной в Гагарино в 1967 г., то она очень близкое сходство имеет с теми же четырьмя костенковскими скульптурами и особенно с последней, происходящей из второго комплекса поселения (раскопки 1951 г.); вместе с тем она отличается от них небольшими размерами.

Таким образом, небезынтересно отметить, что все стоянки, на которых гагаринские женские статуэтки находят свои более или менее близкие аналогии (Виллендорф II — верхний слой, Авдеево, Костенки I — верхний слой), входят в единый обособленный вариант верхнепалеолитической культуры, носящей название костенковско-виллендорфской. (Сопоставление со статуэткой Ложери-Басс и рельефами Лоссея связано исключительно только со своеобразным положением рук у этих женских изображений.) Следовательно, при установлении культурной принадлежности того или иного палеолитического памятника и женские статуэтки могут служить таким же надежным показателем, как, например, кремневый инвентарь.

⁶ Szombathy. Die Aurignacienschichten im Löss von Willendorf. «Korrespondenz-Blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», XL, 9/12. Hamburg, 1909, S. 85—88, Fig. 2.

⁷ E. Piette. L'art pendant l'âge du renne. Paris, 1907, pl. XXVII, 2, 2a, 2b.

⁸ G. Lalanne. Bas-reliefs à figuration humaine de l'abri sous roche de «Laussel» (Dordogne). «L'Anthropologie», t. XXIII, N 2. Paris, 1912, p. 129—149, fig. 1, 2, 6.

⁹ М. Д. Гвоздовер. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки. МИА, № 39, 1953, стр. 217, рис. 21.

¹⁰ П. П. Ефименко. Костенки I. М.—Л., 1958, стр. 351, рис. 143, табл. XVIII.

¹¹ М. В. Воеводский, А. Е. Алихова-Воеводская. Авдеевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 15, рис. 8, 1.

¹² П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 346—350, рис. 140—142, табл. XIV—XVII; А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, 1957, стр. 27, рис. 6.

В настоящее время на территории Восточной Европы известно большое количество стоянок эпохи верхнего палеолита, но только на четырех из них обнаружены несомненно женские скульптурные изображения — это Костенки I, Гагарино, Авдеево и Елисеевичи¹³. Первые три памятника едины по своей культурной принадлежности, и женские статуэтки на каждом из них составляют целую серию. Елисеевичи же относятся к иному культурному варианту, женская скульптура известна здесь в единственном экземпляре (возможно, это связано с недостаточной полнотой исследования стоянки). Статуэтка Елисеевичей не имеет сходства с женской скульптурой костенковско-виллендорфского круга памятников. Та же картина наблюдается и в Восточной Сибири, где из многочисленных верхнепалеолитических стоянок только две (Мальта¹⁴ и Буреть¹⁵) содержат женские статуэтки. Оба эти памятника очень близки между собой по культурному облику; статуэтки здесь также представлены сериями и имеют большое сходство.

Таким образом, наличие женских статуэток характерно лишь для небольшой группы верхнепалеолитических стоянок, остальные же подобных изображений не имеют. Вместе с тем для них характерны и долговременные зимние жилища, и большие скопления остатков фауны, также свидетельствующие об оседлом образе жизни и охотничьем укладе хозяйства их обитателей. Многочисленность подобных памятников сама по себе уже не позволяет объяснять отсутствие на них женских статуэток какой-либо случайностью. По всей вероятности, это обусловлено существованием в эпоху верхнего палеолита целого ряда обособленных вариантов культуры, каждому из которых было свойственно какое-то определенное своеобразие не только в производственно-хозяйственной деятельности. Так, например, для памятников костенковско-виллендорфского варианта культуры, наряду с другими особенностями, характерна реалистическая женская скульптура. Статуэтка Елисеевичской стоянки с несомненными чертами стилизации, так же как и предельно стилизованные и украшенные орнаментом фигурки Мезина¹⁶, указывают на своеобразие этих памятников и принадлежность их к особым вариантам культуры. Именно о таком различии свидетельствует и явное своеобразие кремневого инвентаря этих памятников. Безусловно, не однозначны по своей культурной принадлежности и многочисленные стоянки, на которых не было обнаружено скульптур человека, о чем можно судить по различию в их кремневом инвентаре. Следовательно, в эпоху верхнего палеолита существовало значительное количество обособленных вариантов культуры — отдельных групп населения, которые различались между собой не только по своеобразию материальной, но и по особенностям духовной культуры.

¹³ К. М. Поликарпович. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968, стр. 37—139, рис. 34.

¹⁴ М. М. Герасимов. Мальта — палеолитическая стоянка. Результат работ 1928—1929 гг., Иркутск, 1931; он же. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. «Изв. ГАИМК», вып. 118, 1935, стр. 78—124; он же. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956—1957 гг.). СЭ, 1958, № 3, стр. 28—52.

¹⁵ А. П. Окладников. Буреть — новая палеолитическая стоянка на Ангаре. СА, вып. V, 1940, стр. 290—293; он же. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья. (К исследованиям в Бурети 1936—1939 гг.) КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 59—62; он же. Палеолитические жилища в Бурети. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 16—31; он же. Палеолитические женские статуэтки Бурети. МИА, № 79, 1960, стр. 281—288

¹⁶ И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965, стр. 217—236.

А. П. ЧЕРНЫШ

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ОСЕЛИВКА I
В 1966—1967 ГГ.¹

Палеолитическая стоянка Оселивка (Кишла Неджимова) открыта еще в 1923 г. Ч. Амброжевичем².

Стоянка расположена на краю мысообразного склона высокого берега Днестра, северо-западнее с. Оселивка (Кишла Неджимова) Кельменецкого района Черновицкой области УССР, в урочище Над стенкой. На этом пункте в 1924—1925 и 1928 гг. Ч. Амброжевич заложил ряд шурфов, что позволило ему прийти к выводу о наличии здесь двух слоев: верхнего, ориньякского, и нижнего «микокского», которые отделялись стерильной прослойкой в 30 см. В нижнем слое были встречены кости мамонта. Основная масса «микокских», по его мнению, изделий, однако, была им собрана у подножья высокого берега, в ямах для добычания глины. Этот инвентарь он рассматривал в качестве переложенного с высокого берега. В верхнем слое им были собраны остатки костей мамонта, лошади, благородного оленя, северного оленя (мало), гигантского оленя (мало), волка (мало). Здесь же были прослежены остатки угля сосны и пихты. Мощность верхнего слоя, по его данным, 80—90 см; многочисленные кремневые изделия верхнего слоя стоянки Оселивка состоят из небольших нуклеусов, коротких скребков, резцов, пластинок с притупленной спинкой, тонких пластинок, острий граветт, пластинок с зубчиками и т. д.³

В данном случае для нас важны данные Ч. Амброжевича о многослойности памятника, что же касается его датировок собранных материалов, то они уже давно вызывали возражения специалистов. Среди советских специалистов первым критически подошел к ориньякской датировке верхнего слоя Оселивки П. П. Ефименко⁴.

Стоянка Оселивка неоднократно обследовалась рядом исследователей. Так, в частности, большую коллекцию здесь собрал в 1946 г. П. И. Борисковский, который датировал этот пункт временем своей второй хронологической группы позднепалеолитических памятников Поднестровья

¹ Доклад на секциях каменного века пленумов Института археологии АН СССР. 22. IV 1967 г. и 16. IV 1968 г.

² С. *Ambrozewicz*. Urmele omului diluvial in Bessarabia. «Buletinul Muzeului national de istorie naturala din chisinaufasc». Chisinau, 1926, p. 67—76; он же. Der paläolitische Mensch in Bessarabien. Sonderabdruck aus Hauser. «Der Erde, Eiszeit und Sinflut». Berlin, 1928, S. 268—290.

³ С. *Ambrozewicz*. Beiträge zur Kenntnis der Aurignacienkultur Bessarabiens und der Bukowina. WPZ, XVII, 1930. Wien, S. 2—38. См. также указанные выше работы Ч. Амброжевича.

⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество. М.—Л., 1938, стр. 559; он же. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 538, 545.

(поздний мадлен)⁵, а позже отнес стоянку к седьмой группе стоянок Поднестровья, которая замыкала поздний палеолит, хотя им отмечалось, что стоянка тяготеет к среднему мадлену⁶.

Стоянка Оселивка неоднократно была обследована нами во время работ на Днестре. В 1948—1952 гг. и в 1955 г. во время наших разведок на стоянке была собрана значительная коллекция кремневых изделий, включающая нуклеусы, орудия (преобладали скребки), отщепы, пластинки. Основная масса собранных здесь изделий позволяла отнести этот памятник к шестой хронологической группе позднепалеолитических памятников Поднестровья нашей периодизации, соответствующей позднемадленскому времени⁷. Однако нами в то же время отмечалось наличие среди подъемных находок ряда типов изделий, позволяющих сделать вывод о возможности существования здесь как более поздних поселений, так и более ранних. В частности, здесь были обнаружены неоконченный наконечник с односторонней обработкой плоской ретушью⁸, листовидный наконечник с двусторонней обработкой плоской ретушью⁹, небольшой наконечник свидерского облика с черешком¹⁰. Любопытной также была находка лезвия топорика¹¹.

В 1966 г. раскопки стоянки Оселивка были включены в план работ Днестровской палеолитической экспедиции Института общественных наук¹²; в 1967 г. раскопки стоянки были продолжены¹³.

Основные работы в 1966—1967 гг. были произведены на склоне высокого правого берега Днестра в урочище Над стенкой, в 600 м северо-западнее с. Оселивка. Высота участка над летним уровнем Днестра равнялась 50—55 м. На этом участке было заложено 11 шурфов площадью по 4 кв. м каждый и 2 раскопа (А и Б) общей площадью 216 кв. м. Таким образом, всего была исследована площадь в 328 кв. м. Исследование этого участка позволило обнаружить остатки нескольких разновременных поселений.

Во время раскопок в восточной части раскопа В был зафиксирован следующий разрез:

- 1/0—0,5 м гумусированный слой
- 2/0,5—1,1 м бурый суглинок (подпочва Б)
- 3/1,1—1,9 м светло-желтый суглинок
- 4/1,9—2,8 м коричневый суглинок
- 5/2,8—3,5 м светло-желтый суглинок

Следует отметить, что поверхность на этом участке снижалась в направлении к Днестру на 8°, культурные слои также снижались соответственно рельефу. В раскопах в среднем была достигнута глубина 2 м от поверхности, а в контрольных траншеях, прокопанных возле стенок раскопов,—2,8 и 3,5 м.

Наиболее низкий уровень залегания культурных остатков был зафиксирован на глубине 2,9—3,4 м в контрольной траншее в кв. 1д, 1 раско-

⁵ П. И. Борисковский. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья. «Вестник ЛГУ», № 2, 1948.

⁶ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 128, 427.

⁷ А. П. Черныш. Поздний палеолит Среднего Поднестровья. «Труды КИЧПЕ», вып. XV, М., 1959, стр. 124—127.

⁸ Там же, рис. 59, № 24.

⁹ А. П. Черныш. Исследования стоянки Молодова V в 1955 г. КСИИМК, вып. 73, 1959, рис. 17, 45.

¹⁰ Там же, рис. 17, 47.

¹¹ А. П. Черныш. Поздний палеолит Среднего Приднестровья, рис. 59, 5.

¹² В работах 1966 г. кроме автора принимали участие С. К. Накельский, О. Петровичев, О. Зуйков, Е. Залеская, студенты-практиканты ЛГУ им. И. Франко—М. Рыжик, А. Дроварев, О. Кривонос. Геология стоянки изучалась группой геологов во главе с И. К. Ивановой (АН СССР).

¹³ В работах 1967 г. кроме автора принимали участие В. И. Савич, Р. В. Кривун, И. М. Хомич, Е. Е. Залеская.

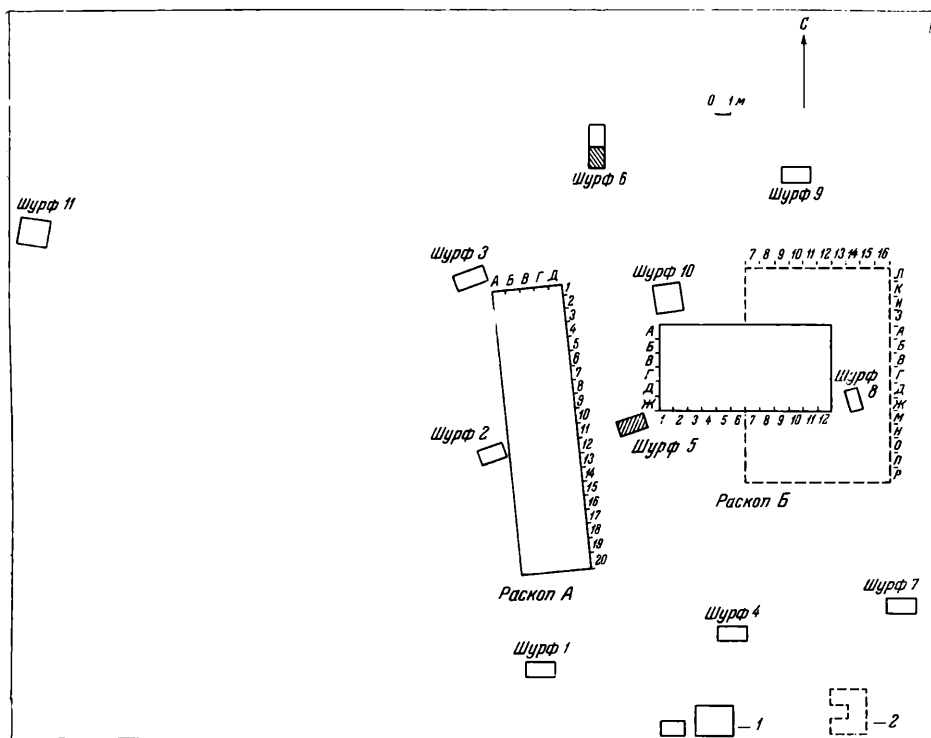

Рис. 25. Схематический план раскопок стоянки Оселивка I в 1966—1967 гг.

1 — раскопы и шурфы 1966 г.; 2 — раскоп 1967 г.

па Б. Здесь было обнаружено небольшое количество культурных остатков (массивный обломок кремня со следами оббивки, ребристая пластина, отщепы из серого кремня со следами подправки края ударной площадки на одном из них, с крупными ударными бугорками, кусочки охры, обломки костей мамонта и т. д.), позволяющие сделать вывод о возможности наличия на этой глубине остатков палеолитического поселения.

Остатки поселения 3-го слоя были зафиксированы на глубине 2,2—2,3 м от поверхности на площади контрольных траншей в раскопе Б в коричневом суглинке. Этот слой был изучен на площади 55 кв. м в южной части раскопа А в 1967 г., где были прослежены остатки от восьми кострищ, имевших характер овальных углистых пятен с толщиной линзы 1—3 см. Кроме остатков угля в пределах кострищ наблюдались обломки пережженных косточек животных, кремневые изделия. Вокруг кострищ концентрировались кремневые изделия, обломки костей животных, обломки камней, краска, угольки. Наиболее насыщенной культурными остатками площадью в раскопе А являлись южные квадраты (20—15, а—д), севернее встречались отдельные предметы.

Кремневые изделия 3-го слоя состоят из 271 предмета. Здесь было найдено 14 нуклеусов, 56 пластин, 18 орудий, отбросы производства. Для обработки употреблялся меловой и галечный кремень темного и светло-коричневого цвета, большинство изделий имеет синюю патину.

Нуклеусы 3-го слоя имеют преимущественно неправильно-призматическую форму, часть относится к аморфным. Их длина от 40 до 115 мм. Орудия этого слоя состоят из семи ножевидных орудий, пяти резцов, двух пластинок со стесанным ретушью краем, двух скребков, двух острий. Сре-

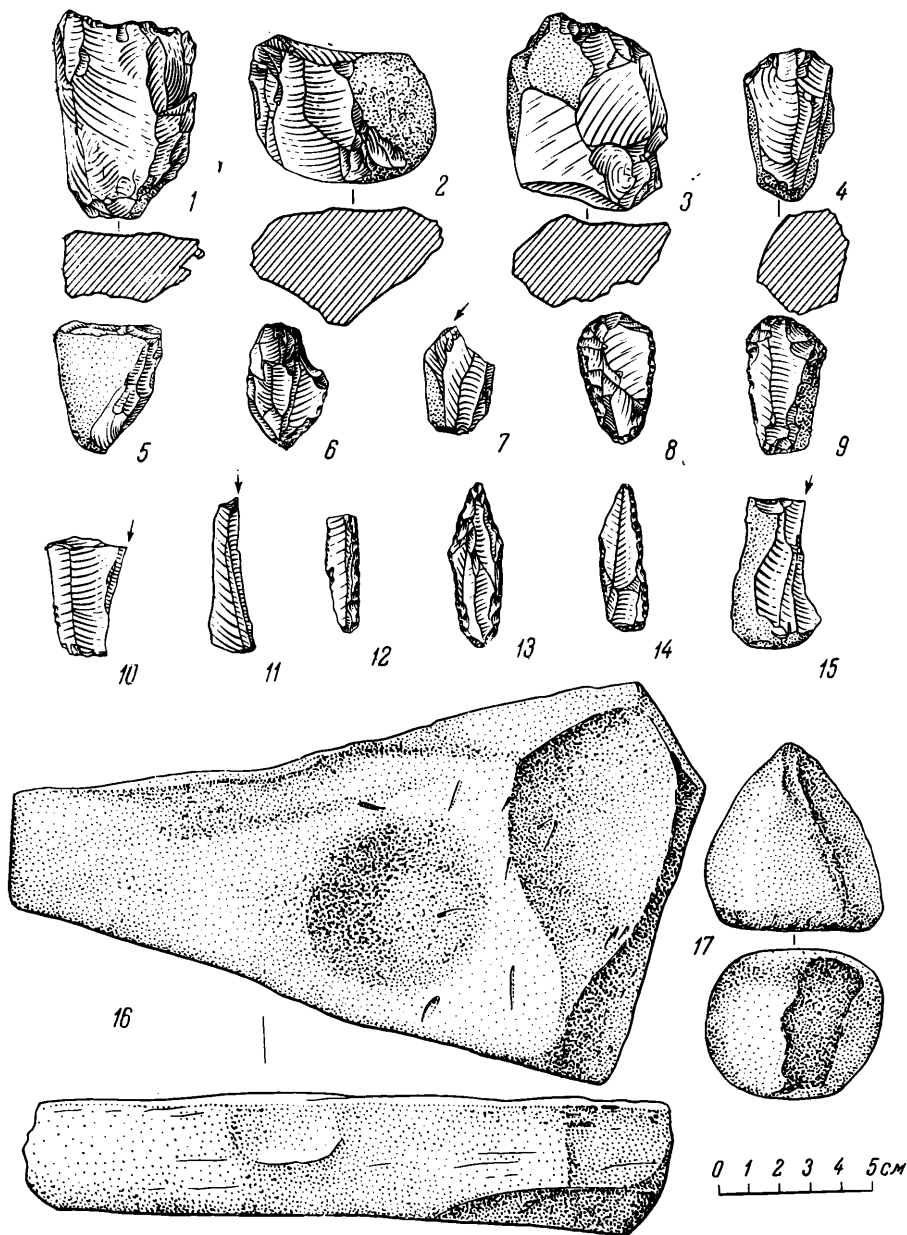

Рис. 26. Изделия 3-го слоя стоянки Оселивка I (раскопки 1967 г.)

1—6 — нуклеусы; 7, 10, 11, 15 — резцы; 8, 9 — скребки; 12, 14 — фрагменты пластины с краевой ретушью; 13 — симметричное острие; 16 — наковальня с насечками и углублением; 17 — отбойник

ди резцов любопытно отметить резец типа Бюске, но изготовленный на пластине, два угловых резца, один двойной резец, один срединный резец. Среди острий интересно симметричное острие удлиненно-ромбовидной формы.

Кроме кремневых изделий в ряде квадратов были обнаружены отбойники из песчаника, обломки плиток песчаника. Большой интерес представляет треугольная плитка сланца с небольшим углублением на поверхности и следами насечек. Это, очевидно, терочная плитка и наковальня для обработки кремневых изделий.

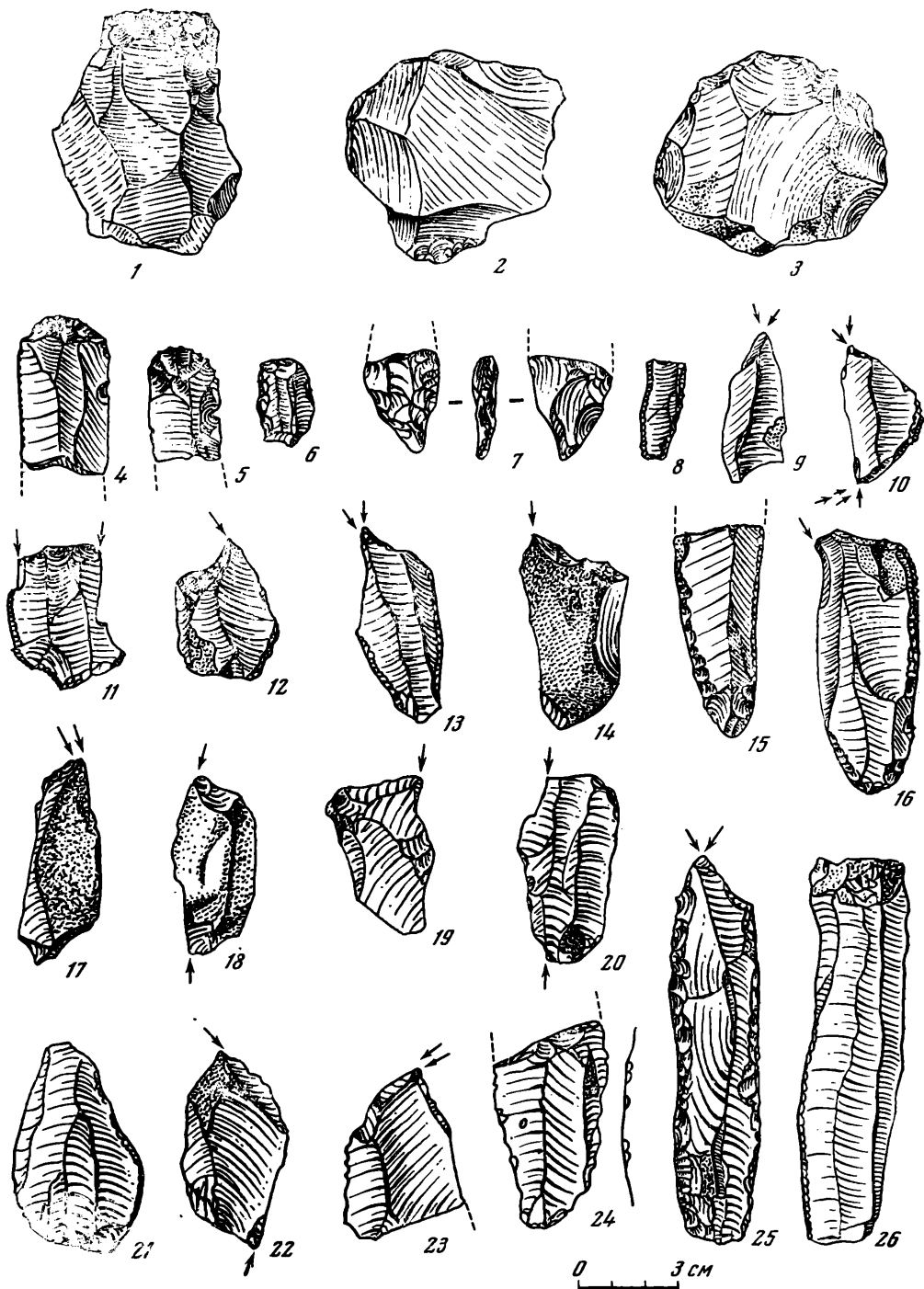

Рис. 27. Изделия 2-го культурного слоя стоянки Оселивка I

1—3 — нуклеусы; 4—6 — скребки; 7 — обломок наконечника с двусторонней обработкой; 8 — пластина с выемкой; 9—14, 16—20, 22, 23, 25 — резцы; 15, 21, 24, 26 — ножевидные орудия

Фаунистические остатки 3-го слоя состоят из обломков костей северного оленя (от двух особей) и лошади.

На основании комплекса кремневых изделий 3-го слоя данное поселение можно отнести к памятникам ранней поры позднего палеолита. Характер расположения культурных остатков на исследованном участке дает основание считать, что основная часть поселения распространяется в северном направлении от изученной в 1967 г. площади и что в 1967 г. в раскопе А была изучена периферийная часть этого поселения.

Во время раскопок стоянки Оселивка I на площади 172 кв. м кроме участков, поврежденных ямами военного времени, была изучена часть позднепалеолитического поселения 2-го слоя стоянки, который наблюдался на глубине 1,35—1,65 м от поверхности в светло-желтых суглинках. На изученной площади поселения 2-го слоя были открыты остатки от трех кострищ, имевших характер овальных линз, заполненных углистой почвой с остатками древесного угля, пережженных косточек животных, кремневыми находками. Размеры этих кострищ 60×90, 30×50 и 33×25 см. Толщина линз этих кострищ соответственно 0,5, 1, 1 см; на дне второго кострища (кв. 1д) наблюдалась обожженная до красного цвета полоска суглинка. Вокруг остатков кострищ наблюдались обломки костей животных, кремневые изделия, но скоплений культурных остатков не было прослежено. Такой характер расположения культурных остатков и их относительно небольшое число являются показателями того, что исследованный участок — периферийная часть позднепалеолитического поселения.

Во 2-м слое было встречено 493 экз. кремневых изделий. Они состоят из 23 нуклеусов, 39 орудий, 106 пластин, отщепов, обломков. Для изготовления орудий использовались меловой и галечный кремнь темного и светло-коричневого цвета, цвет патины кремневых изделий темно-синий, синий и белый.

Нуклеусы 2-го слоя имеют размеры от 40 до 72 мм, по форме они относятся к неправильно-призматическим (12 экз.), дисковидным (1 экз.), аморфным. Большинство орудий — орудия на пластинах. Орудия состоят из 19 резцов, 11 ножевидных орудий, 4 скребков, пластины и отщепа со следами двусторонней обработки, пластинки с притупленным краем и выемкой на конце, обломка симметричного острия и обломка наконечника с двусторонней обработкой.

Резцы по форме рабочего края состоят из шести двойных, четырех срединных, двух срединно-угловых, одного бокового. Один резец является орудием на пластине с краевой ретушью. Среди скребков также одно орудие изготовлено на пластине с краевой ретушью.

Любопытной находкой является обломок листовидного наконечника дротика размерами 30×25×5 мм с двусторонней обработкой поверхности плоской ретушью. Этот наконечник по технике обработки аналогичен ряду наконечников солотрейского облика, обнаруженных на многих памятниках позднего палеолита Поднестровья. В данном случае мы имеем в виду такие пункты, как нижний слой Вороновицы I, 10-й слой Молодовы V, Городницу, Незвишки, Корман V, Китайгород II, Бабин I, Бабин II, Бабин III, Конюшки, Устье Зеленое, Выхватовцы, Гура-Каменка и т. д.

Фаунистические остатки этого слоя состоят из обломков костей мамонта (51 фрагмент от трех особей), ископаемой лошади (52 фр. от двух особей), бизона (остатки костей от одной особи), северного оленя (74 фр. от трех особей). Здесь же были прослежены *Helix* и остатки слепыша (определение К. А. Татаринова).

Учитывая наличие в составе орудий изделий с двусторонней обработкой плоской ретушью, острий, орудий на пластинах с краевой ретушью, охотничье поселение 2-го слоя можно отнести к памятникам, предшествующим времени четвертой хронологической группы позднепалеолитических стоянок Поднестровья.

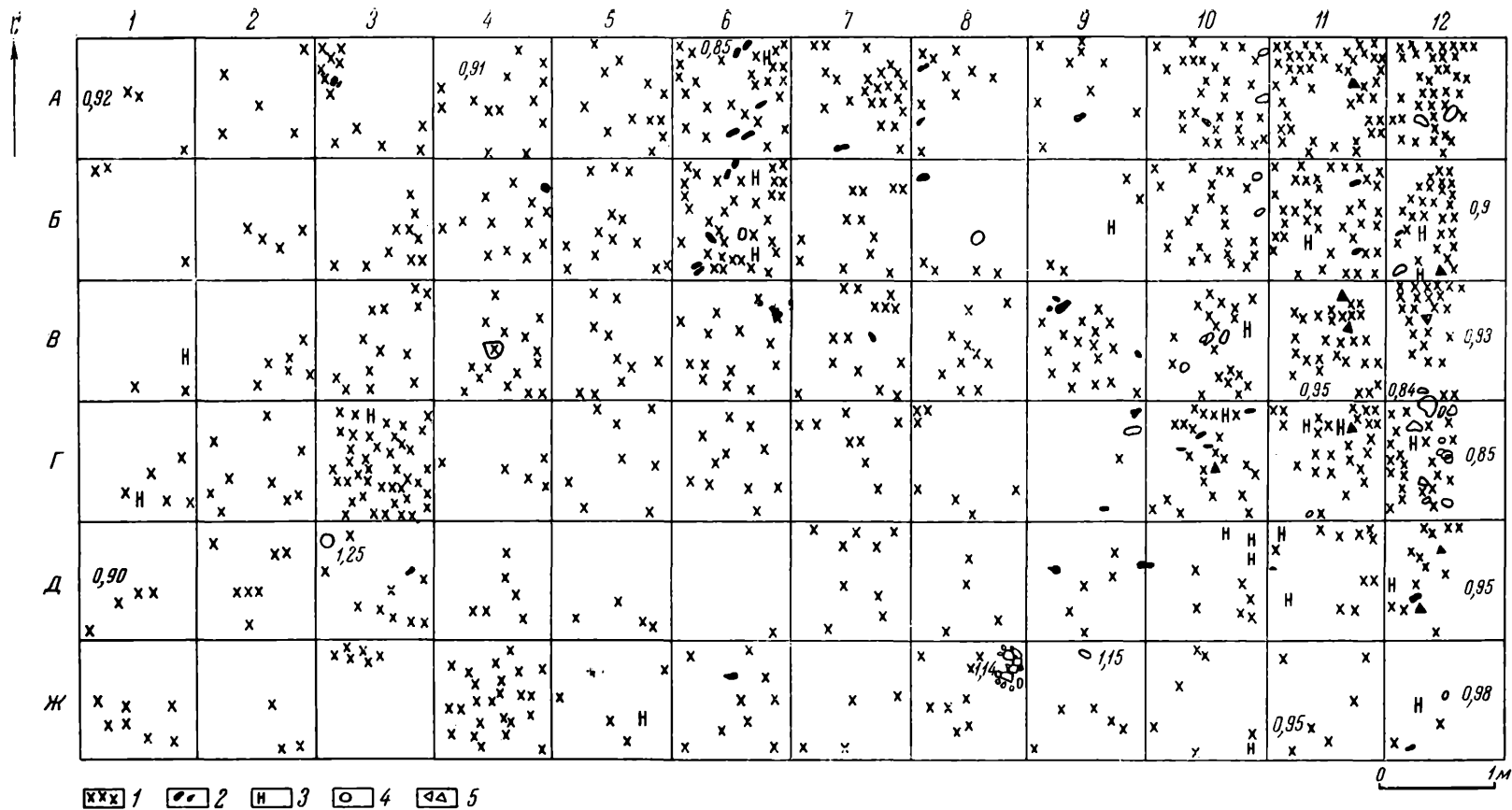

Рис. 28. Горизонтальный план расположения культурных остатков в верхнем слое стоянки Оселивка I

1 — кремневые изделия, 2 — кости животных, 3 — нуклеусы, 4 — камни, палочки, 5 — орудия

Выше 2-го слоя, в нижней части бурых суглинков были зафиксированы остатки поселения верхнего слоя. Этот слой в восточных квадратах исследованного участка наблюдался на глубине 0,8—0,9 м от поверхности, а в западных — на глубине 1—1,05 м.

На исследованном участке поселения на площади 216 кв. м при расчистке слоя были обнаружены обломки костей животных, кремневые изделия, отбойники, плитки, терки, остатки черепашек *Helix*, остатки краски. Наиболее интенсивными по количеству культурных остатков являлись квадраты восточной части раскопа Б, где встречались по 25—30 находок на 1 кв. м, а на остальной площади наблюдалось по 4—5 предметов на 1 кв. м. В восточной части исследованного участка были встречены терки, отбойники, нуклеусы, орудия, обломки ребер, зубы лошади, плитки, отщепы. Остатков кострищ не было обнаружено. В восточной части раскопа Б толщина линзы культурных остатков достигала толщины 5—10 см, а на остальной площади линза не прослеживалась, там встречались лишь отдельные предметы.

Наибольшей количественно категорией культурных остатков верхнего слоя являются кремневые изделия, которых было встречено 9193 экз. Они состоят из 940 нуклеусов, 2357 пластин, 522 орудий, отщепов, осколков кремня. Для изготовления орудий преимущественно применялся галечный кремень, но меловой кремень также применялся, изредка использовалась кремнистая опока. Большинство кремневых изделий имеет голубую патину, среди находок преобладают изделия небольшого размера (по 30—40—50 мм).

Нуклеусы в верхнем слое были прослежены одно-, двух- и трехплощадочные призматической и неправильно-призматической формы, аморфные, плоские. Любопытна серия нуклеусов с дополнительными боковыми ударными площадками. Ряд нуклеусов является прямоплощадочным, а часть — косоплощадочные, некоторые нуклеусы относятся к ладьевидным, другие к примитивно коническим. Найденные здесь пластинки преимущественно тонкие, небольших размеров. Для изготовления орудий применялись как пластины, так и отщепы и обломки. Несколько более половины орудий изготовлено на отщепах и обломках.

Орудия верхнего слоя состоят из 197 резцов, 141 скребка, 112 ножевидных орудий, 35 пластинок с притупленным краем, 9 пластинок со следами подтески, 9 пластинок со скошенным ретушью концом, 7 проколов, 7 комбинированных орудий, 6 пластинок и отщепов со следами боковых выемок, 4 отбойников из кремня, 4 пластинок с боковыми отретушированными выступами и 31 орудия. Всего в верхнем слое было встречено 27 типов кремневых орудий с различными вариантами.

Резцы, составляющие 35% от всех орудий, состоят из угловых на обломках, отщепах и пластинах, угловых с поперечной ретушью, срединных (некоторые многофасеточные на галках), боковых, двойных, билатеральных, тройных, скошенных, плоских, полиэдрических. Преобладают небольшие угловые резцы, много также было встречено боковых и срединных; остальные типы единичны.

Среди скребков (25% от всех орудий) преобладают орудия с полукруглым рабочим краем на концах небольших пластин и отщепов. Были прослежены также скребки двойные, скребки высокой формы на сколах с сужающимся рабочим краем, скребки со скошенным рабочим краем, боковые скребки, скребки с прямым рабочим краем, скребки с выступами на рабочем крае. Ряд скребков — орудия на небольших кремневых галках. Скребков на пластинах несколько больше, чем скребков на отщепах и сколах.

Любопытна группа комбинированных орудий. Она состоит из четырех резцов-скребков, одного резца-острия, одного скребка-скобеля. Проколки встречены срединные, угловые, двойные и многолезвийные.

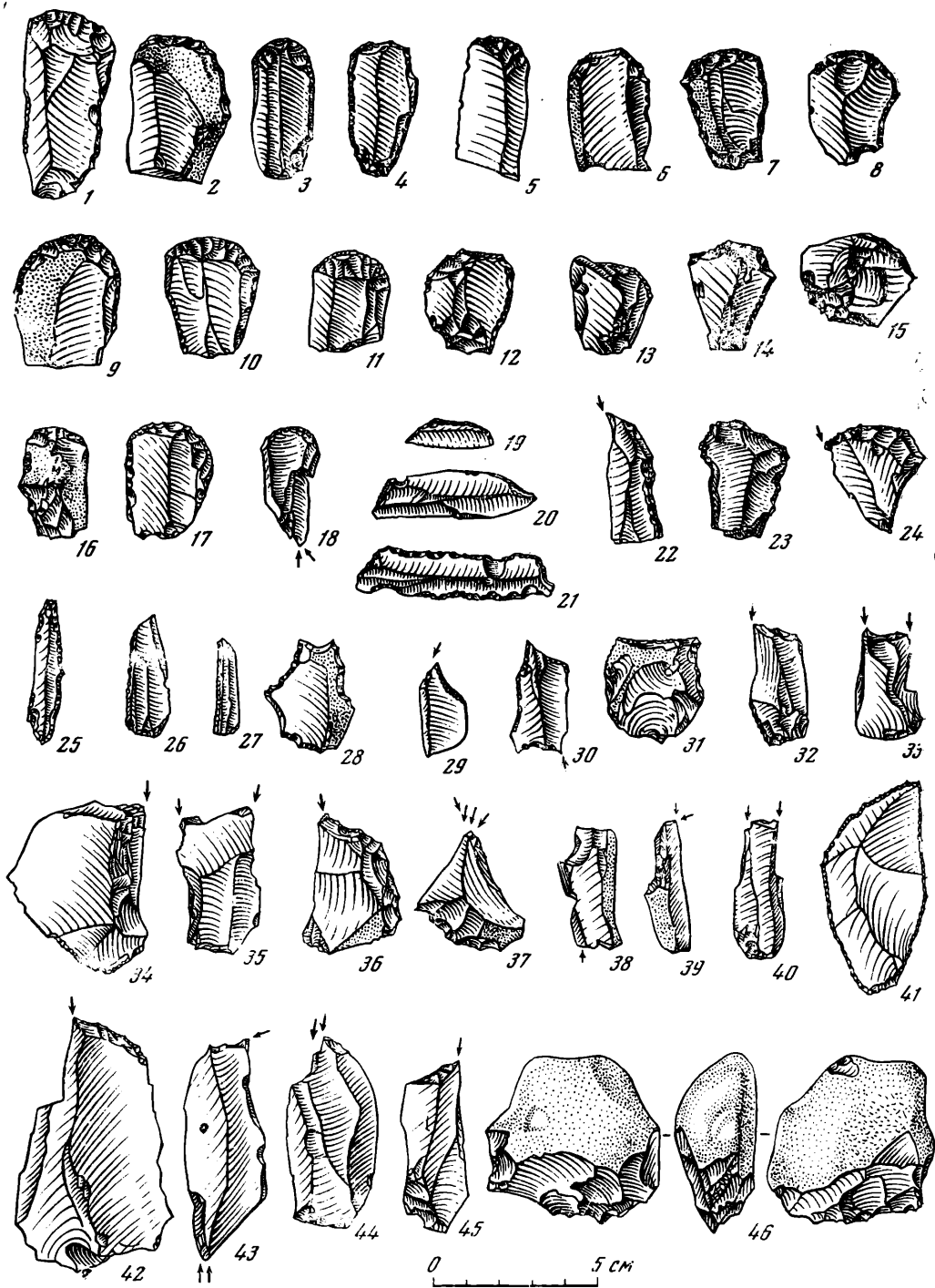

Рис. 29. Изделия верхнего слоя стоянки Оселивка I

1—17, 23 — скребки; 18, 24 — резцы-скребки; 19 — сегмент; 20, 21 — удлиненные трапеции; 22, 29, 32—40, 42—45 — резцы; 26 — орудие типа клинков перочинных ножей; 27 — пластинка с притупленным краем; 28, 31 — проколки, 30 — резец-проколка; 41 — ножевидное орудие; 46 — чоптеровидное орудие

Из других характерных типов орудий верхнего слоя отметим пластинки с выемками на верхнем конце, орудия с подтеской с двух концов на двух сторонах, небольшие удлиненные треугольники с отретушированным основанием и краем, орудия типа прямоугольников и параллелограммов, орудия типа небольших наконечников с черешком, аналогичные изделиям из Сокола 2, верхнего слоя Молодовы I и других памятников, чоппероидные орудия из галек, пластинки с усеченным ретушью концом, аналогичные изделиям из верхних слоев Молодовы V, мелкие острья, острья Граветт, архаичные удлиненные трапеции, аналогичные изделия из Осокоровки (3-й слой), Фатьма-Кобы, Таш-Аира I, Замиль-Кобы I, Молодовы V (верхние слои), Бэйле-Геркулана, Гыльма и Пештера-Хотилора (Румыния), Тишнова (Польша) и других памятников. Кроме того, были встречены сегментообразные изделия, орудия типа клинков перочинных ножей и сегменты, аналогичные находкам из грота Буран-Кая, Сюрень II, Замиль-Коба II (горизонт VIII), Шан-Коба (6-й слой), Замиль-Коба I, Сосруко (слой 3 м), Белолесье (нижний слой), Сцекард-Паланк, Седлигет и Хонт (Венгрия), Рипичены-Извор, Гыльма (Румыния), Густопеч, Серед, Дольна Стреда и Томашиково (Чехословакия), а также находкам из ряда других памятников мезолитического времени¹⁴.

Кроме кремневых изделий в верхнем слое стоянки Оселивка I, как и в других исследованных памятниках Поднестровья, были обнаружены терки, отбойники и песты из галек песчаника и других пород, а также плитки со следами использования в роли наковален. Здесь были встречены остатки краски (лимонит).

Остатки охотничьей добычи — обломки костей животных верхнего слоя — состоят из костей лошади (три особи), северного оленя (три особи), шерстистого носорога (одна особь), бизона (одна особь). Находки ракушек *Helix* свидетельствуют, что кроме охоты обитатели поселения занимались также и собирательством.

Характер расположения культурных остатков на изученной площади позволяет заключить, что раскопками была изучена периферийная часть поселения охотников и собирателей, которое на основании комплекса кремневых изделий и сходства многих орудий с орудиями упоминавшихся мезолитических памятников можно отнести к первой половине мезолитического времени.

Таким образом, проведенные нами раскопки стоянки Оселивка подтвердили данные Ч. Амброжевича о многослойности стоянки, но не оправдали его хронологических выводов об ориньякском времени верхнего слоя и нижнем «микокском» слое. Они позволяют рассматривать стоянку в качестве памятника со значительно большим количеством слоев, чем это было определено в 20-х годах. Работы в Оселивке дают также данные для вывода, что рядом со стоянкой Оселивка I находится ряд других памятников.

Проведенные раскопки стоянки Оселивка I дали возможность получить определенное представление о характере 3-го и 2-го слоев, относящихся к позднему палеолиту, но особенно важны данные о верхнем, мезолитическом, слое, так как получены разнообразные данные для характеристики одной из фаз развития мезолитической культуры Поднестровья; комплекс материалов этого слоя позволяет не только уточнить время ряда местонахождений Поднестровья с галечным кремнем, фигурирующих пока в списке памятников конца позднего палеолита, но и определить ряд ранее неизвестных черт развития мезолита Поднестровья и территориальные его особенности в этом обширном районе.

¹⁴ О. Н. Бадер. Некоторые памятники палеолита и мезолита в восточной части горного Крыма. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, рис. 3; Е. А. Векилова. К вопросу о свидерской культуре в Крыму. КСИА, вып. 82, 1961, рис. 10; J. Barata. Slowensko v staršej a srednej dobe kamennej. Bratislava, 1965.

М. Г. КОСМЕНКО

ВТОРАЯ ДЕУКОВСКАЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА
НА Р. ИК

В 1968 г. автором производились раскопки второй Деуковской стоянки эпохи мезолита, которая находится в 3,5 км к северу от с. Деукова Мензелинского района ТАССР.

Место поселения находится в 100 м от коренного берега р. Ик, на оконечности низкого пойменного возвышения, которое срезается береговым обрывом и ограничено с одной стороны ложбиной, с другой — полосой песчаных слоистых отложений, прослеженных в обрыве берега реки на протяжении около 50 м. Высота поймы над уровнем реки 3,5 м. Раскопом, заключенным вдоль мыса, было вскрыто 280 кв. м площади стоянки (рис. 30).

Стратиграфия, вскрытая раскопом, неодинакова в различных его частях. Это объясняется тем, что общий уровень слоев несколько понижается по направлению к западу, где на боковую часть мыса налегает пачка слоистых водных отложений.

В западном углу раскопа прослеживается следующая стратиграфия (толщина слоя в см):

1. Дерновый слой	0,12
2. Бурая рыхлая почва	12—62
3. Черная торфоватая рыхлая почва	62—87
4. Буровато-коричневая плотная подпочва	87—135
5. Коричневатая плотная супесь	135—160
6. Желтый песок с угольками	160—195
7. Темно-бурый илестый водный суглинок с включением углей, кремня	195—220
8. Светлая рыхлая супесь с угольками	220—245
9. Темно-бурый илестый водный суглинок с угольками на поверхности	245—260
10. Желтый стерильный песок	260—300

Культурный слой здесь прослеживается в виде отдельных кремневых предметов, угольков, сильно разрушенных костей в нижней части водных отложений, что свидетельствует о существовании стоянки ранее начала заболачивания водоема.

На гребне мыса, где водных отложений нет, наблюдалось три слоя: плотная коричневая супесь с незначительным дерновым слоем в верхней части, коричневый суглинок и материковая супесь с илестыми прослойками, которая подстилала суглинок на глубине 100—120 см. Между двумя основными слоями — коричневатой супесью и суглинком четкой границы не прослеживается, наоборот, супесь плавно переходит в суглинок.

Почти на всех участках раскопа вне зоны водных отложений находки из основного слоя связаны с супесью. В водных отложениях культурные остатки находятся выше уровня илистого суглинка, который является аналогом коричневого суглинка в отложениях гребня мыса.

Культурный слой стоянки, залегающий в супеси, в целом по цвету не выделяется. В слое зафиксированы помимо кремневых предметов многочисленные угольки, крошки прокаленной почвы, кости животных и рыб, которые отличались плохой сохранностью. Иногда попадались мелкие кусочки и крошки охры. Достаточно равномерно рассеяны на основном уровне культурного слоя и кремневые предметы, хотя значительная их концентрация наблюдалась у краев жилищных пятен.

Основной культурный слой находился вдоль гребня мыса в среднем на глубине 25—65 см, но в ряде мест находки шли глубже. Снятие суглинка зачистками показало, что ниже основного уровня здесь в виде пятен различных размеров распространяется культурный слой. Пятна имели в плане относительно ровную поверхность, сильно насыщенную углем, крошками прокаленной почвы, костями животных и кремнем. Вне пределов углистого слоя на этой глубине суглинок был стерильным. Весь комплекс жилищных и очажных пятен вытянут вдоль гребня мыса в направлении север — юг. Пятна залегают на 35—40, в отдельных случаях на 50 см ниже основного уровня культурного слоя. Следы ям в виде западин супеси не прослеживаются там, где этот слой был тонок (восточный край склона). Гораздо лучше западение слоя выявлено в центральной и южной частях.

Северное жилищное пятно появилось в виде ряда спрессованных прослоек угля, костей, кусочков обожженного суглинка. Почти вся восточная половина пятна представляла собой полосу культурного слоя толщиной до 15 см, которая отличалась рыхлостью, некоторой гумусированностью и насыщенностью культурными остатками. Западная половина пятна отличалась довольно тонким культурным слоем (2—3 см), но несколько большим содержанием угля и кремневых предметов, среди которых преобладали мелкие отщепы и было всего лишь две пластинки-вкладыша.

От северного угла жилищного пятна тянулась углистая полоса шириной до 1 м, которая отличалась меньшей интенсивностью окраски. В конце полосы было вскрыто пятно прокаленной почвы с пережженными косточками и крупными углями. Верхний уровень углистой поверхности в северном жилищном пятне находился на глубине 75—80 см от поверхности почвы.

Между северным и центральным жилищем была вскрыта углистая полоса, которая состояла из углистых прослоек различной интенсивности и мощности. В обоих концах полосы расчищены очаги. Очаг, который находился ближе к гребню мыса, сохранился лучше. Другой очаг, который находился в противоположном конце полосы, невыразителен.

Южнее углистой полосы проходит край центрального жилищного пятна, которое имеет округлую форму. В восточной части, на гребне мыса пятно залегает на глубине 80—85 см от поверхности; в западной части глубина составляет 135—137 см. В северной части пятна обнаружен очаг, имеющий линзовидную форму в сечении и заполнение, состоящее из прокала, углей и обожженных косточек.

Аналогичный очаг расчищен в центре жилища. Очажное пятно, как и северное жилищное пятно, делится на две части. Среди кремневых предметов абсолютное большинство составляют отщепы. Яма-западина над пятном прослеживалась заполненной опесчаненным суглинком.

В 1 и 2 м восточнее центрального жилища вскрыты два кострищных пятна овальной формы. Первое, с мощностью слоя 15 см, было чашевидным, заполненным углистой массой, другое имело форму конической ямки диаметром в верхней части 30 см и глубиной 35 см. От очагов в верхней

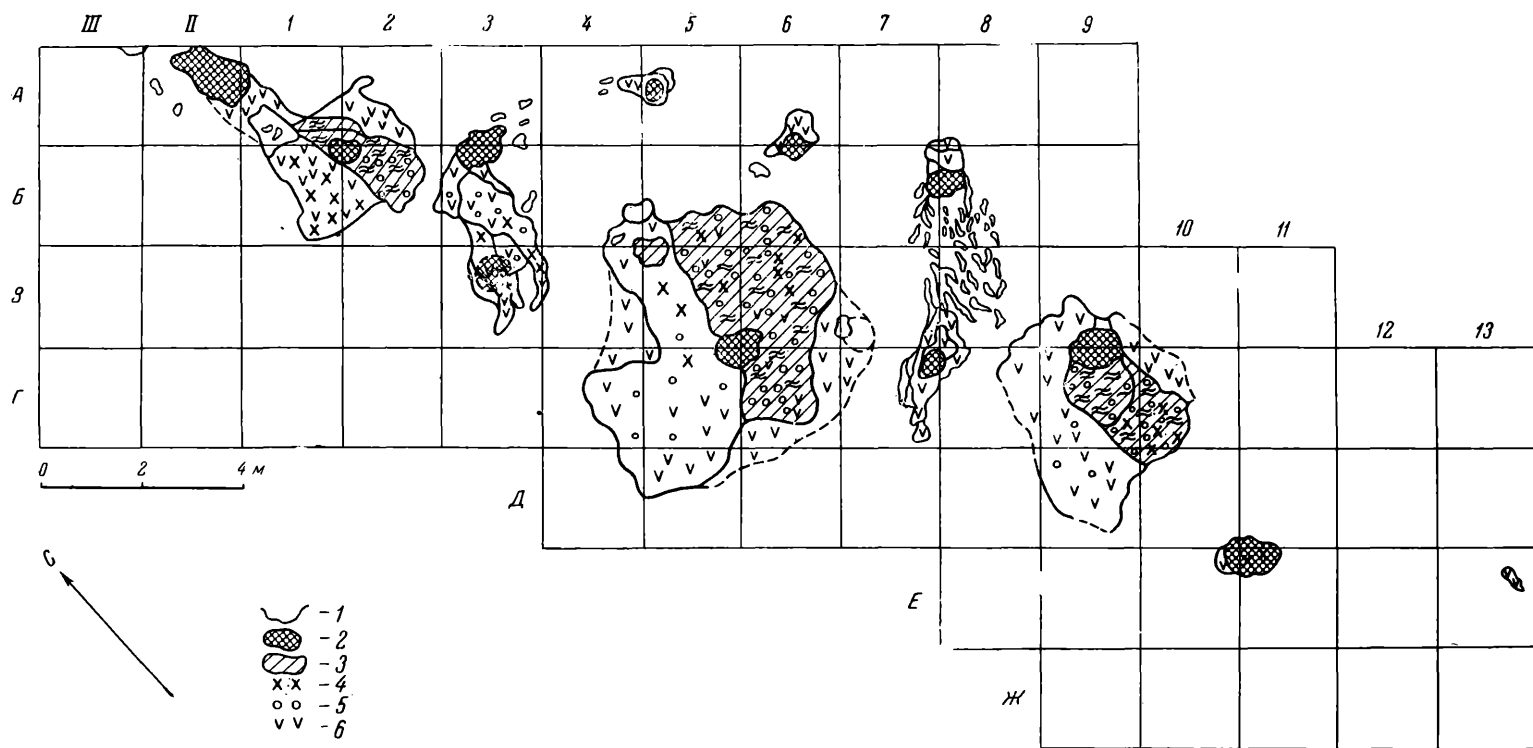

Рис. 30. План раскопа II Деуковской стоянки

1 — контуры углистых пятен; 2 — очажное пятно; 3 — гумусно-прокаленные пятна; 4 — кремневые отщепы; 5 — кости; 6 — угли

части ответвлялись тонкие углистые прослойки, которые в плане прослеживались как пятна небольших размеров.

Между центральным и южным жилищем расчищена углистая полоса, на концах которой вскрыто по очагу. В пределах полосы возле западного очага находилось скопление перегнивших костей.

Строение южного жилищного пятна в плане сходно с вышеописанными пятнами, что подчеркивает их однотипность. В его заполнении найдено много кремневых отщепов, а также наконечники стрел и карандашевидный нуклеус.

В 2,3 м южнее в супеси расчищено продолговатое пятно прокаленной почвы, рядом с которым находилось скопление кремня и костей. Пятно представляет собой отдельное кострище.

Таким образом, жилищные, кострищные пятна и углистые полосы образуют комплекс, вытянутый вдоль мыса. Следов каких-либо несущих конструкций не обнаружено. В некоторых случаях ямы прослеживались довольно плохо, что объясняется как древностью стоянки, так и сходным составом слоев. Против двухслойности стоянки свидетельствует ряд фактов: 1) незначительное количество кремня и особенно орудий в культурных наслоениях пола жилищ; 2) отсутствие культурных остатков за пределами углистого слоя пятен на данной глубине; 3) аналогичный характер костных остатков и кремня основного слоя и слоя углистых пятен; 4) сопряженность распространения культурных остатков в супеси с комплексом пятен.

На стоянке найдено 810 каменных предметов, среди них 780 кремневых и 30 галек со следами употребления.

Среди 73 орудий стоянки 38 (60%) изготовлено на пластинах.

Общее соотношение пластин и отщепов составляет примерно 1:3,5. Среди отщепов преобладают мелкие побочные продукты скалывания.

Нуклеусы, найденные на стоянке, разделяются на три типа. Многоплощадочные, или аморфные, нуклеусы (4 экз.) отличаются отсутствием стабильной формы и скалыванием в различных направлениях. Фасетки сколов неровные (рис. 31, 4). Один из призматических нуклеусов имеет две противоположные площадки, причем верхняя подработана сколами (рис. 31, 1). Конические нуклеусы (3 экз.) представлены мелкими формами (рис. 31, 3); выделяется хороший экземпляр карандашевидного нуклеуса (рис. 31, 2).

В заполнении пола северного и центрального жилищных пятен были найдены обожженные и расколотые гальки, а также два ретушера, которые несут на боковой поверхности следы неоднократных сколов, возможно образовавшихся в процессе работы. Нижние закругленные поверхности галек усеяны многочисленными выщербинками (рис. 31, 5).

На стоянке найдены различных типов резцы (10 экз.). Полиэдрический резец, комбинированный с прямолезвийным скребком, изготовлен на массивной пластине и весьма напоминает односторонний призматический нуклеус (рис. 31, 6). Один из боковых резцов изготовлен на массивной пластинке и имеет на верхнем конце несколько фасеток ретуши (рис. 31, 7). Другой экземпляр (рис. 31, 9) по исполнению аналогичен первому, но сделан на сравнительно тонкой пластинке. Из срединных резцов (2 экз.) интересен экземпляр, сделанный на пластине, который кроме двух сколов, образующих его лезвие, имеет дополнительный скол, нанесенный снизу, и скребковую ретушь по нижнему краю (рис. 31, 8). Другой резец изготовлен на небольшой пластинке. Два угловых резца сделаны на пластинках (рис. 31, 11, 12), третий — на массивном отщепе с параллельными гранями (рис. 31, 10). Резцовые сколы доходят у них до середины краев. Один из микрорезцов (рис. 32, 4) с двумя тонкими боковыми сколами несут на несколько частей краев обожженной пластинки мелкие зазубрины и несколько фасеток ретуши.

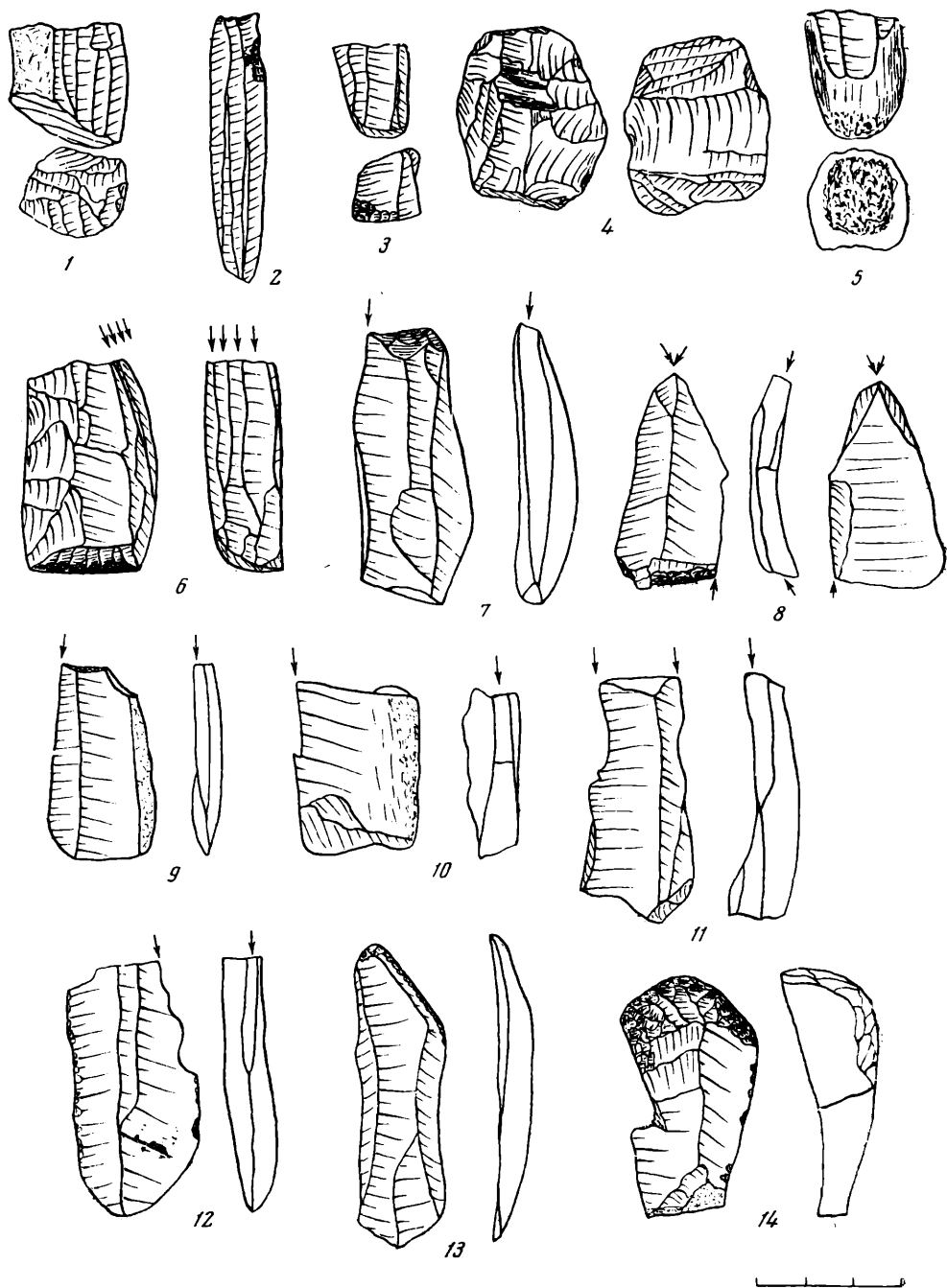

Рис. 31. Стоянка Деуково II. Каменный инвентарь

1, 2, 3, 4 — нуклеусы; 5 — галька-регушер; 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 — резцы; 13, 14 — скребки.

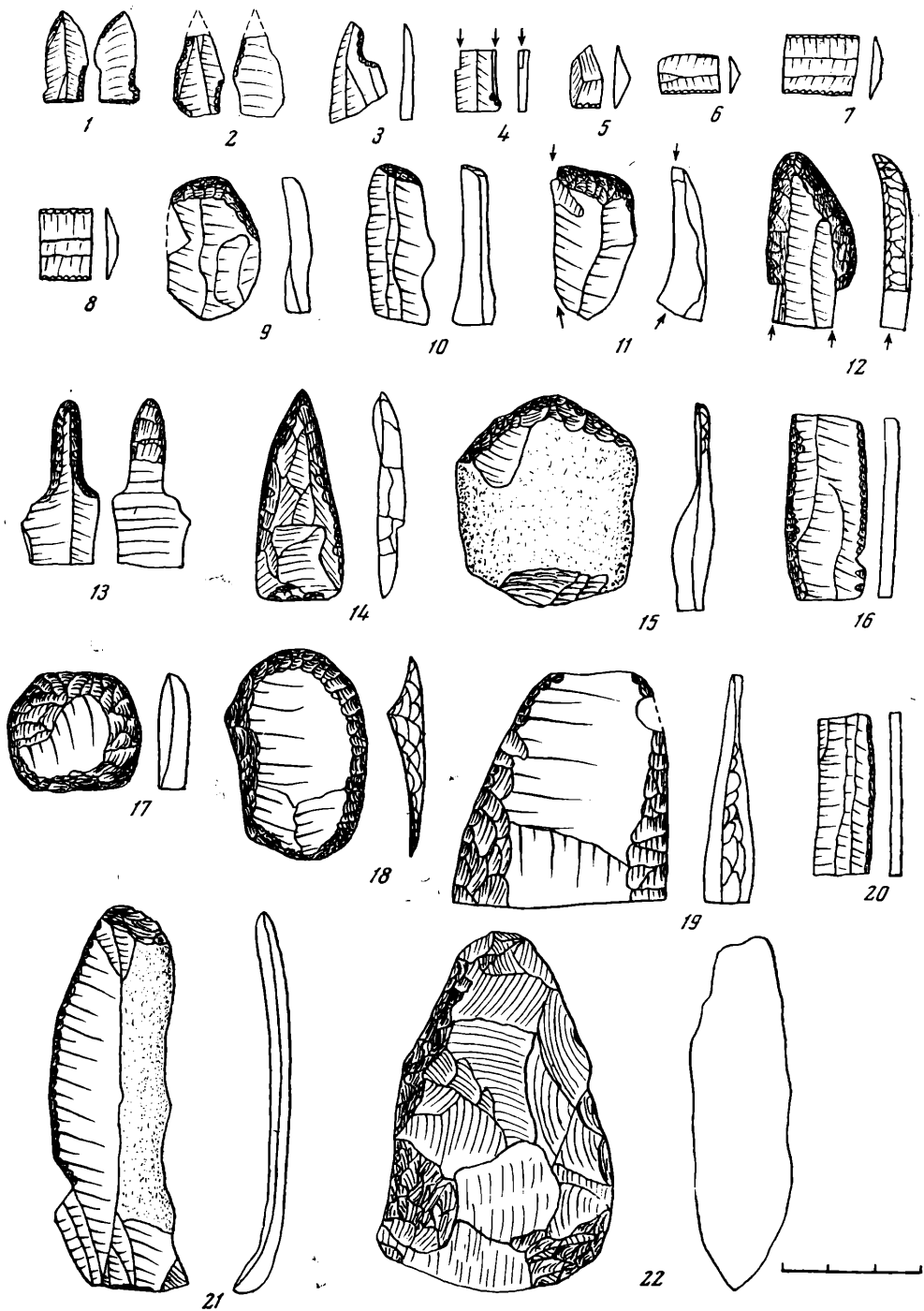

Рис. 32. Стоянка Деуково II. Каменный инвентарь

1, 2, 14 — наконечники стрел; 3 — скобель; 4 — микролезвие; 5, 6, 7, 8 — вкладыши; 9, 10, 11, 12, 15, 17, 18 — скребки; 13 — проколка; 19, 21 — ножи; 16, 20 — пластинки с краевой ретушью; 22 — талорвидное орудие

В коллекции Деуковской стоянки насчитывается 15 скребков, среди них 7 экз. на пластинах. Скребок с полукруглым лезвием (рис. 31, 19) изготовлен на массивной, слегка изогнутой пластине. Мощный дугообразный рабочий край имеет следы сработки в виде выщербленности и забоин. Другой скребок, комбинированный с резцом (рис. 32, 11), имеет на одной стороне два скола, нанесенные навстречу друг другу. Интересен скребок с сердцевидным лезвием, которое ограничено резцовыми сколами, нанесенными с нижних боковых частей орудия (рис. 32, 12). Два экземпляра (рис. 31, 13; рис. 32, 10) принадлежат к типу скребков со скошенным лезвием; у второго скребка использован естественный скос края пластины. Среди скребков на отщепах имеются почти округлые формы (рис. 32, 17, 18). У скребка с попорченным лезвием (рис. 32, 17) ретушь покрывает края отщепа до половины. В коллекции имеются полудисковидные скребки более значительных размеров, а также скребки на широких отщепах с ретушированным верхним краем (рис. 32, 15).

Очень интересен наконечник, имеющий форму высокого треугольника с прямым основанием высотой 4,5 см и спинкой, покрытой сколами (рис. 32, 14). Нижняя массивная часть спинки у основания сколота и таким образом утончена. Другой наконечник стрелы сделан на мелкой пластинке с краями, покрытыми попеременной мелкой ретушью с брюшка и спинки (рис. 32, 1). Аналогичный ему экземпляр несколько попорчен (рис. 32, 2). Два последних наконечника были найдены в южном жилищном пятне.

Выразителен нож на пластине (рис. 32, 21), по одному краю которого нанесена короткая ретушь. Орудие типа ножа на широком плоском отщепе (рис. 32, 19) покрыто по краям длинной неолитической ретушью, заходящей на спинку орудия. Возможно, что в качестве ножей служили длинные фрагменты пластин с ретушью по обоим краям (рис. 32, 16).

Одна из проколок (2 экз.), изготовленная на фрагменте пластинки, имеет острие длиной 2 см, ретушированное по краям и частично с брюшка (рис. 32, 13).

Часть пластинки с ретушированной выемкой на одной стороне является, по-видимому, обломком скобеля (рис. 32, 3).

Необходимо упомянуть и фрагменты пластинок прямоугольной формы (7 экз.), один или оба края которых покрыты мелкой ретушью (рис. 32, 5—8). Иногда на краях прослеживается сработанность в виде выщербин и затупленности. По-видимому, они применялись в качестве вкладышей.

Весьма интересно двустороннеобработанное топовидное орудие подтреугольной формы высотой 7,5 см и шириной у основания 5 см (рис. 32, 22). На одной стороне орудия сохранился участок корки. Сколы при обработке наносились преимущественно сбоку.

Среди находок имеется более 20 пластинок и отщепов, имеющих участки, покрытые ретушью.

Абсолютное большинство кремневых орудий было найдено вне жилищных пятен, в слое вышележащей супеси. Такое распределение, очевидно, свидетельствует о том, что основные работы кремневыми орудиями производились вне жилищ.

Таков кремневый инвентарь II Деуковской стоянки.

На стоянке удалось собрать некоторое количество определимых костей. Подавляющее большинство костных остатков было найдено в культурном слое пола жилищ, особенно центрального и южного. Предварительное определение фаунистических остатков, проведенное А. Г. Петренко, выявило следующие виды животных: собаку, зайца, бобра, медведя, кабана, лося, дикого барана (?). Из птиц определены чирковые, из рыб — карповые и сом.

Следует заметить, что в наслоениях пола жилищных пятен, преимущественно в восточных секторах жилищ, визуально отмечалось огромное количество мелких костей рыб, которые не поддавались извлечению.

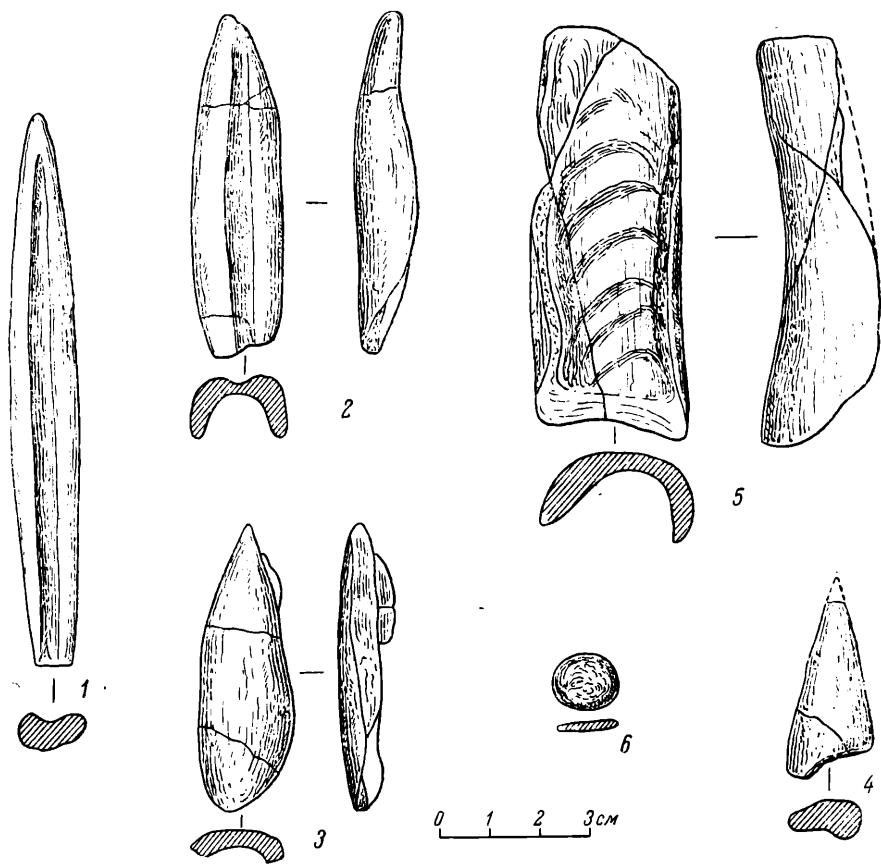

Рис. 33. Стоянка Деуково II. Костяной инвентарь

1, 2, 3, 4 — наконечники из кости; 5 — костяное желобчатое долото; 6 — костяная округлая бляшка

На стоянке, в слое пола жилищ, найдены костяные орудия. Одно из них представляет собой наконечник почти веретенообразной формы длиной 14,7 см, с заостренным концом и слегка усеченным основанием (рис. 33, 1). Посередине верхней части орудия проходит желобок глубиной 1—2 и шириной 5—7 мм. В средней части орудие имеет ширину 1,7 см. Также имеется обломок средней части орудия с аналогичным профилем, но более крупных размеров. Другой наконечник изготовлен из осколка стенки трубчатой кости длиной 8,2 см и заострен у вершины (рис. 33, 2). Основание орудия неровное. Посередине на спинке вырезан желобок глубиной 1—2 и шириной 5—7 мм. Изгиб стенок трубчатой кости срезан у основания для лучшего прикрепления к древку. Третий наконечник длиной 7,5 см по форме и материалу аналогичен второму, но, вероятно, завершен не полностью. На правой боковой части наконечника хорошо заметны следы резания каким-то острым предметом, левая часть у острия зашлифована, как и у всех наконечников, а также срезан изгиб трубчатой кости у основания (рис. 33, 3). Четвертый наконечник длиной 5 см изготовлен из кости таким образом, что основанием орудия является внутренняя изогнутая поверхность сустава (рис. 33, 4). Верхняя часть заострена.

В культурном слое пола центрального жилища было найдено долото-видное орудие длиной 10 см и шириной лезвия 3,5 см. Орудие принадлежит к типу желобчатых долот и сделано из половинки расколотой вдоль крупной трубчатой кости, у которой изнутри заострена и зашлифована

нижняя околосуставная часть (рис. 33, 5). На боковых частях долота заметны следы сколов, посредством которых пытались убрать излишний изгиб стенок в верхней части. Тыльный конец имеет сглаженность и заполировку.

Около южного жилища, в супеси, где распространяется культурный слой стоянки вне жилищ, была найдена уплощенно-овальная костяная бляшка размером $1,6 \times 1,4 \times 0,2$ см (рис. 33, 6). Ее поверхность сглажена.

Наряду с законченными костяными орудиями в культурном слое жилищ найдены обломки костей со следами зашлифовки и резания.

В инвентаре стоянки наблюдается сосуществование архаических типов орудий и черт (боковые и срединные резцы, резовые сколы у скребков) достаточно поздних, что, в частности, демонстрируют отдельные орудия с плоской отжимной ретушью и топорovidные орудия с двусторонней обработкой.

Кремневый комплекс II Деуковской стоянки обнаруживает сходство с инвентарем позднемезолитических Скнятинских стоянок¹.

Сравнение наших материалов с комплексом Огурдинской стоянки² показывает их отличие, проявляющееся прежде всего в отсутствии трапеций и в появлении поздних типов орудий.

Костяное долото находит близкие аналогии среди желобчатых долот стоянки Кунда в Прибалтике³; некоторые параллели наконечникам с желобчатой спинкой имеются среди костяных орудий той же мезолитической стоянки⁴.

Кремневый инвентарь стоянки имеет достаточно поздний облик. Количество скрепков превышает количество резцов, и кроме того в комплексе присутствуют скребки довольно поздних типов (округлые и полудисковидные на отщепах). Почти нет концевых скребков на пластинках. Большой процент орудий на пластинках и их незначительные размеры свидетельствуют о высокой степени микролитизации кремневого инвентаря.

В то же время II Деуковская стоянка более ранняя, чем Кабы-Копрынская стоянка на Свияге, для комплекса которой характерны общая макролитонидность, отсутствие стабильных типов резцов, крупные рубящие орудия с двусторонней обработкой и которая относится к времени, переходному от мезолита к неолиту⁵.

Кремневый комплекс II Деуковской стоянки в целом имеет очень много сходных черт с Яндашевской стоянкой на р. Цивиль (резцы с ретушированным концом, наконечники стрел, близкие по форме, орудия с неолитической ретушью, топорovidные орудия), хотя количество поздних типов в Яндашевской стоянке более значительно и около половины всех орудий изготовлено на отщепах⁶.

Сходство кремневого инвентаря обеих стоянок позволяет сближать их в хронологическом отношении и отнести II Деуковскую стоянку к началу позднего мезолита.

¹ П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, 1950.

² О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. МИА, № 126, 1966, стр. 125.

³ R. Indreko. Die mittlere Steinzeit Estland. Stockholm, 1948, стр. 142, рис. 51, 5; Л. Ю. Янитс. Новые данные по мезолиту Эстонии. МИА, № 126, 1966, стр. 120, рис. 4, 3.

⁴ R. Indreko. Указ. соч., стр. 276, рис. 71, 1, 2; стр. 244, рис. 75, 1, 2, 4.

⁵ А. Х. Халиков. Мезолит Среднего Поволжья. МИА, № 126, 1966, стр. 190.

⁶ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Яндашевская стоянка. СА, 1968, N 2, стр. 129.

Л. В. КОЛЬЦОВ

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БУТОВО
(ПО РАСКОПКАМ 1967 Г.)

Стоянка Бутово находится в Старицком районе Калининской области и располагается в 400 м к северу от дер. Бутово на трех параллельных дюнах, лежащих на первой надпойменной террасе левого берега р. Волги.

Памятник был открыт автором в 1956 г. во время разведочного маршрута между Калинином и Старицей, организованного Калининским областным краеведческим музеем. Однако первые раскопки стоянки были осуществлены лишь в 1966 г.¹ В 1967 г. раскопки памятника были продолжены разведочным отрядом Верхневолжской экспедиции под руководством автора².

Раскопками 1966 г. была затронута дюна, ближе всего лежащая к Волге. Разведочные раскопы на двух остальных дюнах не дали находок. На первой же дюне были поставлены четыре раскопа в местах наибольшего скопления подъемного материала. Раскоп I площадью 100 кв. м был расположен в северной части дюны; раскоп II площадью 68 кв. м — в центральной ее части; раскоп III площадью 108 кв. м — в 190 м от раскопа II к северу; раскоп IV площадью 80 кв. м — в 70 м к югу от раскопа I.

Наиболее интересными и богатыми находками оказались раскопы I и IV, расположенные в северной части дюны. В раскопе I были обнаружены большой очаг, хозяйственная яма и скопление находок. В раскопе IV — скопление находок довольно большой густоты. Еще очаг и хозяйственная яма открыты в раскопе II.

Поэтому в 1967 г. было решено в первую очередь расширить старые раскопы I и IV 1966 г. Раскоп I был расширен в своей северной и восточной частях (две линии квадратов с севера и одна линия — неполная — с востока; квадраты 26—45). Раскоп достиг площади 180 кв. м. Стратиграфия его такова (мощность слоя в м):

1. Почвенный темно-серый песчаный слой	0,16—0,21
2. Песок светло-серый	0,25—0,60
3. Песок желтый стерильный	1

Находки встречались на глубине 0,27—0,40 м, в верхней части светло-серого песка. Они распространялись довольно равномерно по всей вскрытой площади, не образуя заметных скоплений.

¹ Л. В. Кольцов. Бутовская мезолитическая стоянка. КСИА, вып. 101, 1964, стр. 81—85; он же. Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г. КСИА, вып. 117, 1969.

² В работах принимали участие В. А. Башилов, В. П. Степанов, учителя и учащиеся школы № 19 г. Балашихи Московской области.

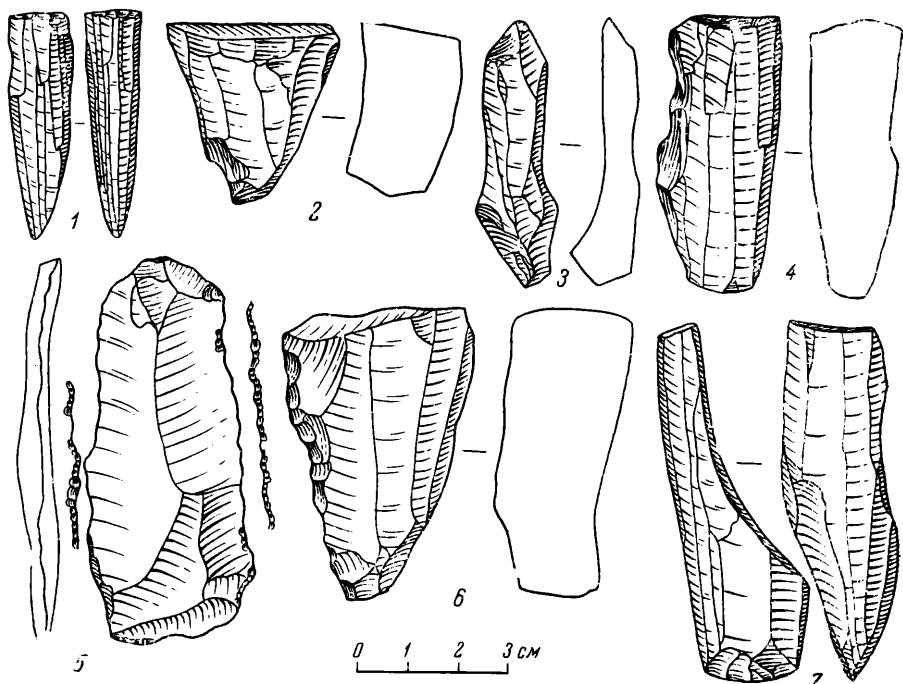

Рис. 34. Бутово. Каменный инвентарь

1—4, 6, 7 — нуклеусы; 5 — нож

В этом раскопе были найдены две хозяйственные ямы. Одна располагалась на квадрате 39 (в северной части раскопа). Заполнение ямы, как, впрочем, и остальных хозяйственных ям, несколько отличалось по цвету от основного культурного слоя: в ямах песок интенсивнее окрашен и сильнее гумусирован. Первая яма в плане была округлой формы, имела диаметр 0,74, глубину от поверхности 0,78, от основания культурного слоя в этом месте 0,35 м. В разрезе яма коническая. В яме найдены скребок, угловой резец, 8 ножевидных пластин, обломок нуклеуса от пластины, 28 отщепов. Вторая яма располагалась на стыке квадратов 30, 35, 42, 43 (в восточной части раскопа). В плане она неправильно-овальной формы, ориентирована с северо-востока на юг-юго-запад. Размеры ее 1,88 × 0,93, глубина от поверхности 0,73, от дна культурного слоя 0,42 м. Дно котлообразное. В яме найдены два резца, 73 пластины, 48 отщепов, 27 осколков.

Всего на вскрытой площади раскопа I в 1967 г. найдено 435 предметов, в том числе 30 с вторичной обработкой: резцы, скобели, скребки, ножи, вкладыши, сверло и т. д. (рис. 34, 4, 7; рис. 35, 3, 4, 9, 10, 13, 14, 16, 17; рис. 36, 7, 11, 18, 21, 22, 31, 33).

Раскоп IV 1966 г. был расширен нами главным образом с западной стороны, но по одной линии квадратов прирезано с южной и северной сторон. Кроме того в юго-восточном углу к раскопу примыкают две перпендикулярные друг другу траншеи шириной 2 и длиной 8 м, заложенные с разведочными целями. Всего здесь было вскрыто в 1967 г. 148 кв. м, и общая площадь раскопа достигла 228 кв. м.

Стратиграфия раскопа IV не отличается от стратиграфии раскопа I. Находки залежали по всей площади раскопа кроме его северо-западного и юго-западного углов. На квадратах 17—19, 28, 29 в центральной части раскопа они образуют довольно густое скопление, которое непосредственно

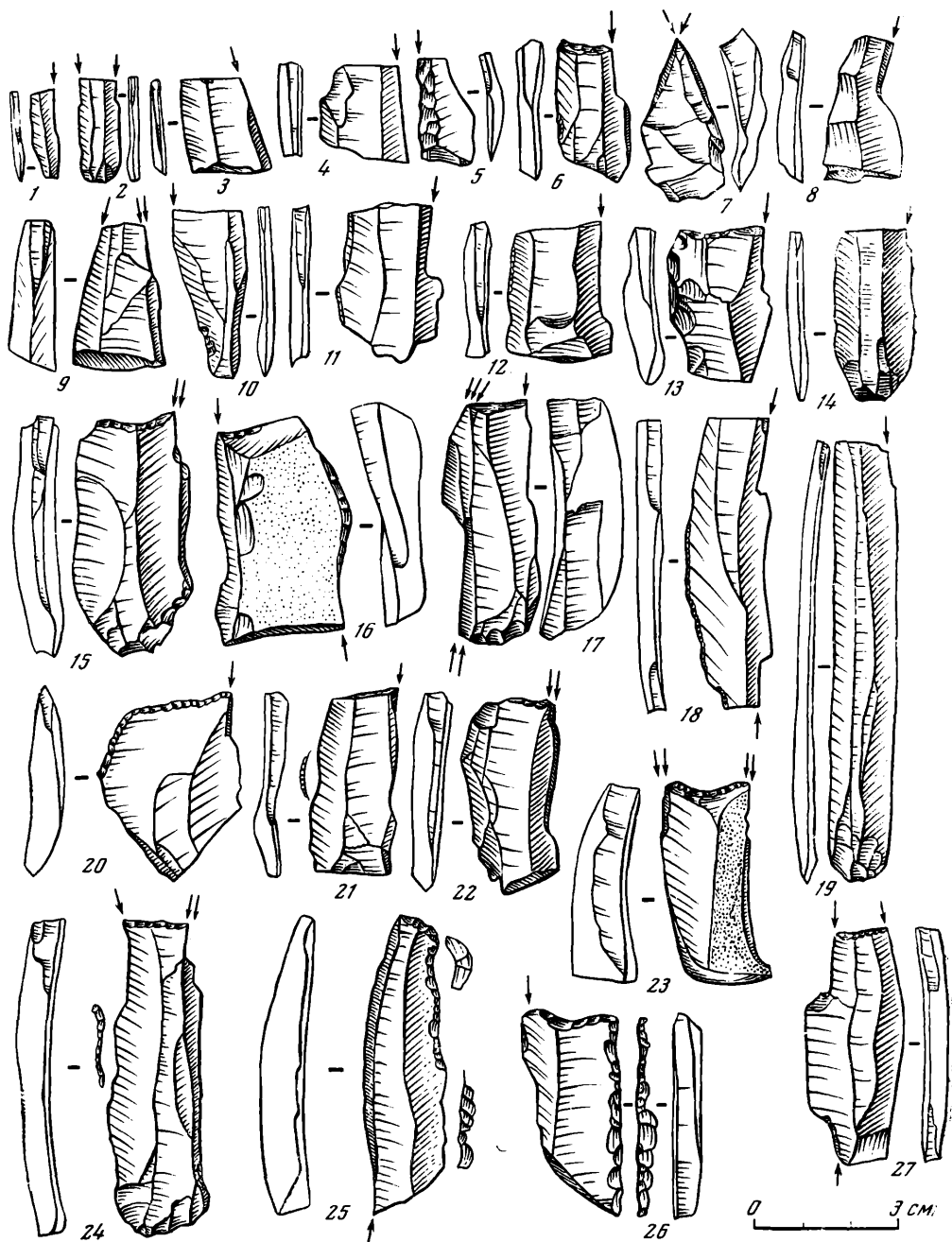

Рис. 35. Бутово. Каменный инвентарь

1—15, 17, 19, 20, 22, 23, 27 — резцы; 16, 18, 21, 24—26 — комбинированные орудия

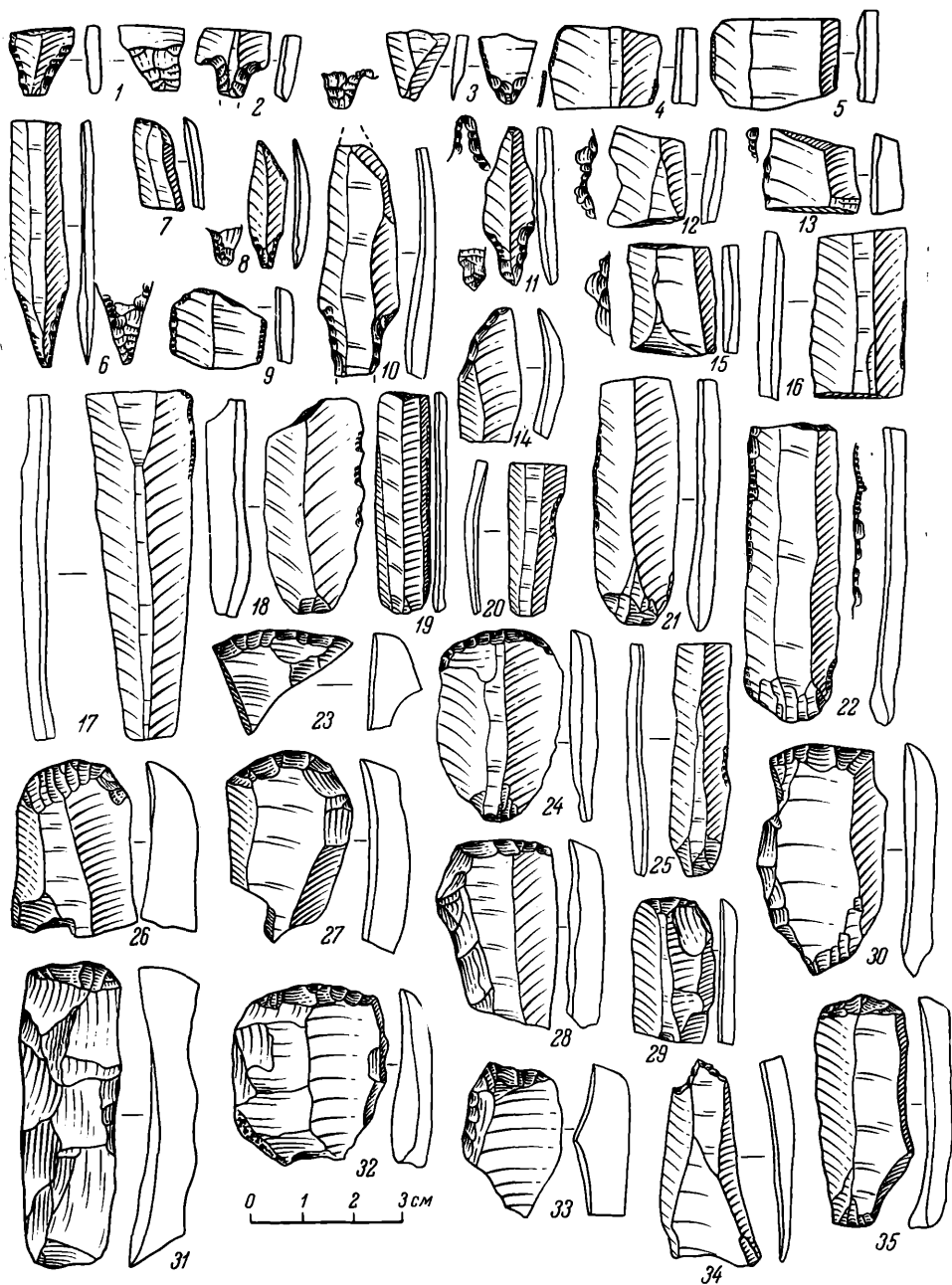

Рис. 36. Бутово. Каменный инвентарь

1—3, 6, 8, 10 — наконечники стрел; 4, 5, 9, 12, 13, 15, 16, 17, 19 — вкладыши; 7, 14 — пластинки со скошенным концом; 11 — сверло; 18, 20—22, 25 — скребки; 23, 24, 26—33, 35 — скребки; 34 — проколка

смыкается со скоплением, обнаруженным в западной части площади, вскрытой в 1966 г. В этом раскопе тоже были обнаружены две хозяйственные ямы. Одна на квадрате 29 — округлая, диаметром 0,80 м. Дно котлообразное, глубина 0,70 от поверхности и 0,33 м от дна культурного слоя. В ней были найдены резец, нуклеус, 13 пластин, 34 отщепа. Вторая яма была на границе квадратов 25 и 46, в юго-восточном углу раскопа, за пределами основного скопления находок. Она округлая в плане, диаметром 0,53 м. Дно котлообразное, глубина 0,64 м от поверхности, 0,26 м от нижней границы культурного слоя. В ней обнаружены угловой резец, 2 вкладыша, 32 ножевидные пластины. Характер находок свидетельствует о том, что здесь мы имеем дело с кладом мезолитического времени.

Всего в этом раскопе в 1967 г. было найдено 628 кремневых предметов, из них 86 с вторичной обработкой: резцы, скребки, наконечники стрел, ножи, вкладыши, скобели и т. д. (рис. 34, 1—3, 5, 6; рис. 35, 1, 2, 5—8, 11, 12, 19—27; рис. 36, 1—6, 8—10, 14—17, 19, 20, 25, 27, 29, 32, 34).

К раскопу II с его южной стороны был прирезан ряд квадратов, которые почти не дали находок.

Кроме того на стоянке и в 1967 г. продолжались разведочные работы с целью выявления новых скоплений кремневого материала. Один из таких раскопов площадью 16 кв. м, поставленный на восточном краю первой дюны, дал небольшой, но выразительный комплекс находок (рис. 36, 28, 30). Стратиграфия этого раскопа мало отличается от стратиграфии предыдущих: здесь над почвенным слоем лежит светлый дюнный песок — отложение самого последнего времени, появившееся после исчезновения леса на Бутовских дюнах. Находки располагались в раскопе равномерно, не образуя скоплений, и залежали, как и в остальных раскопах, в сером песке.

Всего за два полевых сезона на Бутовской стоянке вскрыто 668 кв. м. Раскопками установлено, что стоянка однослойная; находки располагаются отдельными скоплениями. Самым интересным открытием следует считать находки очагов (в 1966 г.) и — впервые на территории Верхнего Поволжья — хозяйственных ям.

Кроме раскопок за время работ с площади Бутовских дюн постоянно собирался подъемный материал, среди которого обнаружено несколько интересных орудий (рис. 35, 15; рис. 36, 12, 13, 23, 24, 26, 35).

В коллекции с Бутовских дюн из раскопок и сборов 1967 г. — 1241 кремневый предмет, из них 149 с вторичной обработкой (12% всех находок). Материалом для их изготовления послужил меловой кремь чернoго, красного и розовато-лилового цвета из старицких месторождений, а также местный разноцветный валунный кремь.

На стоянке найдено 11 нуклеусов (в том числе 5 расколотых). Они все служили для скалывания ножевидных пластин и делятся на два типа: конический и призматический (рис. 34, 1—4, 6, 7). Почти все они имеют слегка скошенные площадки. У некоторых из них (рис. 34, 1, 4) площадки специально подработаны при подготовке к скалыванию. Один из нуклеусов служил для скалывания миниатюрных пластин (рис. 34, 1). У другого конец, противоположный площадке, подработан плоской ретушью, что давало возможность использовать этот нуклеус в качестве долота (рис. 34, 7), хотя не исключена возможность, что это сделано для защемления нуклеуса при скалывании пластин. Интересен прием раскалывания нуклеусов вдоль, который уже отмечался в предыдущих публикациях. Об обработке кремня на территории стоянки свидетельствуют кроме нуклеусов найденные аморфные нуклеидные куски (3 экз.), сколы с площадок нуклеусов (6 экз.), боковые сколы — ребристые пластины (17 экз.).

Основной заготовкой для орудий служили ножевидные пластины, на которых изготовлено 73,8% орудий (110 экз.), на отщепах же — 20,1% орудий (30 экз.); остальные — на осколках, ребристых пластинах и сработанных нуклеусах.

На стоянке найдено 425 различных ножевидных пластин, 599 отщепов и 18 осколков. Такое соотношение отщепов и пластин свидетельствует в пользу высокого развития пластинчатой техники. Ножевидные пластины имеют различные размеры: от 2,7 до 10,7 см в длину. О высоком качестве изготовления ножевидных пластин говорит высокий процент использования их для изготовления орудий: 20,6% найденных пластин несет вторичную обработку; среди отщепов этот процент равен 4,8.

Самую большую группу орудий составляют резцы (37 экз.; 24,8% орудий). Большая часть их (27 экз.) изготовлена на ножевидных пластинах, пять резцов на отщепах, два на сработанных нуклеусах, два на осколках и один на ребристой пластине. Среди резцов преобладают угловые (рис. 35, 1—5, 8, 9, 11, 14, 19). Резцов этого типа 27 экз. Среди них есть двойные резцы (рис. 35, 2). Резцовые сколы различной длины: есть сколы, идущие вдоль всего бокового края, есть и сколы, захватывающие только угол заготовки. Иногда резцовое лезвие оформляется двумя резцовыми сколами. Большую группу (7 экз.) составляют резцы, у которых конец заготовки, прилегающий к резцовому сколу, затуплен крутой ретушью (рис. 35, 6, 13, 15, 20, 22, 23). Затупленный конец обычно слегка вогнут, только в одном случае он выпуклый (рис. 35, 20). Среди этих орудий тоже есть двойные (рис. 35, 23); у некоторых резцовое лезвие формируется несколькими сколами (рис. 35, 15). Характерно сочетание на одном орудии признаков двух указанных выше типов (рис. 35, 16, 17, 27). Кроме этих двух типов найден один резец срединного типа (рис. 35, 7). Его рабочее лезвие оформлено широкими сколами.

Скребок найдено 10 экз. (6,7% орудий). Большинство их на ножевидных пластинах (6 экз.), один на ребристой пластине, один на отщепе и два на осколках (рис. 36, 23, 24, 26, 27, 29—33, 35). Почти все скребки концевые (8 экз.), с выпуклым или прямым рабочим краем, оформленным, как правило, очень крутой ретушью. Несколько особняком стоит скребок с выступом (рис. 36, 33) на массивном осколке. Десятый скребок (рис. 36, 23) — обломок на массивном осколке.

Довольно большой серией представлены наконечники стрел (6 экз.; 4% орудий). Необходимо отметить, что в раскопках 1966 г. не было ни одного наконечника. Все эти орудия изготовлены на пластинах. Целый наконечник только один: это небольшое орудие (рис. 36, 8) со скошенным мелкой крутой ретушью острием и выделенным крутой ретушью на спинке черешком. С брюшка черешок обработан плоской ретушью. В мезолите Волго-Окского междуречья нет аналогий такой форме со скошенным ретушью острием. Еще у двух наконечников (рис. 36, 6, 10) обломаны кончики острий. Они оба относятся к типу с выделенным черешком, причем черешок выделяется крутой ретушью со спинки. У одного из этих наконечников на черешке на брюшке есть плоская ретушь, захватывающая весь черешок. Три оставшихся наконечника представлены только обломками черешков (рис. 36, 1—3), причем два из них относятся к типу с выделенным черешком (рис. 36, 1, 2), когда черешок на спинке оформляется крутой ретушью, а на брюшке несет плоскую ретушь, а третий, видимо, принадлежал листовидному наконечнику: у него обработан плоской ретушью на брюшке только кончик черешка, со спинки ретуши нет. Один из продольных краев несет на брюшке очень мелкую крутую ретушь.

Многочисленны на Бутовской стоянке скобели (22 экз.; 14,8% орудий). Они изготавливались на пластинах (17 экз.), отщепах (4 экз.) и ребристых пластинах (1 экз.). Скобели двух типов: одновыемчатые (рис. 36, 12, 15, 20, 25) и многовыемчатые (рис. 36, 18, 21). Выемки обычно формируются крутой ретушью.

Довольно частой находкой на Бутовской стоянке являются вкладыши (18 экз.; 12,1% орудий). В подавляющем большинстве они изготавливались на ножевидных пластинах (17 экз.; рис. 36, 4, 5, 9, 13, 16, 19). Ча-

еще всего у них бывает затуплен только один край, но иногда частичная подтупливающая ретушь встречается и на противоположном крае.

В единственном экземпляре найдено сверло. На технику его изготовления повлияли приемы выделки наконечников стрел. Оно двухконечное (рис. 36, 11), причем один конец обработан крутой ретушью на спинке и плоской на брюшке, другой — относительно крутой ретушью на брюшке. Оба конца тупые, закругленные. Изготовлено на пластине.

Проколки (рис. 36, 34) мало характерны и найдены в числе 4 экз. (2,7% орудий). Изготавливались на пластинах (2 экз.), отщепках (1 экз.), ребристых пластинах (1 экз.). Все проколки имеют маленькое узкое жальце, обработанное крутой ретушью.

Характерную группу орудий составляют пластинки со скошенным ретушью концом (5 экз.; 3,3% орудий). У двух из них конец скошен очень слабо (рис. 36, 7), у трех — довольно сильно (рис. 36, 14). Ретушь во всех случаях довольно крутая.

Впервые на Бутовской стоянке найдены в довольно большом количестве ножи (13 экз.; 8,7% орудий). Большинство их на пластинах (10 экз.), два на отщепках, один на ребристой пластине (рис. 34, 3; рис. 36, 17, 22). У большинства один край обработан притупливающей ретушью, другой оставлен без обработки, но несет четкие следы работы. У одного экземпляра (рис. 36, 22) ретушь есть на обоих краях — на одном со спинки, на другом с брюшка, причем ретушь здесь более плоская, чем на остальных ножах.

Большой серией в коллекции представлены комбинированные орудия (11 экз.; 7,4% орудий). Подавляющее большинство их на пластинах (10 экз.), одно орудие на отщепе. Чаще всего это резцы, соединенные с другими орудиями. Резцы объединяются со скобелями (рис. 35, 12). Кроме этого есть только скребок, соединенный со скобелем (рис. 36, 28).

В коллекции есть также 8 пластин со следами обработки (5,4% орудий) и 14 отщепов со следами обработки (9,4% орудий).

Таков кремневый комплекс Бутовских дюн из раскопок 1967 г. От материала 1966 г. он отличается наличием серий наконечников стрел и ножей. Основные черты инвентаря: резкое преобладание резцов; крайне низкое количество скребков; высокий процент скобелей, комбинированных орудий, вкладышей и ножей; высокое развитие пластинчатой техники; употребление в качестве заготовок для орудий главным образом ножевидных пластин; отсутствие рубящих орудий. Все эти признаки позволяют отнести стоянку к раннему мезолиту.

Особенность памятника по сравнению с другими стоянками волго-окского мезолита состоит в наличии большой группы ножей и одновременном развитии вкладышевой техники, разнообразии типов орудий. Вторая особенность стоянки — в относительно хорошей сохранности бытовых деталей (ямы и очаги).

Весь комплекс орудий стоянки свидетельствует о западном и юго-западном влиянии при сложении мезолитической культуры Волго-Окского междуречья. Вместе со стоянками в окрестностях Калинина (Лукино, Пищалино, Дмитровские I—III, Староконстантиновские I—VI) этот памятник составляет особый локальный район волго-окской мезолитической культуры.

Н. Н. ГУРИНА

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

После более чем двадцатилетнего перерыва северо-западная окраина Мурманской области — полуостров Рыбачий вновь стал объектом археологического исследования. В 1965 г. экспедицией Ленинградского отделения Института археологии под руководством автора были произведены разведки в южной и северной его частях. Помимо того впервые исследованию был подвергнут пограничный с Норвегией участок южнее г. Никеля (от 136 до 153 км), на правом берегу р. Патсо, в зоне строительства Патсойокской ГЭС.

На побережье р. Патсо, протяженностью 17 км, со стороны советской границы были обнаружены четыре стоянки. Одна из них расположена на 140-м километре, в непосредственной близости от устья р. Корнейтийоки. В этом месте узкая, сдавленная каменистыми грядами, с сильным течением река, вырвавшись на ровное пространство, широко разливается, превратившись как бы в тихое небольшое озеро. Относительно ровный песчаный берег образует мысок, на котором возникла в древности стоянка. Верхняя часть площадки сложена несортированным песком, нижняя — слоистыми песками, свидетельствующими об аллювиальном их образовании. Многочисленные разрушения поверхности стоянки — следы минувшей войны — в большей мере уничтожили культурный слой. Удалось лишь проследить, что в прошлом он занимал значительную площадь, располагаясь под растительным слоем, не превышая в среднем по мощности 15—20 см. Находки состояли из кварцевых орудий, скребков и резцов, изготовленных с помощью тщательной отжимной ретуши, и значительного количества кварцевых отщепов.

Остатки второй стоянки обнаружены на 153-м километре на склоне берега высотой до 15 м над современным уровнем р. Патсо, на небольшой (около 60 кв. м) ровной площадке, органиченной с двух сторон заболоченным пространством. Культурный слой — песок с примесью красной охры, мощностью около 40 см, залегающий под дерновым слоем, подстилался серым крупнозернистым песком. Характерной особенностью его являлась неравномерность залегания — концентрация на относительно небольших участках. На одном из них обнаружен очаг, сложенный из некрупных камней с сильными следами действия огня, залегающих в контурах черного углестого слоя. Вокруг очага лежали мелкие угли и зола, по-видимому развеянные ветром после того, как он был оставлен людьми. Несколько ниже площадки, на слабо наклонной поверхности берега обнаружено отчетливо выраженное пятно охры, а на некотором расстоянии от него — запасы красной охры, засыпанной в небольшое углубление.

Вещественный материал, состоящий из кварцевых орудий и большого

количества отщепов кварца, концентрировался в контурах культурного слоя и в особенности вблизи очага. На квадратах, далее отстоящих от них, количество находок резко сокращалось. Высота площадки с очагом над уровнем Патсо 4,5—5 м и около 60 м над современным уровнем моря. Значительная часть стоянки уничтожена карьером.

Остатки двух других стоянок обнаружены в 3 и 5 км выше по течению, на небольших возвышенных песчаных участках, на высоте 58—62 м над уровнем моря. Культурный слой их — красноватый, с примесью охры и мелких угольков песок, залегал на глубине 10—15 см, мощность его не превышала 40—45 см. Культурные остатки в виде кварцевых орудий, большого количества сколов с кварцевых и кварцитовых нуклеусов размещались на площади от 30 до 60 кв. м. По составу и характеру обработки инвентарь этих стоянок близок к рассмотренному ранее.

В целом археологическое обследование на правом берегу р. Патсо позволяет сделать следующие выводы: 1) несмотря на малоблагоприятные физико-географические условия (заболоченность и каменистость берегов на значительных участках), указанный отрезок берега р. Патсо был освоен человеком уже в глубокой древности; 2) ограниченность площадки, занятой находками, малая мощность культурного слоя и прерывистость его свидетельствуют о том, что обнаруженные местонахождения не были долговременными поселениями, а представляли собой лишь кратковременные стоянки охотников, ведущих весьма подвижный образ жизни; 3) характер кварцевых орудий, отсутствие керамики, а также значительная высота залегания над уровнем моря (до 60 м) дают основания относить открытые стоянки, по всей вероятности, к мезолиту, возможно к поздней его фазе, т. е. примерно к V—VI тысячелетиям до н. э. Они являются пока первыми для всей западной части Кольского полуострова, поскольку столь древние памятники не были найдены до сих пор в долине р. Патсо и на норвежской территории, несмотря на то что работы проводились здесь в широком масштабе¹.

В целях более обоснованной датировки вновь открытых археологических памятников с помощью данных геологии нами было предпринято исследование ближайших участков морского побережья, геологическая история которых прослеживается с наибольшей отчетливостью. Не имея возможности ознакомиться с геологическими строениями приустьевой части р. Патсо (территория Норвегии) мы произвели обследование устья р. Печенги и восточного побережья Рыбачьего полуострова.

Обнаруженные остатки двух стоянок каменного века в устье р. Печенги на ее левом берегу позволили произвести сопоставление найденных там орудий с орудиями побережья р. Патсо. Существенное значение имело и наблюдение над топографией памятников.

Большой интерес представили работы, произведенные экспедицией в восточной части Рыбачьего полуострова — Мотовском заливе и близ Цып-Наволока.

Как известно, первые разведки на Рыбачьем полуострове, произведенные Б. Ф. Земляковым и П. Н. Третьяковым в 1925 г., затем продолженные в 1939 г. группой геологов (Б. Ф. Земляков, И. И. Краснов, С. В. Яковлева), привели к открытию ряда стоянок «арктического палеолита» и неолита близких стоянкам Северной Норвегии². Впоследствии

¹ P. Simonsen. Varanger-funnene, II. Fund og udgravninger pо fjordens svdkvst. Tromso, Oslo, 1961; он же. Varanger-funnene, III. Fund og udgravninger i pasvikkdalen og ved den ostlige fjordstrand. Tromso, Oslo, 1963.

² Б. Ф. Земляков. Арктический палеолит на Севере СССР. СА, V, 1940; он же. Отчет о работах Кольской экспедиции. «Труды советской секции inqua», вып. II. Л., 1936; он же. Археологические исследования на побережье Арктического океана. «Труды советской секции inqua», вып. III. Л., 1937; он же. Арктический палеолит на Севере СССР. «Труды КИЧПЕ», V, вып. 1. М.—Л., 1937.

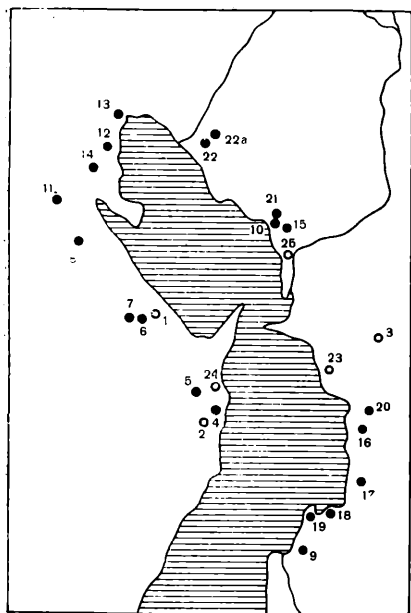

Рис. 37. Расположение археологических памятников в Мотовском заливе

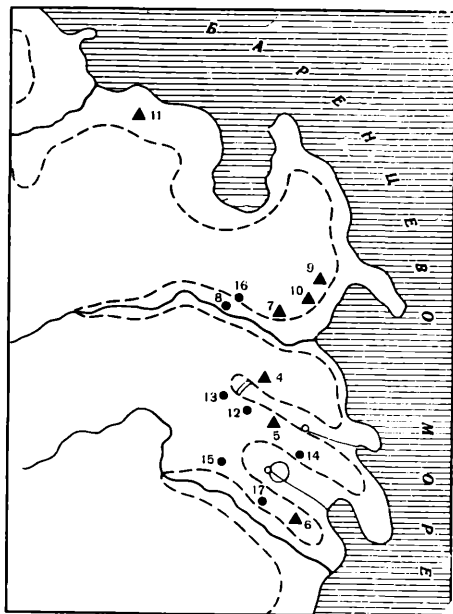

Рис. 38. Расположение археологических памятников близ Цып-Наволока

коллекции, поступившие в музей (МАЭ, г. Ленинград), из-за отсутствия должной документации оказались перемешанными, а часть их вовсе утраченной. Поэтому существование столь ранних мезолитических памятников на Кольском полуострове в последнее время подвергалось сомнению со стороны ряда советских археологов.

Вместе с тем в результате разборки сохранившихся коллекций удалось выделить чистые комплексы, определить их местонахождение и связать с соответствующими описаниями, сделанными в публикациях.

Однако наибольшее значение в плане уточнения проблемы «арктического палеолита», бесспорно, имели новые исследования на Рыбачьем полуострове, которые дали важные научные результаты.

Кольский полуостров в этой части является естественным геологическим музеем, где с удивительной ясностью читается его история. Поразительно сохранившиеся береговые валы, лежащие на различных высотах до 60 м над современным уровнем моря, отчетливо вырисовывают его древние узкие морские заливы и бухты, в настоящее время лишь слегка заболоченные, чаще же превратившиеся в сухие участки (рис. 37, 2).

Разведка, произведенная экспедицией по берегу древних морских заливов, далеко отстоящих от современного берега моря, позволила обнаружить свыше трех десятков остатков стоянок, наиболее древние из которых относятся к эпохе мезолита и датируются V—VI тысячелетиями до н. э., более молодые — к неолитической эпохе — 2500—2000 лет до н. э.

Так, в районе Мотовского залива помимо трех стоянок «арктического палеолита», открытых Б. Ф. Земляковым, нами обнаружено еще девять стоянок этого времени и несколько относящихся, по-видимому, к ранне-неолитической эпохе. В районе Цып-Наволока помимо восьми стоянок Б. Ф. Землякова найдено еще шесть — «арктического палеолита» и неолита.

Наиболее древние стоянки занимают наивысшие отметки до 55 м над современным уровнем моря и значительно удалены от него, тогда как неолитические поселения лежат вблизи современного берега на молодых

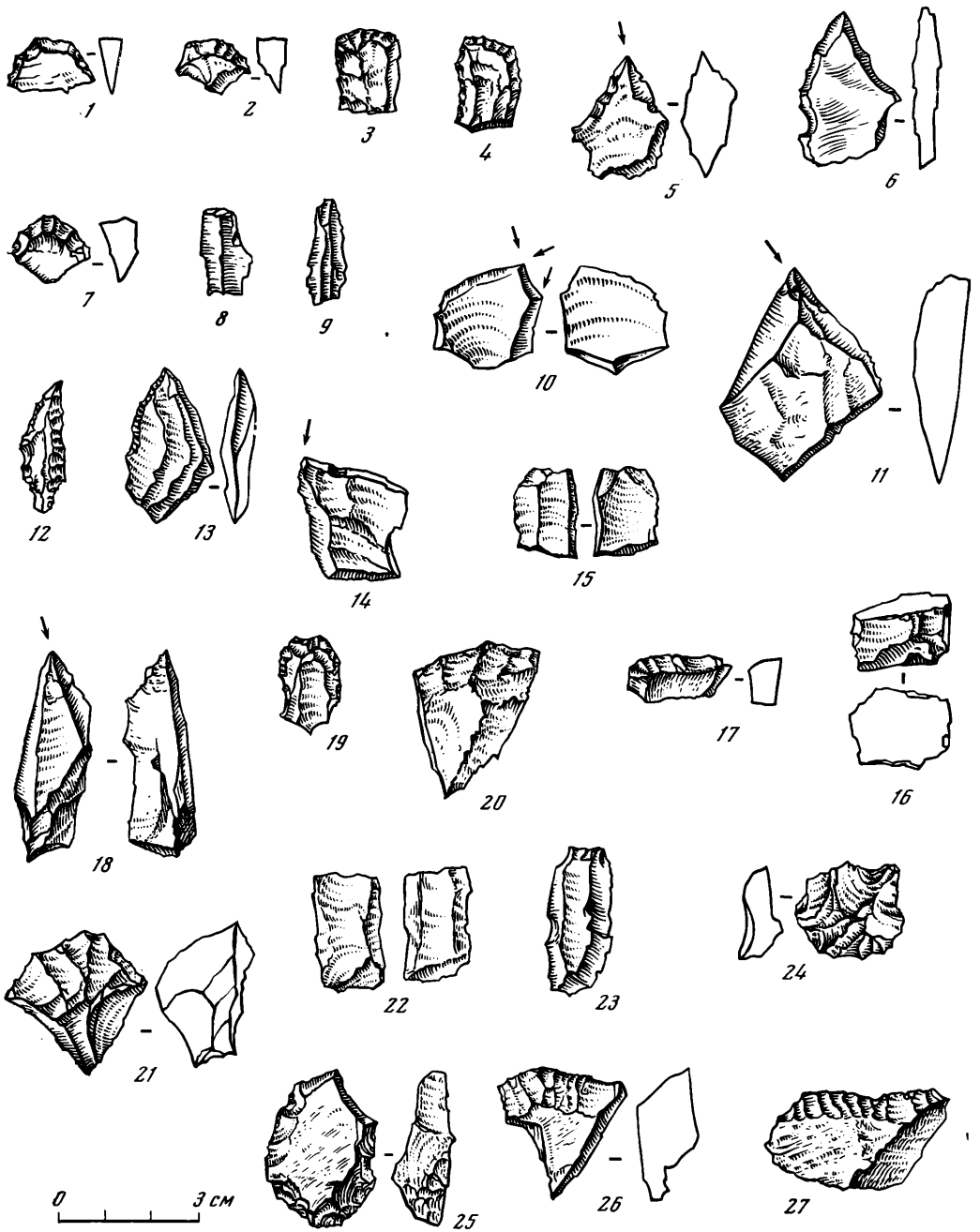

Рис. 39. Мезолитические кварцевые орудия

1—6, 12, 16, 18, 20, 22, 26, 27 — ЦМП-Наволоч 6; 7—9, 11, 13, 14, 21 — ЦМП-Наволоч 14; 10, 17 — ЦМП-Наволоч 10а; 15, 19, 23—25 — ЦМП-Наволоч 13

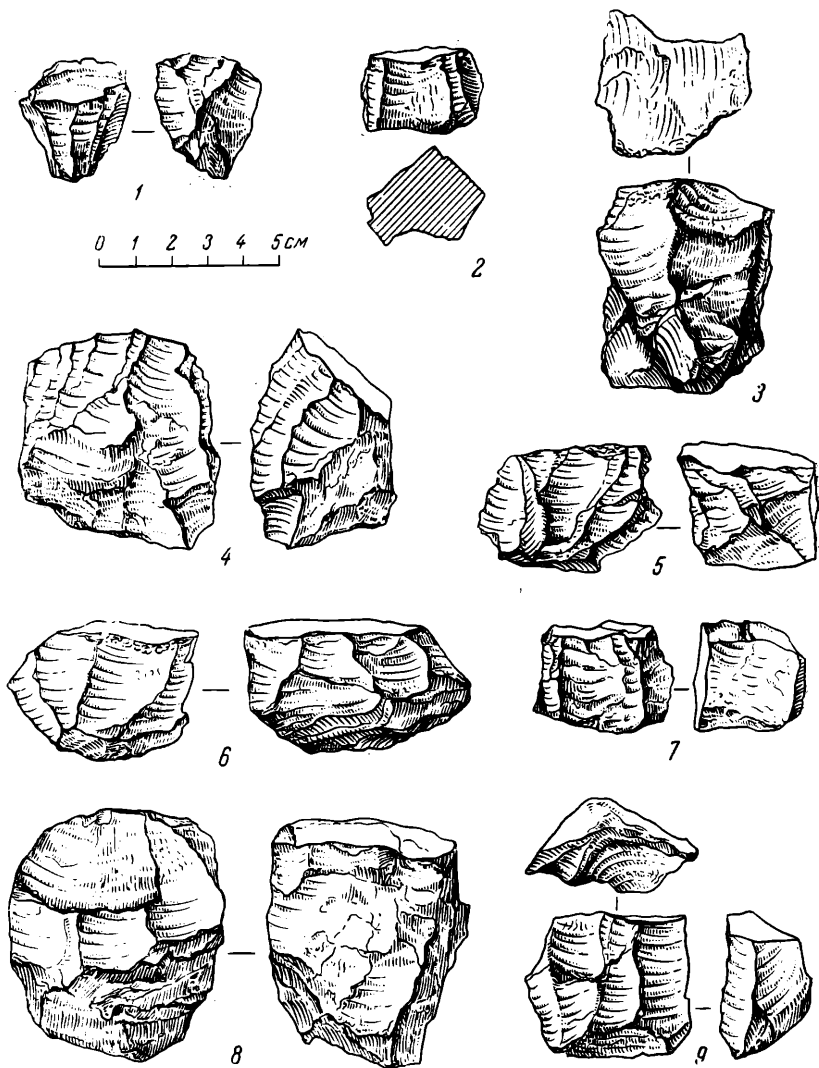

Рис. 40. Мезолитические кварцевые нуклеусы
1, 2, 3, 4, 7 — Цып-Наволок 6; 5, 6, 8, 9 — Цып-Наволок 13

террасах, поднятых на 3—3,5 м над уровнем моря. Такое высотное различие памятников позволяет проследить изменения в материальной культуре древних обитателей Кольского полуострова, пользуясь не только археологическими методами, но привлекая данные геологии.

Культурные остатки поселений в большинстве случаев залегают непосредственно на поверхности или на глубине не более 10 см. Они занимают иногда очень значительную площадь — более сотни квадратных метров, будучи относительно равномерно рассеянными на этом пространстве, чаще же более ограниченную — несколько десятков квадратных метров. В отдельных случаях по концентрации орудий труда и отходов, полученных при их изготовлении в пределах весьма ограниченного пространства, при этом расположенных по кругу, удалось проследить основание древних жилищ типа современных чумов, как, например, на стоянке 11 в Мотовском заливе и 15 у Цып-Наволока.

Наибольшее количество орудий изготовлено, так же как и на побере-

же Патсойоки, из белого кварца, однако здесь широко применялся и малиновый кварцит, нередко горный хрусталь, а на неолитических стоянках — сланец. Для значительного числа кварцевых орудий, преимущественно мелких, использовались небольшие галечки.

Помимо скребков небольшой величины, различных очертаний встречаются небольшие срединные и боковые резцы на мелких отщепках, резчики трехгранные в сечении, рабочий конец которых образован двумя сколами и частично ретушью, ножевидные пластинки неправильного ограничения и др. В ряде случаев для мелких орудий кварц заменен горным хрусталем. Наряду с довольно крупными кварцевыми нуклеусами призматическими — двухплощадочными или дисковидными встречаются и довольно мелкие, правильных очертаний. Редкими экземплярами, при этом только на стоянках, наиболее низко расположенных, являются наконечники стрел из сланцевых ножевидных пластин с ретушированным черешком (со спинки и брюшка) и жальцем (только с брюшка), а также двустороннеобработанный наконечник (рис. 39—40).

Помимо остатков стоянок открыты и места добычи сырья, а также связанные с ними мастерские по изготовлению орудий труда. Среди них особого внимания заслуживает мастерская (№ 16) на левом берегу р. Аникиевой недалеко от Цып-Наволока. Здесь на гранитной плоской скале высотой 50 м, удаленной на значительное расстояние от современного берега моря, обнаружены куски малинового кварцита, сколы, полученные при изготовлении орудий, и их заготовки. В трещинах горизонтально лежащей скалы, на которой, по-видимому, когда-то сидел человек, изготовлявший орудия, сохранились следы от ударов и мельчайшие частицы, отбитые от породы. В непосредственной близости от этой мастерской найден «тайник» — углубление, выложенное и прикрытое плоскими каменными плитами, куда были сложены готовые изделия.

Вторая мастерская (№ 6) расположена на древнем мысу близ р. Типуновой в районе Цып-Наволока. Отщепы кварца, горного хрусталя, нуклеусы и заготовки орудий встречаются на значительной площади (около 150 кв. м). Среди многочисленных нуклеусов преобладают две формы: призматические двухплощадочные и дисковидные крупных и мелких размеров.

Археологический материал, полученный в результате работы экспедиции на Рыбачьем полуострове, совместно с данными предшествующих исследований, а также вновь открытые стоянки на реках Патсо и Печенге имеют важное значение в решении вопроса о времени и путях проникновения древнего населения на Север.

Сопоставление мезолитических «арктического палеолита» памятников с мезолитическими памятниками соседних территорий — Комса-культурой Норвегии³ и Аскола-культурой Финляндии⁴ свидетельствует в пользу их значительной близости. Помимо сходных условий залегания прослеживается тождество в использовании материала (кварца, кварцита, горного хрусталя при минимальном применении кремня), в технике расщепления камня, формах орудий. Вместе с тем на Кольском полуострове есть некоторые специфические черты, отраженные в формах орудий. Дальнейшие исследования смогут раскрыть их с большей подробностью.

³ Odner. Komsokulturen i Nesseby og Sor-Varanger. Tromso (Oslo), Bergen, 1966.

⁴ V. Luho. Die Askola-kultur. SMYA, 57. Helsinki, 1956.

П. М. ДОЛУХАНОВ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ СТОЯНОК
НА РЫБАЧЬЕМ ПОЛУОСТРОВЕ

Берега Рыбачьего полуострова представляют собой сложную систему морских террас и береговых валов — результат сочетания эвстатического подъема уровня океана и гляциоизостатического движения земной коры в послеледниковое время. Сопоставление высотного положения стоянок с древними морскими уровнями может служить основой для определения возраста поселений каменного века, ибо считается установленным, что эти поселения располагались, как правило, непосредственно у моря.

На основании исследований, проведенных в начале века. В. Таннер¹ выделил на Рыбачьем полуострове два основных уровня, обозначенные им соответственно уровнями b/c и e/f. Уровень b/c соответствует максимальной послеледниковой трансгрессии — трансгрессии Tapes и, согласно последним исследованиям норвежских геологов², имеет возраст 6500—4500 лет назад (норвежские исследователи выделяют четыре стадии трансгрессии, датируя их: Tapes I—6500; Tapes II—6200; Tapes III—5500; Tapes IV—4500 лет назад).

Уровни e/f Таннера, по современным оценкам, соответствуют линиям наиболее ранней позднеледниковой трансгрессии и имеют возраст порядка 10 000 лет назад.

В первом из исследованных летом 1965 г. районов — на побережье залива Большая Мотка — наиболее повышенное положение занимала стоянка 22а, расположенная на террасовидном уступе высотой 42 м. Стоянка 15 расположена на береговом валу с отметкой основания 20—22 м. Большая же часть исследованных памятников (стоянки 16—21) располагалась на береговых валах, вытянутых вдоль побережья залива, высотой около 10 м над уровнем моря.

Во втором исследованном районе — близ Цып-Наволока — скопление кварцевых орудий было обнаружено на хорошо выраженной в рельефе ровной абразионной поверхности на склоне горы Аникиевой. Высота этой поверхности около 50 м над уровнем моря. Это наиболее высокий морской уровень, обнаруженный в этой части полуострова.

Стоянка 7 была обнаружена на поверхности 40-метровой террасы, увенчанной береговым валом, также на склоне горы Аникиевой.

Большое число памятников (соответствующих стоянке 10 Б. Ф. Земля-

¹ V. Tanner. Studier över Kvartärsystemet i Fennoskandias nordliga delar. «Bull. Comm. Géol. Finl.», N 88, Helsinki, 1930, стр. 198—257.

² O. Holdedahl. Geology of Norway. «Nord. Geol. Unders.», N 208. Oslo, 1960, стр. 411; M. Martinussen. C₁₄ Datings Referring to Shore Lines, Transgressions and Glacial Substages in Northern Norway. «Nord. Geol. Unders.», N 215, 1962, стр. 37—62.

кова) было обнаружено на береговом валу с отметкой основания 15 м над уровнем моря. Этот береговой вал оконтуривал морской залив, некогда глубоко вдававшийся в сушу.

По данным Таннера³, уровни e/f на Рыбачьем полуострове имеют высоту 55—60 м над уровнем моря. Для уровней b/c Таннер приводит значения 23—25 м над уровнем моря. Ниже располагается система уровней более молодого возраста: a₁—a₉, имеющих высоту от 4,5 до 22,5 м над уровнем моря.

Абразионная поверхность, на которой расположена стоянка 16, сопоставима по своей отметке с уровнем «a» Таннера. Достаточно высокие отметки (близкие к уровню «d» Таннера) установлены для стоянки 7 в районе Цып-Наволока и для стоянки 22а на побережье Большой Мотки. Береговые уровни, на которых расположены эти памятники, имеют ранне- и среднеголоценовый возраст (10 000—6000 лет назад). В качестве сравнения отметим, что в Юго-Западной Норвегии были датированы методом С¹⁴ памятники группы Гюриносватн (сопоставляемые с культурой Фосна). Их возраст: 8300—6500 лет назад⁴.

Стоянка 15 в заливе Большая Мотка расположена на отметке моря Тарес.

Большая же часть изученных памятников (стоянки 16—21 в заливе Большая Мотка; стоянка 10 в районе Цып-Наволока) расположены на низких отметках и имеют возраст менее 4000 лет назад. Радиоуглеродные датировки низких морских уровней в Северной Норвегии дали следующие результаты: N₄ — 3800; N₂ — 2500—3000; N₁ — 900—800 лет назад⁵.

Радиоуглеродные датировки неолитических памятников Северной Норвегии (Финмаркен) позволили установить возраст памятников ямочно-гребенчатой керамики: 4500—4600 лет назад. Возраст памятников с асбестовой керамикой: 3500—3800 лет назад⁶.

Возраст торфа, перекрывающего культурный слой стоянки Дальние Зеленцы на Мурманском побережье, исследованной В. Д. Дибнером (высота 12 м над уровнем моря), оказался равным 1720±170 лет назад (ЛЕ—501).

³ V. Tanner. Указ. соч., стр. 198—257.

⁴ R. Nydal, K. Lövseth, K. E. Skullerud, M. Holn. Trondheim Natural Radiocarbon Measurements, IV. «Radiocarbon», vol. 6, 1964, стр. 289.

⁵ R. Nydal. Trondheim Natural Radiocarbon Measurements, III. «Radiocarbon», vol. 4, 1962, стр. 163—164.

⁶ R. Nydal. Указ соч., стр. 173—174.

Н. Д. ПРАСЛОВ

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА
ЮЖНЫХ ЕРГЕНЕЙ

Долина Западного и Восточного Манычей, отделяющая Русскую равнину от Прикубанского прогиба и Кавказа, давно привлекает внимание археологов, занимающихся эпохой камня. Через Маныч и Ергени лежит самый короткий путь с Кавказа в южнорусские степи. Поскольку наиболее древние памятники до самого последнего времени были известны только на Кавказе, многие исследователи полагали, что Ергенинская возвышенность служила своего рода мостом, соединяющим палеолитический Кавказ и Русскую равнину¹. Проверить правильность такой гипотезы можно только полевыми исследованиями. Именно эту цель и преследовал палеолитический разведывательный отряд² Астраханской экспедиции в 1966 г.³

Разведывательный маршрут пролегал вдоль северного борта долины Маныча по южным склонам Манычской гряды Ергенинской возвышенности. Отдельные участки, показавшиеся нам наиболее подходящими для древних поселений, были обследованы полностью, а остальные осмотрены лишь рекогносцировочно. Открыто много новых археологических памятников. Среди них наибольший интерес представляют местонахождения на берегу Веселовского водохранилища, у хутора Курганного в районе озера Маныч-Гудило и в урочищах Цыганица и Харабулук (рис. 41), где выявлены остатки поселений, относящиеся к эпохе камня.

Первые находки каменных изделий микролитического облика на берегах Веселовского водохранилища были сделаны геологами Г. И. Горецким и Ю. М. Васильевым. Сборы Г. И. Горецкого достаточно полно опубликованы⁴. Они происходят из разрушающихся поселений на левом берегу водохранилища у хуторов Казачий Хомутец, Красный Овцевод и Красный Маныч. Около десятка кремневых изделий, в том числе узкие правильные микропластины, были собраны Ю. М. Васильевым в 1961 г. и на правом берегу водохранилища, примерно в 3—4 км выше плотины под обнажением верхнечетвертичной террасы. Именно эти находки и привели нас на правый берег Веселовского водохранилища. Сильный шторм не позволил про-

¹ С. Н. Бибилов. О южных путях заселения Восточной Европы в эпоху древнего палеолита. «Четвертичный период», вып. 13—15. Киев, 1961, стр. 339—360.

² В состав отряда входили: Н. Д. Праслов — начальник отряда, И. С. Каменецкий, А. Н. Мелентьев, А. М. Латманисов, Л. В. Поповская и шофер А. К. Казак.

³ В. П. Шилов. Работы Астраханской экспедиции. АО 1966 г. М., 1967, стр. 87.

⁴ Г. И. Горецкий. Новые стоянки конца неолита и эпохи бронзы на террасах нижнего Дона и Маныча как геологические документы. ИВГО, т. 80, № 5, 1948, стр. 535—540; он же. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье. СА, XVI, 1950, стр. 310—318.

вести осмотр береговых обнажений. Но на поверхности террасы в двух километрах восточнее хутора Новоселовка обнаружено два местонахождения, доставившие небольшие коллекции кремневых изделий, среди которых преобладают правильные узкие микропластинки и их сечения, характерные в основном для мезолита.

Значительно более выразительные местонахождения открыты в долине реки Водяной близ хутора Курганного (рис. 41). Здесь наблюдается сочленение 50 и 100-метровой поверхностей выравнивания. Перегиб от 100 к 50-метровой поверхности достаточно резкий и отчетливо выделяется в рельефе.

На правом берегу р. Водяной, немного выше бывшего хутора Нижне-Водяного, на горе Сычевка бровка плато обнажена. Здесь сильными ветрами развеяны ергенинские пески. К этому обнаженному участку приурочено большое количество находок обработанных кремней микролитического облика, обломки костей животных и керамики. Вдоль бровки плато тянутся группы курганов. Керамика, собранная у курганов, совершенно аналогична керамике, встреченной на песчаных выдувах вместе с кремнем. По определению А. Н. Мелентьева, она является характерной для позднего этапа северокавказской бронзы, а возможно, относится и к более позднему времени. В хорошо известных памятниках этого времени при раскопках поселений и могильников нигде не встречен микролитический каменный инвентарь с мелкими геометрическими формами. Следовательно, можно с уверенностью говорить о том, что кремль и керамика на Сычевке не одновременны и оставлены разными группами древнего населения. Аналогич-

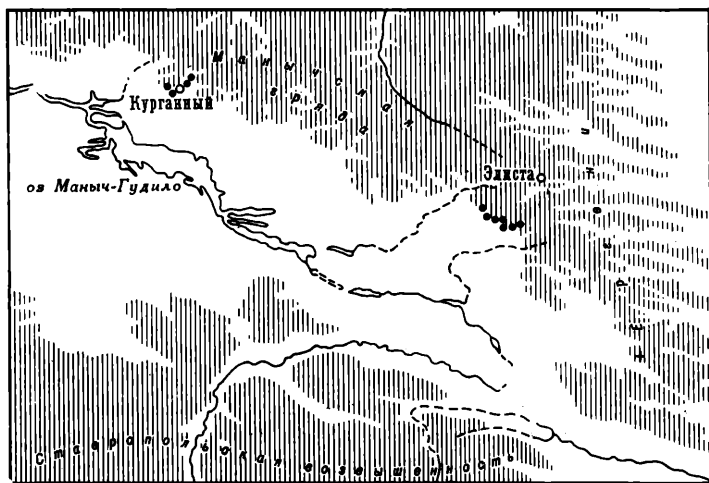

Рис. 41. Карта новых местонахождений эпохи камня (обозначены черными кружками) в южных Ергенях. Крестиком отмечена единичная находка

ная картина наблюдается на большинстве местонахождений подобного типа, что дает основание некоторым исследователям объединять микролитический кремль и керамику в единый хронологический комплекс⁵. Но, по-видимому, их совместное залегание еще не свидетельствует об одновременности. И причину этого следует искать в определенных физико-географи-

⁵ И. В. Синуцын. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия. «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 3, 1960, стр. 133—152; он же. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). В сб. «Древности Нижнего Поволжья», т. II. МИА, № 78, 1960, стр. 14—18, 146.

ческих условиях: как правило, в Ергенях именно к этому уровню приурочены выходы пресной воды. Критический анализ данной проблемы достаточно убедительно проделан Г. Н. Матюшиным⁶.

Точно в таких же условиях, как на Сычевке, расположены три местонахождения у хутора Курганного на левой стороне долины р. Водяной. Одно из них находится на песчаном выдуве под большим курганом Песчаным. Другое обнаружено слева от кургана по долине Маныча, примерно в 150 м от первого. Здесь встречены только кремневые изделия. Третье местонахождение зафиксировано в самом хуторе. В последнем вместе с кремневыми изделиями найден обломок отщепы из коричневого обсидиана.

Наиболее выразительный комплекс каменных орудий собран под курганом Песчаным. Среди кремневых изделий здесь имеются правильные трапециевидные и сегментовидные орудия небольших размеров (рис. 42, 1—5) с двусторонней обработкой. Один двустороннеобработанный сегмент имеет зубчатую ретушь по основанию (рис. 42, 3), напоминая подобные орудия из восточных районов Калмыкии на местонахождениях в Прикаспийской низменности⁷.

В аналогичных условиях отдельные находки каменных изделий обнаружены на Лысой горе поблизости от хутора Лысая горка. По морфологическому облику они близки к таковым из местонахождений у хутора Курганного.

На восток от хутора Курганного почти до г. Элисты вдоль бровки 100-метровой поверхности имеется много источников пресной воды. Как правило, к таким местам приурочены древние поселения. Из-за недостатка времени этот участок осмотрен лишь рекогносцировочно.

Большая группа памятников каменного века открыта в долине Хар-Зухи в урочище Цыганица недалеко от известной группы курганов «Три брата». Урочище Цыганица расположено восточнее асфальтовой дороги Приютное — Элиста. Примерно в 40 км от Приютного и в 12—15 км от Элисты дорога, идущая по ровной 50-метровой поверхности, поднимается на плато. Справа и слева от нее в рельефе хорошо выделяется бровка плато, изрезанная небольшими балками и оврагами.

Рядом с дорогой высокую гряду разрезает глубокая балка Хар-Зуха (в переводе с калмыцкого — Черная балка). В полукилometре от устья на обоих берегах этой балки есть источники пресной воды. Около источника на правом берегу стоит несколько тополей. Они видны издали и являются хорошими ориентирами. Немного ниже источника под тополями в осыпи правого берега оврага, спускающегося вниз от источника, встречено несколько пластин и отщепов из прозрачно-голубоватого слегка патинизированного кремня. Здесь была сделана зачистка берегового обрыва и несколько выше поставлен небольшой шурф. Кремни совершенно не окатаны. На некоторых из них сохранились остатки красной охры, указывающие на то, что находки происходят из слоя и не претерпели больших перемещений. В то же время на поверхности площадки и склонов ни одного кремня не найдено. По-видимому, слой погребен и разрушен лишь его небольшой участок. Нам культурный слой выявить не удалось.

Среди находок выделяются скребок, резец, один краевой резцовый скел и серия микропластин. Сырьем для обработки здесь служил меловой кремень, напоминающий кремень нижнего Дона и Приазовья. Ни в одном из местонахождений Калмыкии вдоль Манычской гряды такой кремень не встречен. По морфологическим признакам расщепления и вторичной обработке кремня данное местонахождение, условно названное «Хар-Зуха», от-

⁶ Г. Н. Матюшин. О нижневолжских «микролитах». СА, 1968, № 2, стр. 237—241.

⁷ И. В. Сеницын. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области. «Известия Нижне-Волжского института краеведения», т. IV. Саратов, 1931, стр. 83—94, табл. I.

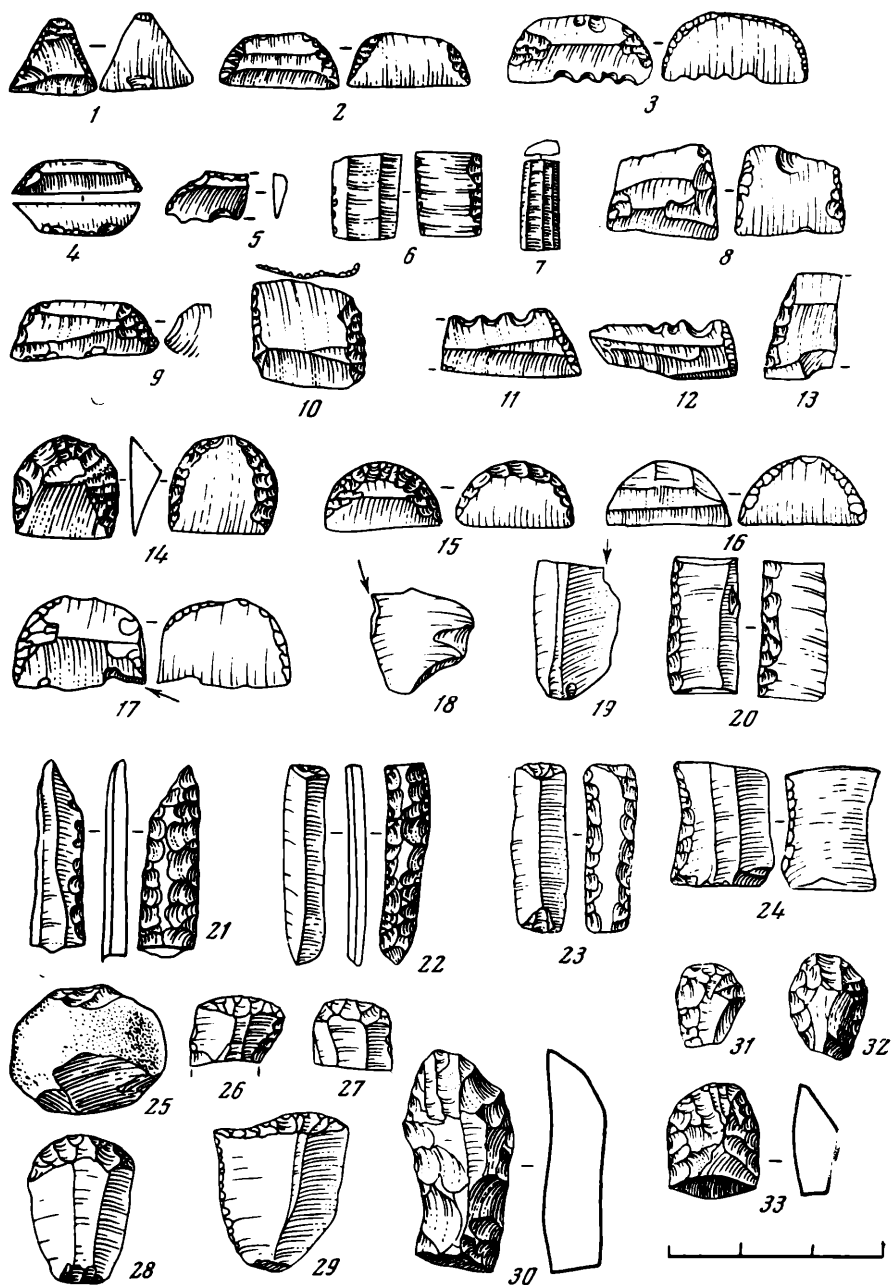

Рис. 42. Южные Ергени. Основные типы каменных орудий из местонахождений у хут. Курганного (1—7), Циганица I (8—30) и Циганица III (31—33)

личается от всех известных местонахождений по соседству и допускает возможность отнесения его к мезолиту или к концу позднего палеолита. На территории Калмыкии оно является сейчас наиболее древним. Здесь необходимы дополнительные земляные работы.

Напротив Хар-Зухи, на левой стороне балки, выше источника Кики-булук на поверхности поля собраны несколько кремней энеолитического облика и керамика эпохи бронзы.

В 2 км от устья балка Хар-Зуха разветвляется на два отвершка. На левой стороне центрального мыса, образованного этими отвершками, на высоте около 2 м над руслом балки найден сильно патинизированный от-

щеп с резцовыми сколами. Эта находка, по-видимому, также относится или к мезолиту, или к позднему палеолиту.

К востоку от балки Хар-Зуха тянется ровная площадка 100-метровой поверхности, довольно круто обрывающаяся к долине р. Хара-Зухи, впадающей в Западный Маныч. Склон этой гряды разрезан короткими, но глубокими оврагами. Почти в каждом овраге есть источники, которые расположены на одном уровне, примерно на глубине около 18—20 м от бровки. Над источниками имеются террасовидные площадки шириною до 80—100 м. На этих площадках повсюду рассеяны кремь и керамика. Иногда они встречаются на одной площади вперемешку, причем керамика относится к разным периодам, начиная от эпохи поздней бронзы и кончая средневековьем. Иногда границы распространения кремня и керамики не совпадают. На участке протяженностью около 5 км здесь открыто восемь местонахождений, доставивших значительные коллекции каменных орудий и остатков более поздних эпох в виде обломков керамики. Костные остатки животных представлены только мелкими обломками зубов жвачных.

Наиболее интересным и важным памятником среди этих местонахождений является Цыганица I. На нем распространение находок кремня и керамики отчетливо не совпадает. Кремневые изделия сосредоточены в основном под небольшим береговым обрывчиком на участке площадью 60×30 м. Обломки лепной посуды без орнамента залежали восточнее участка с кремнем. А. Н. Мелентьев относит керамику к самому концу эпохи бронзы. Возможно, она синхронна нескольким обломкам амфор римского времени (определение И. С. Каменецкого) и оставлена здесь сарматскими племенами. При раскопках сарматских погребений часто встречается лепная посуда такого типа. Таким образом, керамика несопоставима с кремнем и мы имеем здесь дело с чистым комплексом каменных изделий.

Среди массы кремневых орудий на Цыганице I выделяются большие серии мелких геометрических микролитов типа сегментов и трапеций (всего около 50 экз.), концевых скребков, выемчатых скобелей, а также острий и пластин с двусторонней обработкой (рис. 42, 8—30). Отмечены резцы на углах сломанных пластин и отщепов. Наиболее яркой и своеобразной чертой инвентаря является двусторонняя обработка геометрических форм и подправка пластин и острий со стороны брюшка. У многих орудий спинка не обрабатывалась, зато брюшко почти сплошь ретушировалось (рис. 42, 21, 22). Аналогичные формы встречены и в остальных местонахождениях (Цыганица II—V, Трехбратнее, Хара-булук).

На пути из Ики-Бурула к Элисте осматривен правый берег балки Дентерта. Он сложен коренными плотными породами и изрезан широкими балками-лощинами. Здесь много мысов высотой до 50 м над долиной. На поверхности их встречаются галечники и щебенка. Рыхлых покровных отложений почти нет. На разных участках собрано несколько кремней, в том числе одна высокая трапеция со струганой спинкой. По-видимому, поселений здесь не было. Они располагались где-то ближе к Манычу. А сюда, на плато, первобытный человек выходил только для охоты. Серия памятников с микролитическим каменным инвентарем известна по сборам Г. И. Горецкого в долине Маныча⁸, но их обследование в нашу задачу не входило.

Датировка большинства открытых нами памятников в южных Ергенях пока окончательно не выяснена. Можно только предположить, что основная часть стоянок, таких, как Цыганица I, Курганный, Трехбратнее, с типичным микролитическим каменным инвентарем относится уже к послепалеолитическому времени. Отсутствие ранней (неолитической и энеолитической) керамики, с которой можно было бы связывать каменный инвентарь стоянок, допускает возможность отнесения их или к мезолиту, или к прото-неолиту, т. е. к докерамическому времени.

⁸ Г. И. Горецкий. Следы палеолита и мезолита, стр. 316—318.

Основной особенностью памятников южных Ергеней является наличие в коллекциях больших серий геометрических форм, преимущественно сегментов, а также многочисленных острий и пластинок с ретушью только со стороны брюшка. Среди геометрических форм резко преобладают двустороннеобработанные изделия. По этому признаку данные памятники вписываются в круг развития послепалеолитических культур, занимающих довольно обширную территорию, куда входят Северный Кавказ, Западный Прикаспий, Ергени и небольшой участок Заволжья (район Узеней)⁹. Северная граница зоны распространения микролитического инвентаря с такими техническими традициями фиксируется стоянками на Мамаевом кургане близ Волгограда¹⁰, в Арчадинско-Донских песках на левом берегу Дона¹¹. На правом берегу Дона аналогичный инвентарь пока неизвестен. В указанных районах подобный каменный инвентарь бытует начиная с мезолита (Губские навесы I, VII) или протонеолита и доживает до майкопской культуры¹².

Достоверных памятников эпохи палеолита в южных Ергенях не обнаружено. Это обстоятельство наряду с палеогеографической реконструкцией долины Маныча в плейстоцене не позволяет разделять точку зрения тех исследователей каменного века, которые придают огромную роль Ергеням в процессе первого заселения Русской равнины. По всей вероятности, в ранне- и среднечетвертичное время долина Маныча, по которой проходил пролив, соединяющий Черное море с Каспийским, была очень значительным рубежом, преодолеть который первобытному человеку было не под силу. Проникновение людей с Кавказа имело место, возможно, в эпоху позднего палеолита, когда Маныч пересыхал.

Постоянная связь Кавказа с Русской равниной и, следовательно, с Ергенями отмечается лишь с мезолитической эпохи, т. е. после окончания хвалынской трансгрессии Каспия, когда в Маныче установился режим, близкий к современному. На интенсивность этих связей указывает большое количество памятников в южных Ергенях с техническими традициями, которые зародились и развились в Передней Азии и на Кавказе. Эти связи подтверждаются и находками орудий из северокавказского обсидиана в целом ряде местонахождений от хутора Курганного на западе до поселений Асан-Бай и Истай-Бабай недалеко от р. Урала (разведки А. Н. Мелентьева в 1968 г.) на востоке.

⁹ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 62—63; Т. Н. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 46—53; Л. В. Грехова. Памятники неолита Восточного Предкавказья. «Труды ГИМ», вып. 37, 1960, стр. 21—27; И. В. Синуцын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 97—99; он же. Древние памятники Приморского района Калм. области. «Известия Нижне-Волжского института краеведения», т. VI, 1933, стр. 89—102.

¹⁰ Т. Н. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. «Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения», вып. 36, ч. 1, 1929, стр. 9—12.

¹¹ «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» М.—Л., 1941, стр. 169—178.

¹² А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 154 и др.

В. П. ЛЕВЕНКО

ПАМЯТНИКИ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЕ РСФСР

Как показали исследования лесостепной и степной зон европейской части СССР, возникновение днепро-донецкой неолитической культуры происходило в основном на территории современной Украины. Первые полевые изыскания, вскрывшие поселения этой культуры, связаны со строительством Днепрогэса (1927—1933 гг.)¹. Но широкую известность она получила позднее, главным образом в результате исследований Д. Я. Телегина².

В настоящее время на территории Украины и Южной Белоруссии известно пять местных вариантов днепро-донецкой культуры: 1) надпорожско-приазовский, 2) черкасский, 3) донецкий, 4) киевско-волинский и 5) гомельско-черниговский³.

Однако в последние два десятилетия памятники этой культуры открыты также и в некоторых районах РСФСР. К ним относятся бассейны рек Десны (Брянская область) и Сейма (Курская область), Верхнего (Липецкая область) и Среднего (Воронежская область) Подонья. Концентрация памятников и характер их различны. Они довольно многочисленны в верхнем течении Десны, а на р. Сейме встречены у Воронина, Липина, Льгова, Рыльска и др.

К основным памятникам днепро-донецкой культуры в брянском течении р. Десны относятся стоянки Холм, где культурные слои с днепро-донецкими материалами лежат на мезолитическом горизонте, и Пименов Бугор — поселение чистой днепро-донецкой культуры. Кроме того, гораздо больше имеется здесь памятников деснинско-сожской культуры, среди материалов которых примесь днепро-донецких составляет значительный процент. К раннему времени среди них относятся стоянки Орлик и Черепеньки; к эпохе развитого неолита — Белая Березка, Белая Гора, Вабля, Званое, Кветунский Борок, Лопушь, Пильня, Погар, Хмелевский Бугор и др.

На среднем Дону и его притоках — реках Битюге и Воронеже — материалы днепро-донецкого типа сочетаются с находками ямочно-гребенчатой керамики и также распределяются неравномерно по территории.

В Верхнем Подонье стоянки чистого днепро-донецкого облика раннего возраста находятся исключительно в бассейне р. Воронежа, на что указывают керамика и некоторые типы каменных орудий нижних слоев поселений Желтовка, За огородами, Излегоща, Новая жизнь, Савицкое, Селки

¹ О. В. Добровольский. Неолітичні стоянки Надпоріжжя. Архів ІА АН УРСР, ф. 12, № 29.

² Д. Я. Телегин. История племен днепро-донецкой культуры (V—III тыс. до н. э.). Автореф. докт. дисс. Киев, 1967, стр. 47—48. Список печатных работ.

³ Д. Я. Телегин. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, стр. 56—96.

и др. Но особенно выразительными памятниками днепро-донецкой культуры являются поселения Рыбное Озеро I и II, а также Ярлуковская Протока, где помимо характерного инвентаря сохранились остатки наземных жилищ.

В долине верхнего Дона к этому же времени относятся стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой волго-окского типа⁴.

Таким образом, в долинах двух рядом текущих рек — Воронежа (полностью) и Дона в его верховьях (от истоков до впадения в него р. Воронеж) население в раннюю пору неолита принадлежало двум различным культурам — волго-окской (рязанской) на Дону и днепро-донецкой в бассейне р. Воронеж.

В среднюю пору неолита в бассейн р. Воронеж началось проникновение племен, обладающих ямочно-гребенчатой керамикой волго-окского типа, их смешение с автохтонным (днепро-донецким) населением и затем возникновение новых гибридных типов культуры, среди которых наиболее заметной является рыбноозерская поздненеолитическая культура.

Кроме перечисленных районов накольчатая керамика как один из характерных признаков днепро-донецкой культуры встречена в небольшом числе на более удаленных от границ СССР территориях. Так, в эпоху позднего неолита такая керамика известна на верхней и средней Оке и в бассейне р. Цны.

Кремневые орудия в поселениях днепро-донецкого типа на территории лесостепных районов РСФСР представлены наконечниками стрел на пластинках с подретушированными концами — свидероидного типа (рис. 43, 26—40) и трапециями «малое транше» (рис. 43, 14—25). Для более позднего времени характерны небольшие треугольные наконечники (рис. 43, 1, 2). Интересен наконечник, представляющий переход от свидероидных к треугольным формам (рис. 43, 13). Скретки изготовлялись из небольших отщепов (рис. 44, 11, 12). Реже встречаются концевые на пластинках (рис. 44, 13, 14). Резцы двух типов — на отщепах, срединные (рис. 44, 1—5) и на углу сломанной пластинки (рис. 44, 18—20). В обоих случаях можно отметить их близость местным позднемезолитическим прототипам. Ножи (рис. 44, 21—28) выделывали из пластинок и массивных пластин (рис. 44, 21, 25—27) или широких отщепов (рис. 44, 28), ретушь на них краевая и лишь на поздних этапах она полностью покрывает обе стороны орудия.

Среди кремневого инвентаря днепро-донецких памятников сохраняются позднемезолитические традиции — стрелы свидероидного облика (рис. 43, 26—40), пластинки со скошенным концом (рис. 43, 41), орудия в виде «садового ножа» (рис. 44, 15), остроконечные скребки (рис. 44, 16, 17), резцы и пр. Отбойники, посредники и ретушеры менее специфичны (рис. 44, 31). Топорики невелики по размерам и различны по материалу — кремень, сланец и др. (рис. 43, 42, 43). На поселении Рыбное Озеро II найден разбитый топорик, сделанный из мягкого камня, в стоянке Ярлуковская Протока — небольшой шлифованный топорик, использование которого возможно было лишь с помощью роговой муфты с рукояткой.

Кремневый инвентарь, за исключением изделий из пластинок и мелких отщепов, нельзя назвать микролитическим, но в сравнении с орудиями лесных неолитических культур он отличается миниатюрностью некоторых форм, что зависело, по-видимому, от преобладания пластинчатой индустрии над другими способами обработки камня. Пластинки широко применялись в качестве вкладышей, наконечников стрел, в виде узких трапеций, проколов и других орудий (рис. 44, 6—10).

К характерным предметам днепро-донецкого инвентаря относятся «челноки», изготовлявшиеся из мягких пород камня (рис. 43, 44, 45), не встре-

⁴ В. П. Левенок. Отчеты о полевых работах 1958—1968 гг. Архив Отдела полевых исследований Института археологии АН СССР.

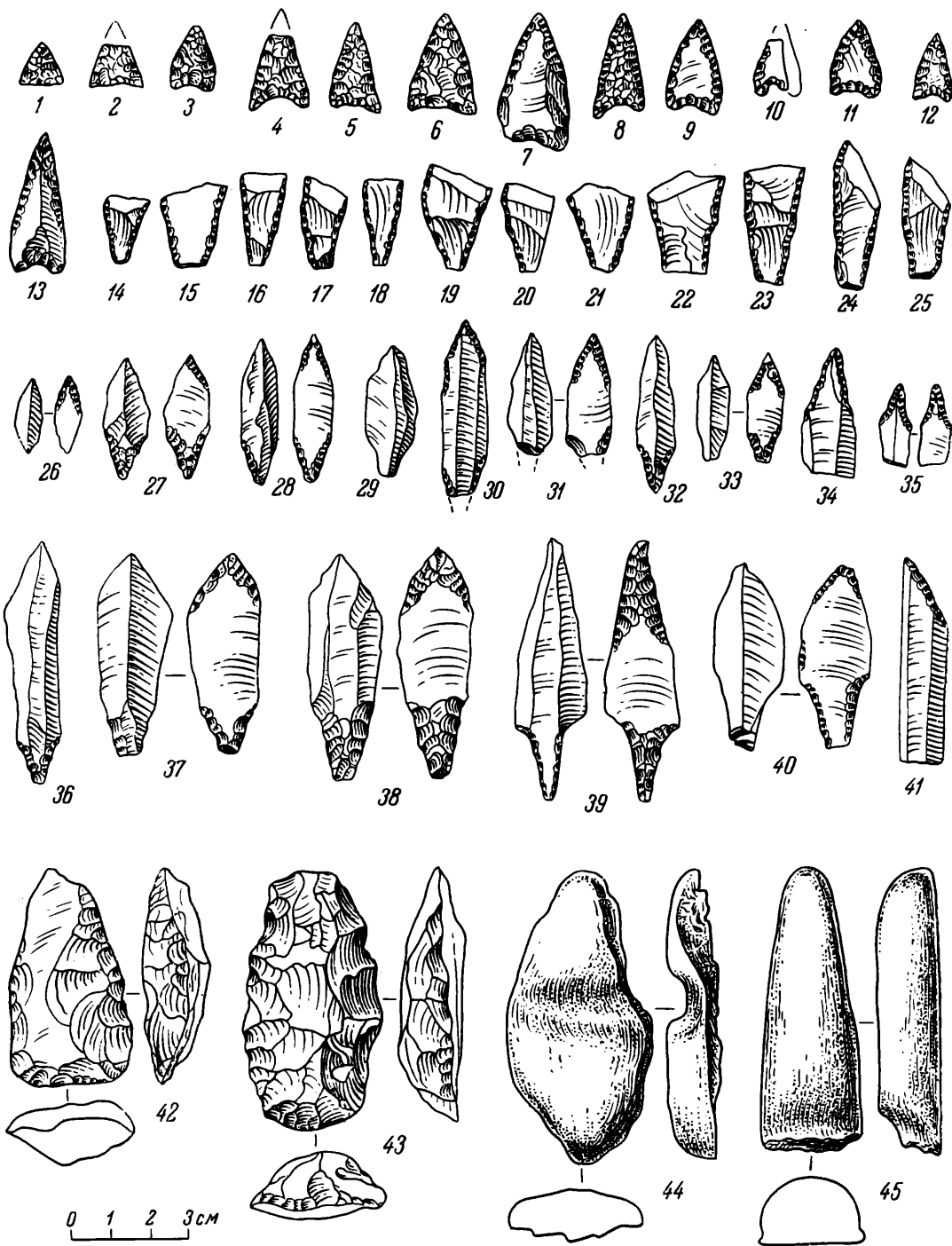

Рис. 43. Кремневые орудия стоянок днепро-донецкой культуры лесостепной зоны РСФСР
 1—5 — Буромка; 6 — Льгов; 7, 36 — Орлик; 8, 10 — Рыбное Озеро I; 9, 11—13, 29 — Нови Млини; 14 — Борок Верхних Новоселок; 15 — Дуброва; 16—18, 22, 25, 41 — Пункт 92; 19—21, 43 — Пименов Бугор; 23, 26—28, 30—35 — Воронина; 24 — Зинутка; 37—40 — Холм; 42 — Черепеньки; 44 — Осиповка (пункт 242); 45 — Ярауковская Протока

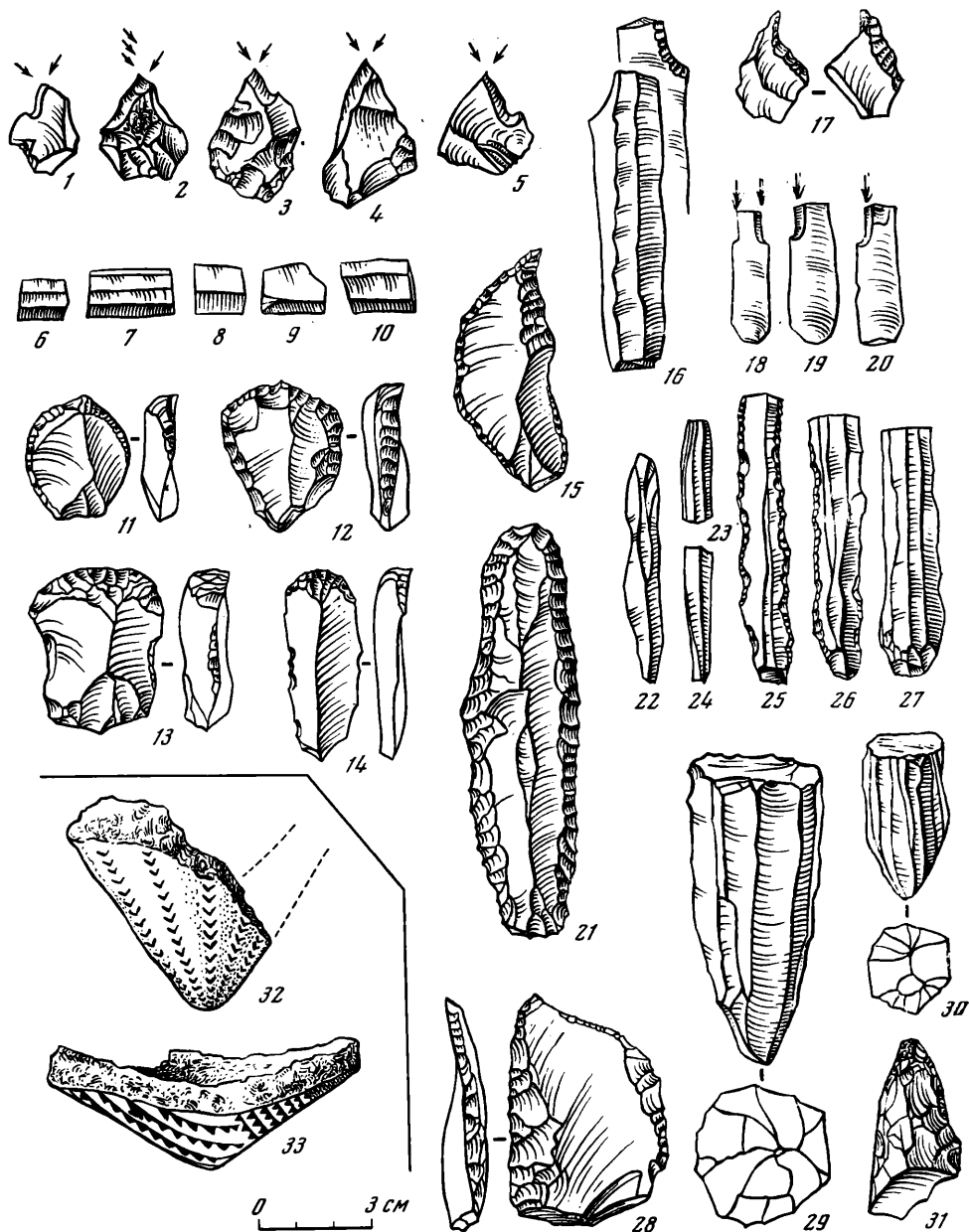

Рис. 44. Кремневые орудия и керамика стоянок днепро-донецкой культуры лесостепной зоны РСФСР

1, 8, 10 — Званое; 2 — Пиляня; 3 — Ярауковская Протока; 4, 21 — Воронина; 5, 9 — Белая Березка; 6, 12, 13 — Пименов Бугор; 7 — Зияутка; 11 — Соловьи; 14, 16, 22—28, 30, 33 — Холам; 15, 31 — Кветунский Борок; 17, 32 — Хмелевский Бугор; 18—20, 29 — Черепеньки

чающиеся у племен, обладающих ямочно-гребенчатой керамикой. Как известно, они широко распространены на территории прочерченно-накольчатой керамики, к которой относятся Украина, Прикаспийские области, большая часть Средней Азии и Южное Приуралье.

Сосуществование на одной территории племен ранней фазы деснинско-сожской и днепро-донецкой культур подтверждается совместным залеганием в слое их инвентаря. Те и другие племена пользовались одним кремневым сырьем, но в технических традициях обработки камня и формах орудий прослеживается различие. Так, например, население деснинско-сожской культуры использовало нуклеусы грубоватого облика с односторонним способом скалывания. Кремневое производство базировалось на технике отщепов. У днепро-донецких племен нуклеусы имеют пирамидальную форму. Скалывание пластинок производилось со всех сторон нуклеуса, которые здесь нередко дорабатывались до «карандашевидного» остатка (рис. 44, 29, 30). Не только разные формы орудий, но и самостоятельные, несхожие между собой кремневые индустрии могли сложиться лишь у этнокультурно чуждых друг другу групп населения, которым в силу исторических условий пришлось сосуществовать на общей для них территории. Такова специфика лесостепных районов.

Костяные орудия днепро-донецкой культуры представлены наконечниками (с кремневыми вкладышами с двух сторон костяного стержня в раннем периоде и веретенообразными мелкозубыми гарпунами в развитом, с

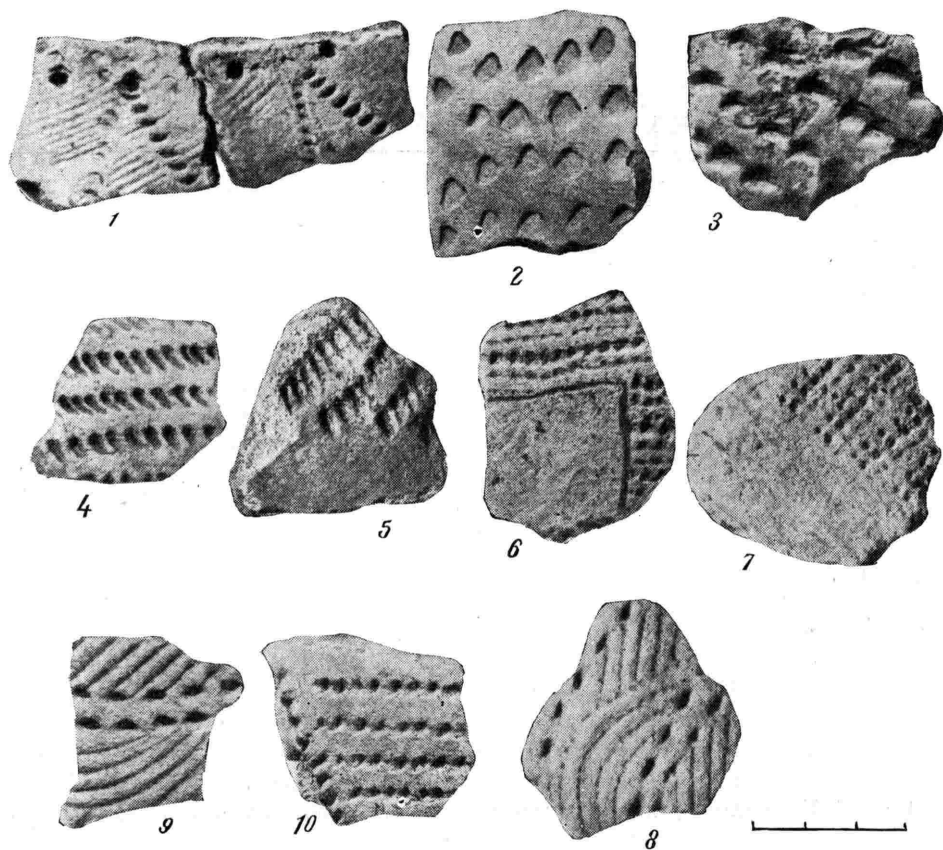
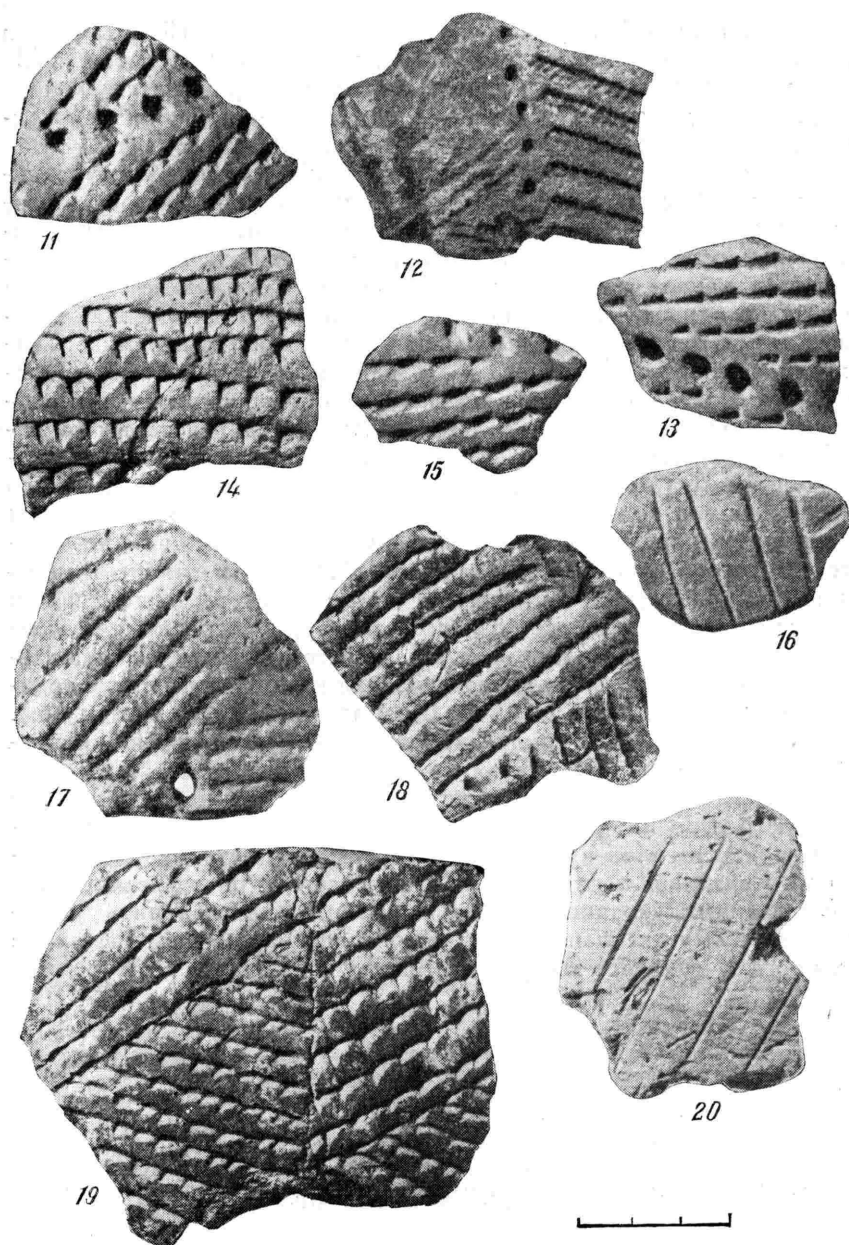

Рис. 45. Керамика стоянок днепро-донецкой культуры лесостепной зоны РСФСР
1, 4, 8, 9, 12 — Ярлуковская Протока; 2, 16, 20 — Савицкое; 3, 5 — Рыбное Озеро 1; 6, 7, 10, 14, 17—19 —
Холм; 11, 13, 15 — Воронина; 1—7 — поздний этап; 8—17 — средний этап; 18—20 — ранний этап

укрупнением зубьев в позднем), а также небольшими кинжалами с выделенной рукояткой, роговыми мотыгами, рыболовными крючками, маленькими ножами из расколотых клыков кабана, шильями, теслами, остриями и другими изделиями.

Керамика днепро-донецкого типа в пределах рассматриваемой территории РСФСР имеет ярко выраженные признаки. Так, в брянском Подесенье на керамическом материале прослеживаются связи с днепровским Надпорожьем и киевским Поднепровьем, выражающиеся в подбиконических, плоскодонных формах древнейших сосудов, сплошь покрытых накольчатым орнаментом (рис. 45, 18, 19). В то же время большая половина сосудов с накольчатым орнаментом на Десне имеет яйцевидную форму и острое днище. Такие же формы сосудов известны в бассейне Сейма и Дона.

что свидетельствует о связях этих районов в неолитическое время с Во-лынью и Донеччиной.

Керамика днепро-донецкого типа лесостепной зоны делится на раннюю, среднюю и позднюю. Ранняя керамика характеризуется сплошным заполнением поверхности сосуда строчками наколов и прочерченным орнаментом (рис. 45, 18—20). В среднем периоде вся глиняная посуда становится остродонной. Прежний диагональный строй композиции орнамента постепенно сменяется зональным. На поверхности сосудов бывшее сплошное заполнение строчками оттисков отступающего штампа пересекается поясками глубоких ямок (рис. 45, 8, 9, 11, 13). Но наиболее примечательным является возникновение так называемых метоп, т. е. небольших участков поверхности сосуда, сплошь покрытых строчками наколов, чередующимися с участками гладкой стенки сосуда (рис. 45, 12, 17). На позднем этапе на сосудах намечается шейка, наколы становятся небрежными, слишком мелкими, оттиснутыми короткой гребенкой, приемом отступающей штамповки (рис. 45, 6, 7). Вместо прежнего обрамления метоп ямками (рис. 45, 12) заменившие метопы поля измельченных наколов очерчиваются линией (рис. 45, 6). Наряду с таким орнаментом появляются крупные, оторванные друг от друга грубые ямки наколов (рис. 45, 2—5).

Сравнение материалов среднерусской лесостепи с материалами украинских стоянок позволяет отметить как черты единства культуры обеих территорий, так и некоторые региональные различия. Черты сходства: идентичные типы и формы ведущих каменных орудий, техника обработки камня и характер каменной индустрии; аналогичные или близкие по форме глиняные сосуды: единство принципов композиционного построения, изобразительных элементов и техники выполнения украшений на керамике; аналогии в хозяйственной деятельности — в раннем периоде охотничье-рыболовческой, в позднем — переход к одомашниванию диких животных и примитивному земледелию. Различия: более крупные формы некоторых каменных орудий на Соже, Десне, Сейме и Дону; отсутствие «графитной» керамики, шиподонных сосудов, микролитов-параллелограммов и трапеций со струганой спинкой, но большее распространение стрел «малое транше» и свидероидных на указанной территории, нежели на Украине; в тесте керамики — отсутствие растительных примесей, его большая плотность и меньшая толщина стенок сосудов. Отмечаются также некоторые различия в конструкции жилищ. В среднерусской лесостепи это небольшие, овальные в плане наземные сооружения типа шалаша, с очагом в центре. В заполнении жилищ найдены накольчатая и прочерченная керамика и отходы кремневого производства (Рыбное Озеро I и II, Ярлуковская Протока и др.). На Украине жилища изучены еще очень слабо, но по некоторым признакам они двух типов — округлые и четырехугольные в плане⁵.

Приведенные данные позволяют считать памятники днепро-донецкого типа в бассейне р. Воронежа и на территории среднего Дона шестым, периферийным вариантом этой культуры. Памятники же, находящиеся в бассейне Десны и Сейма вне границ УССР, как вовсе или почти не имеющие различий с соседними украинскими памятниками, — присоединить к гомельско-черниговскому варианту днепро-донецкой культуры, расширив границы его ареала на северо-восток до Брянска и на восток до Курска.

⁵ Д. Я. Телегин. Днепро-донецкая культура. Київ, 1969, стр. 11.

И. М. ТЮРИНА

К ВОПРОСУ О НЕОЛИТЕ СМОЛЕНЩИНЫ

Изучение памятников неолита и эпохи бронзы Смоленщины началось работами А. Н. Лявданского еще в 20-х годах¹, возобновлено же было лишь в последнее время, когда Е. А. Шмидт при обследовании поречья Днепра, Десны, Сожа, Угры и Западной Двины обнаружил ряд новых неолитических стоянок².

В 1966 г. Белорусским отрядом проводилось обследование неолитических памятников в окрестностях города Смоленска, а также в Демидовском, Дорогобужском и Угранском районах. Было обследовано более 30 поселений.

Поселения занимают участок невысокого коренного берега или его отроги, выступающие в пойму реки. Площадь поселений невелика, но все они располагаются недалеко одно от другого, образуя отдельные скопления — «гнезда» поселений. Так, вблизи станции Катывь известно 14 почти одновременных поселений. На двух из них нами были произведены небольшие раскопки, давшие одинаковый материал.

Наиболее многочисленный материал был получен при раскопках поселения, расположенного в 100 м к северу от железнодорожного моста у станции Катывь. Поселение занимало небольшой мыс коренного левого берега речки Катывки площадью около 1500 кв. м. В западной части мыса нами был заложен раскоп площадью 25 кв. м. Стратиграфия раскопа выглядит следующим образом: под дерном (толщина его 10—15 см) идет серый суглинок с неолитическими находками (25—30 см), ниже идет материк. Остатков жилищ обнаружено не было, только на глубине 0,2 м находилось кострище овальной в плане формы (56×30 см). На площади раскопа найдено 46 кремневых орудий и около 60 мелких отщепов. Сырьем для орудий служил довольно хорошего качества валунный кремль черного цвета, природные выходы которого имеются в 10 км от стоянки, в Гнездове³.

Больше всего найдено скребков (19 экз.). Их можно разделить на три типа:

¹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. «Научные известия Смоленского гос. университета», т. IV, вып. 3, 1927, стр. 219—234; он же. Неолітычныя стаянкі у Смаленскай губерні. «Гістарычна-археалагічны зборнік», № 1, у Менску, 1927; он же. Археалагічны досьледы у вадазборах р. Сажа, Днепра, Касплі Смаленскай губ. II. Менск, 1930; «Археалагічныя дасьледваньні ў БССР пасля Окцябрскай рэвалюцыі». «Сьобщэньня ГАІМК», № 7—8, 1932, стр. 54—61.

² Е. А. Шмидт. Археалагічныя помнікі басэйна Угры ў межах Смаленскай абласці. «Сборнік навучных работ Смаленскага краязнаўчага навучна-дасьледвальскага інстытута», вып. 1, 1957, стр. 274, 285; он же. Рэзультаты дасьледаваньня археалагічных помнікаў у Смаленскай абласці ў 1949—1955 гг. «Сборнік навучных работ», вып. 2, 1958, стр. 95—102.

³ А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., стр. 229.

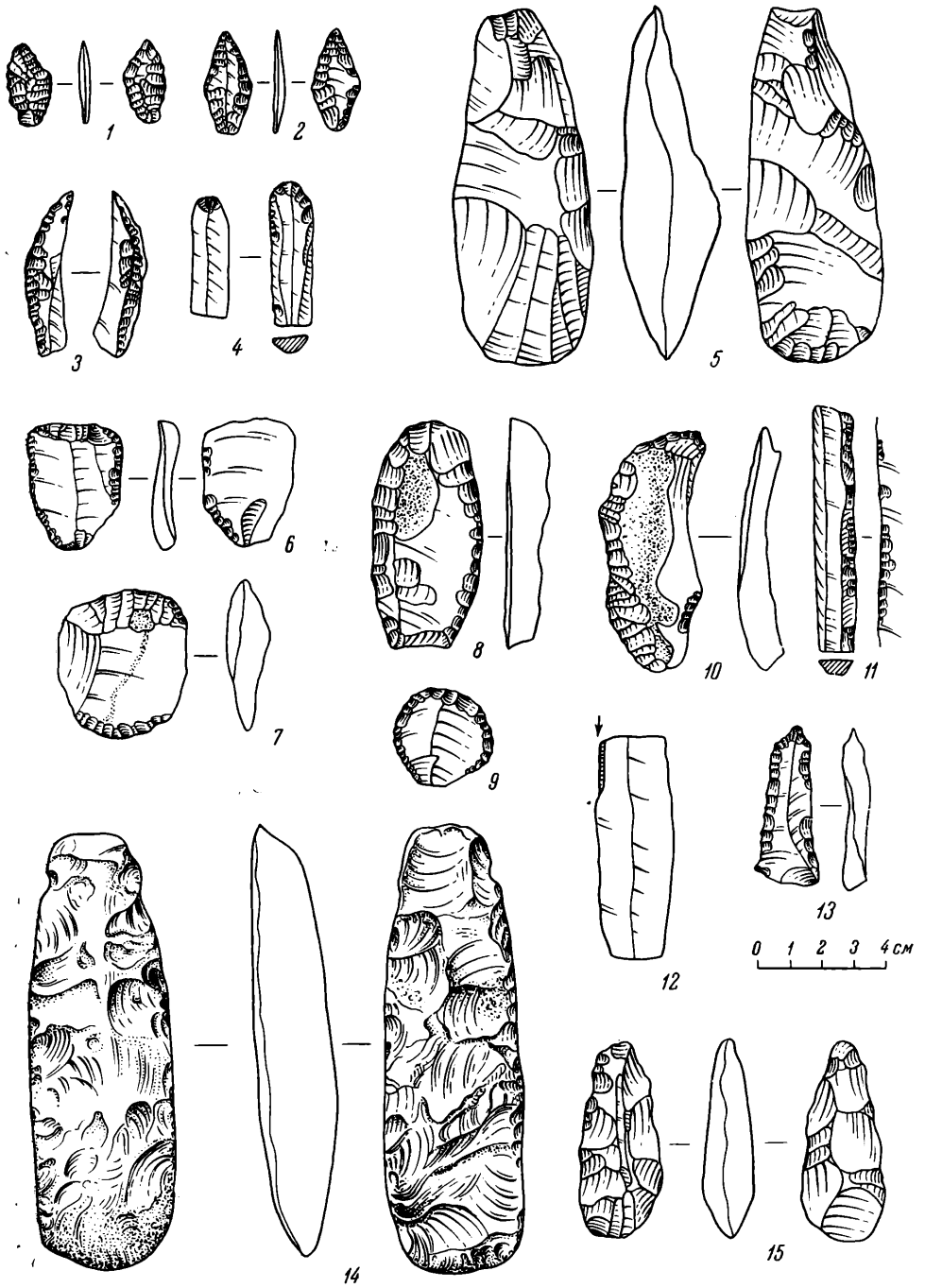

Рис. 46. Кремневые орудия смоленских поселений

1 — Борок (наконечник стрелы); 2, 5—11, 13, 15 — Катънь (2 — наконечник стрелы; 5, 15 — топоры; 6, 7, 9 — скребки; 8, 10, 11 — ножи; 13 — проколка); 3, 4, 12, 14 — Ломейково (3, 4 — пластины; 12 — резец; 14 — тесло)

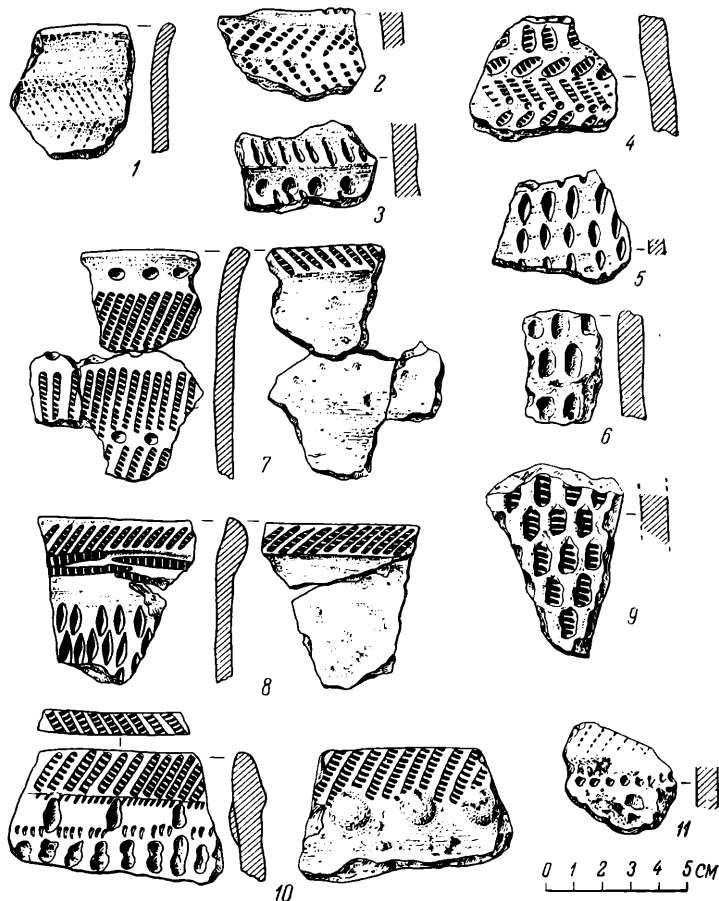

Рис. 47. Керамика смоленских поселений

1—4, 8—10 — Катень; 5—7, 11 — Борок

1. Скрепки, сделанные из пластин, треугольных в сечении, с расширенной рабочей частью и зауженной тыльной. У большинства обработано только лезвие, и только у одного экземпляра кроме рабочего края обработаны еще боковые грани и спинка орудия (рис. 46, 6). Их размеры: длина 3,3—4,5 см, ширина лезвия — 2,5—3 см.

2. Скрепки из округлых отщепов, рабочий край которых оформлен круговой ретушью (размеры их — 3—3,3×3—3,5 см; рис. 46, 9).

3. Скребок из массивного нуклеидного скола (длина его 3,7, ширина тыльной части 4 и высота 2,4 см). Крутой ретушью покрыто не только лезвие, но и одна из боковых граней (рис. 46, 7).

Ножи (5 экз.) на удлинённых пластинах правильных очертаний, одна из боковых граней которых обработана заостряющей ретушью. Размеры их колеблются в пределах 5—6×3—3,5 см (рис. 46, 10—11).

Проколки (3 экз.) изготовлены из удлинённых пластин (5—6 см длиной). Их тонкие жальца и боковые грани подправлены ретушью (рис. 46, 13). На одном экземпляре тыльная часть орудия приспособлена под скребок.

Из остальных орудий следует упомянуть наконечник стрелы ромбовидной формы (длина его 3, ширина 1,5 см), тщательно обработанный ретушью по краям (рис. 46, 2).

Процентное соотношение элементов орнамента
на керамике неолитических поселений
Центральной и Северо-Западной Смоленщины

Наименование поселения	Элементы орнамента							
	Гребенка	ямочный	лапчатый	наседки, нерезки	шнуровой	«воротничок»	«жемчужины»	без орнамента
Борок	32	29	11	+ *	—	—	—	28
Катынь	28	25,5	22	+	+	23	+	+
Берково	39	27	18	+	+	+	—	16

* + — менее 1%.

Интересны два топора.

Один небольших размеров (длина его 6, ширина рабочей части 2,5 см), клиновидной формы с овальным сечением. Рабочая часть его оформлена небольшими продольными сколами (рис. 46, 15). Второй топор тоже клиновидной формы, с продольными сколами по лезвию, но значительно больших размеров, длина его 12,3, ширина рабочей части — 3,5 см (рис. 46, 5).

Керамика представлена 90 фрагментами, принадлежащими 10—12 сосудам. Цвет сосудов обычно коричневый, иногда с желтым и серым оттенками. Керамика однотипна и представлена толстостенными (толщина стенок 0,8—1 см) остродонными горшками с прямым венчиком и выпуклыми боками. Диаметр горла таких горшков колеблется в пределах 26—33 см, высота — от 10 до 40 см. На внутренней поверхности сосудов видны следы заглаживания зубчатым штампом. Венчик, как правило, украшен небольшими ямками или отгисками гребня. Иногда и внутренняя сторона венчика украшена такими же отпечатками. Остальная поверхность украшена отгисками мелкой и крупной гребенки, образующими горизонтальные ряды, «елочку» и т. п., или же довольно глубокими ямочными вдавлениями овальной и прямоугольной формы (рис. 47, 1—4).

Кроме этой основной формы сосудов на поселениях у станции Катынь найдены обломки широких и довольно низких сосудов с округлым дном и характерным утолщением на венчике, так называемым «воротничком» (рис. 47, 8—10). По «воротничку» идет горизонтальный ряд наклонных линий из отгисков гребенки, остальная поверхность украшена овальными или прямоугольными ямками. Такая керамика характерна для рязанских поселений на Оке типа Дубровичей, Черной горы и др.⁴

Очень близкий материал был получен на поселениях в урочище Борок в 3 км к юго-западу от станции Катынь, у дер. Ломейково на Днепре и у дер. Берково на оз. Щучьем.

Сосуды, составляющие основную массу керамики на смоленских поселениях, близки сосудам позднего неолитического поселения могилевского и гомельского Поднепровья, где эта керамика представлена в более чистом виде и где на ней, по-видимому, в меньшей степени сказывались влияния других культур. Несомненно, что керамика смоленских поселений и поселений гомельского и могилевского Поднепровья составляла одну культурную общность. В керамике тех и других поселений господствует форма остродонного горшка, для орнаментации характерны одни и те же композиции и элементы орнамента с преобладанием гребенчатого (табл. 1).

Близок и кремневый инвентарь поселений. Наконечники стрел, небольшие топоры клиновидной формы с продольными сколами по лезвию, од-

⁴ И. К. Цветкова. Поселение Черная гора. КСИИМК, вып. 75, 1950, стр. 114—122.

носторонние нуклеусы неправильной формы — все эти орудия типичны для позднеолитических поселений всего Верхнего Поднепровья. Кремневые орудия смоленских поселений отличаются несколько большими размерами, что объясняется наличием богатых источников сырья.

Что же касается сосудов с «воротничком», а также увеличения ямочно-го элемента в орнаментации сосудов (см. табл. 1), то их появление нельзя объяснить, по-видимому, лишь заимствованием. Вероятнее всего, исследуемая нами территория входила в зону контакта днепровских неолитических племен с волго-окскими племенами, чем и объясняется своеобразие смоленских поселений.

Для датировки смоленских поселений важное значение имеет именно керамика с «воротничком». И. К. Цветкова относит этот тип керамики к первому этапу развития рязанской культуры, который она датирует концом III — началом II тысячелетия до н. э.⁵ Кроме того, такая керамика была найдена в единичных экземплярах на неолитическом поселении в урочище Палик в Гомельской области⁶.

Интересно, что над этим поселением был насыпан курган, относящийся к среднеднепровской культуре. Появление же среднеднепровских племен на этой территории исследователи относят к первой половине II тысячелетия до н. э.⁷ Следовательно, неолитическое поселение не могло существовать позднее конца III — начала II тысячелетия до н. э.

Эта датировка подтверждается находками на смоленских поселениях орудий с намечающимся желобком (рис. 46, 14), появление которых А. Я. Брюсов относит к началу II тысячелетия до н. э.⁸

⁵ И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. «Труды ГИМ», вып. XXII, 1953, стр. 19—52.

⁶ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 51, 71.

⁷ И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. МИА, № 148, 1967, стр. 106.

⁸ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 76.

Р. В. КОЗЫРЕВА

СТОЯНКА ИЛЬИНСКИЙ ОСТРОВ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Стоянка Ильинский Остров была открыта Каргопольским отрядом ЛОИА в 1966 г. Она расположена на юго-восточном берегу оз. Мошинского (Няндомский район Архангельской области), который входит в бассейн р. Онеги, соединяясь с ней р. Мошей. Стоянка занимает небольшое возвышение на берегу и ограничена старичными озерами. В 1966—1968 гг. на стоянке производились раскопки, в результате которых вскрыто около 300 кв. м. В ходе работы были вскрыты две землянки, погребение и получен интересный керамический материал и каменный инвентарь.

Стратиграфия стоянок такова: 1) дерновый слой, очень тонкий и слабый, мощностью 3—5 см; 2) подпочвенный слой темно-серого цвета, поросший корнями; 3) культурный слой бурого цвета, песчанистый, с более темными пятнами, часто с мелкими угольками, в среднем 35—40 см мощности; на местах, где обозначались ямы, он залегает обычно глубже; 4) песок желтого цвета. Типологически, основываясь на различиях в орнаменте и формах сосудов, многочисленную керамику можно разделить на несколько категорий: первая группа сосудов довольно близка к волго-окской керамике льяловского типа (рис. 48). Это, во-первых, толстостенный (11—12 мм) сосуд, сплошь покрытый гребенчато-ямочными оттисками, образующими сложный орнамент из чередования поясов наклонных оттисков с поясами геометрических фигур и с включением в этот орнамент полос ямочных вдавлений. Сосудов такого типа несколько, среди них есть покрытые отпечатками в виде ромбических ямок разных размеров, гребенчатыми оттисками по всей поверхности сосудов, комбинациями из длинных гребенчатых и ямочных оттисков и т. д. Все они имеют незначительную примесь песка, ровно обожжены, светло-коричневого цвета, внутренняя поверхность сглажена твердым предметом.

Вторая группа сосудов (рис. 48) имеет более тонкие стенки, сделана из тонко отмученной глины, обычно ровно обожженной, орнаментирована по всей поверхности правильной круглой ямкой, ряды которой иногда разделены полосами коротких гребенчатых оттисков. Среди них есть также тонкостенные небольшого размера сосуды, покрытые горизонтальными полосами наклонных коротких гребенчатых и ногтевых вдавлений (рис. 48)¹. На некоторых сосудах резкие гребенчатые оттиски образуют сложные узоры «елочек», вертикально расположенных и спускающихся, видимо, к днищу сосуда, ограниченных вертикальными прямыми горизонтальными оттисками (рис. 48). Интересен сосуд, украшенный различными комбинациями короткого гребенчатого штампа (рис. 48), образующего горизонтальные ря-

¹ К сожалению, мы не можем сейчас сказать о форме этих сосудов, поскольку не найдем ни одного донышка.

ды коротких вертикальных отпечатков, разделенных на зоны рядами горизонтальных оттисков. Такими же отпечатками покрыты срез венчика и торец сосуда. Сверху по венчику проходит ряд ямочных вдавлений и поясок из гребенчатых оттисков в виде двойного распавшегося зигзага. Тонкостенный сосуд меньшего размера покрыт накольчатым кружковым орнаментом, образующим, видимо, геометрические фигуры в виде треугольников и ромбов (рис. 48). Наконец, третью, весьма многочисленную группу составляют сосуды так называемого турбинского типа (рис. 48) — светло-желтого цвета, из пористой глины с выгоревшими растительными примесями, с широкими и толстыми, близкими к Т-образным венчиками. Толщина стенок — 5—8 см; орнаментация обычно скудная. Правда, есть несколько сосудов, украшенных по всей поверхности. Один из таких сосудов украшен по всему тулову очень оригинальным орнаментом из горизонтальных и наклонных полос, проведенных, видимо, зазубренной палочкой методом «отступления с нажимом», разделенных оттисками гребенчатого штампа. Другие сосуды этого типа украшены проще. Их орнамент составляет или полосы длинных гребенчатых отпечатков, или наклонные, или горизонтальные полосы грубых продолговатых вдавлений, иногда составляющих геометрические фигуры. Венчик по срезу часто орнаментирован. Внутренняя сторона сосуда заглажена твердым предметом. Форму сосудов определить невозможно. Эта группа сосудов, как уже говорилось, близка к турбинской керамике и через нее к волосовской.

Как можно заметить, керамика со стоянки Ильинский Остров довольно разнообразна. Но при этом она имеет некоторые общие черты. Так, для всех групп керамики характерна заглаженность внутренней стороны сосудов твердым предметом, обычен орнамент на срезе венчика и торце сосудов. Эти общие черты, кстати, указывают на ее довольно поздний возраст. Да и сами выделенные комплексы — волго-окский, близкий типу этой керамики, который дошел до Беломорья и придал «ляловский» облик беломорской культуре, и каргопольский, и турбинско-волосовский говорят о бытовании стоянки в самом конце неолита — начале эпохи бронзы (начало — середина II тысячелетия до н. э.). Труднее объяснить наличие таких разнородных комплексов на одной стоянке с культурно-этнической точки зрения. Пока мы не можем стратиграфически разделить их и потому должны предполагать сложный этнический состав обитателей стоянки.

Как кажется, к турбинско-волосовскому типу керамики относится набор глиняных и кремневых поделок, найденных на стоянке. Среди них глиняная поделка, изображавшая, видимо, ступню с обозначенными шестью пальцами и орнаментом по верхнему краю, по-видимому изображающая шерсть на «лапе медведя». В другой глиняной поделке в определенном ракурсе можно видеть профиль зверя. Найденны три каменных предмета, один из которых, видимо, изображает змею. Он имеет форму извивающегося змеиного тела с отломанной головой. Возможно, эта поделка использовалась и в качестве какого-то орудия — один край ее на месте выемки сильно залощен. Второй предмет — лунарная подвеска; третья, очень маленькая фигурка изображает скорее всего какого-то зверя с длинным и пушистым хвостом, стоящего в спокойной позе. На ней намечены голова и две пары ног.

На стоянке найден богатый и разнообразный каменный инвентарь: топор, стамески, наконечники копий и стрел (в основном листовидной формы), очень много скребков, среди которых часты двулезвийные скребла, нуклеусы (обычно одноплощадочные, неправильной формы), ножевидные пластины, часто с ретушью по краям, которые употреблялись, видимо, в качестве ножей и скребков.

В 1967 г. на вскрытых 200 кв. м было обнаружено множество ям, видимо хозяйственного назначения, несколько небольших очагов и один огромный очаг на глубине 1 м от современной поверхности.

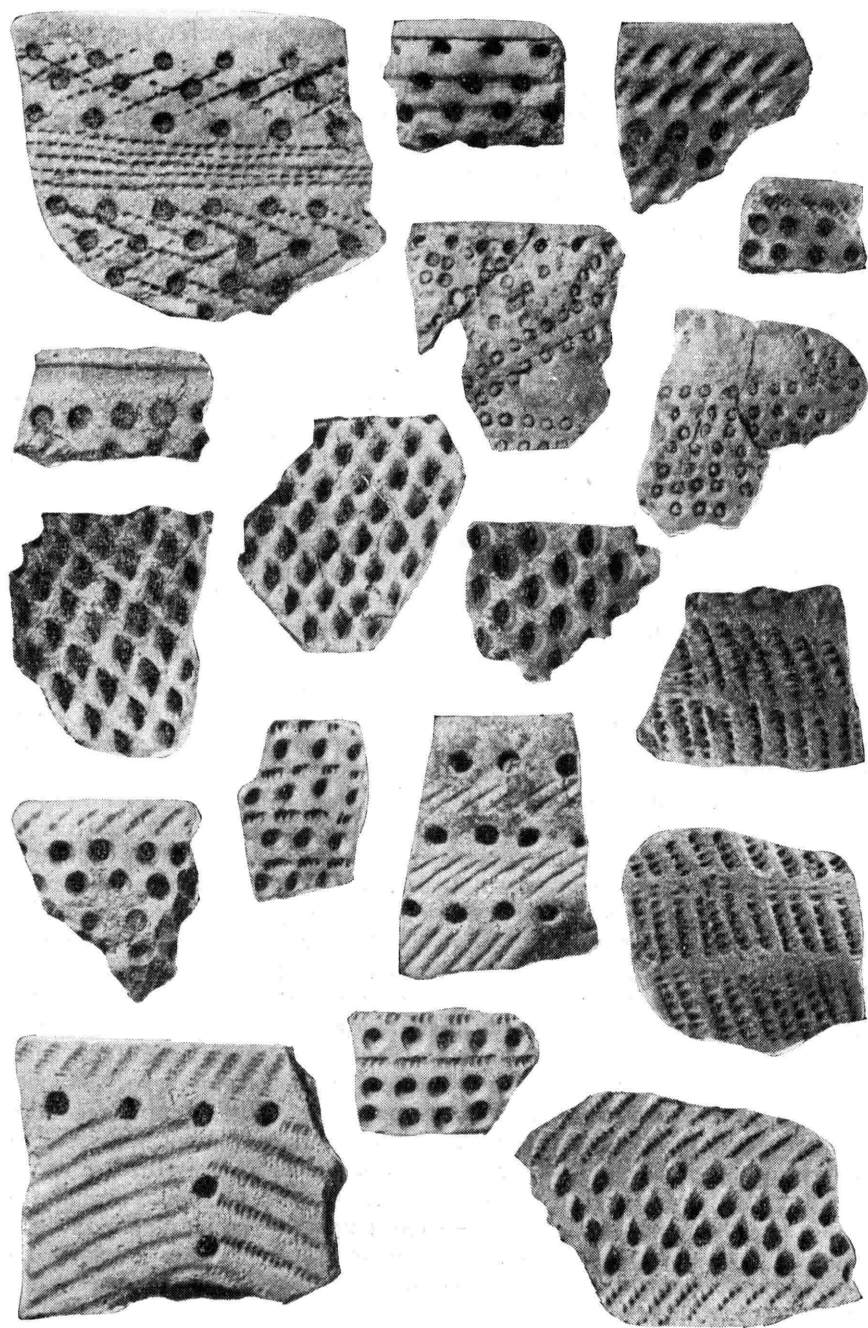

Рис. 48. Керамика стоянки Ильинский остров

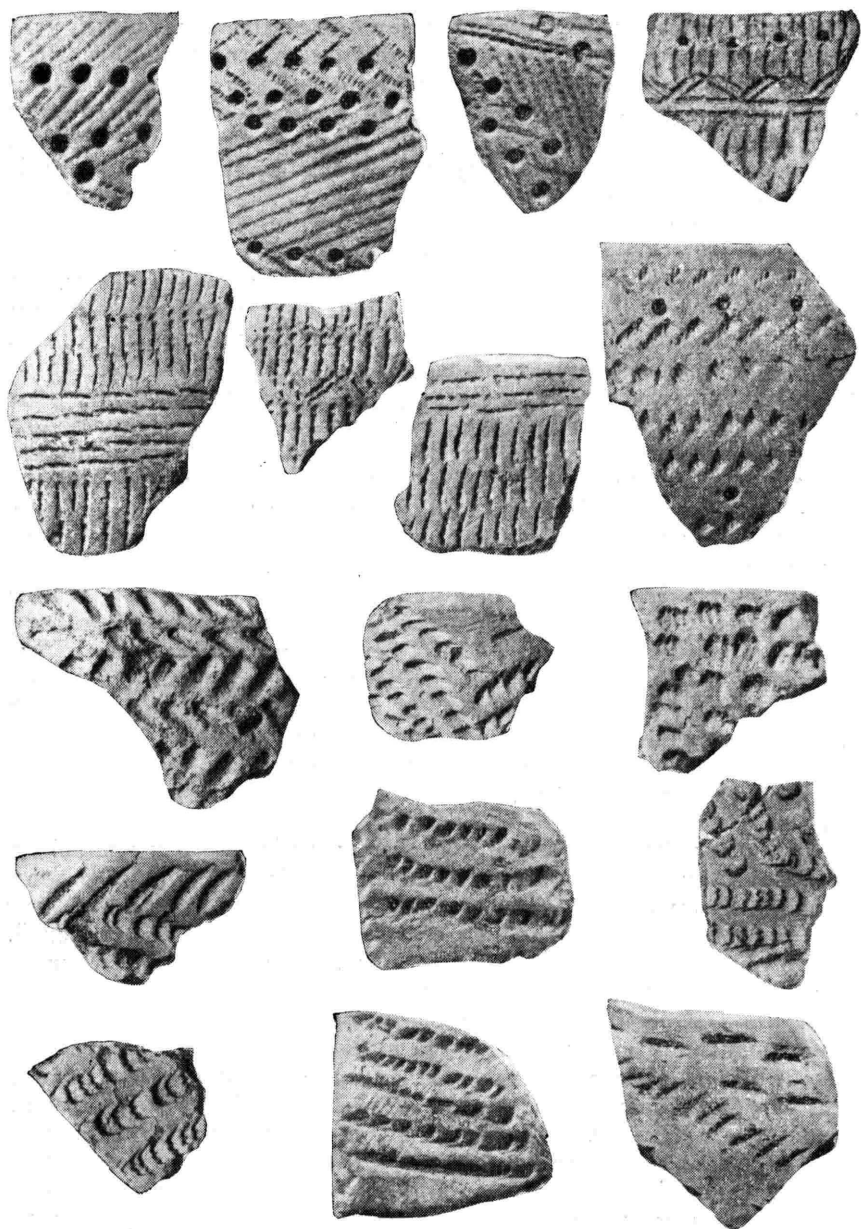

Рис. 48 (окончание)

В 1968 г. на вскрытой площади уже после снятия I горизонта мощностью 25 см четко обнаружались следы двух жилищ и хозяйственных ям между ними.

Землянка 1 обозначалась особенно четко. Ее заполнял темный культурный слой, иногда с очень значительной примесью угольков, который резко выделялся на фоне более светлого культурного слоя стоянки. Она имела неправильные очертания в общем вытянуто-прямоугольного типа длиной 7 и наибольшей шириной в средней части 4,6 м. У землянки был один выход на северо-запад, узкий (80 см) и неглубокий. Ярко выраженный очаг в жилище отсутствовал, но по всей центральной линии ее размещались большие пятна черного зольного слоя без пережженного красного песка. Глубина землянки, вернее, уровень ее пола 70—75 см от современной поверхности, пятна же углистого слоя доходят до глубины 1,1 м. Сейчас трудно говорить о горизонтальном членении археологического материала, найденного в землянке. Это будет ясно после детальной обработки его, так как землянка копалась очень тонкими слоями — 7—10 см. Сейчас можно сказать лишь, что в керамическом материале стоянки можно выделить несколько групп: ямочно-гребенчатую, так называемую каргопольскую, тонкостенную круглоямочную, сосуды с ямочно-ромбическим орнаментом и керамику турбинского типа. Видимо, землянка относится к эпохе конца неолита — начала эпохи бронзы, когда в культуре жителей ее сильнее всего были элементы восточных, прикамских культур. Каменный инвентарь богат и разнообразен, но на комплексы не делится.

Вторая землянка, раскопанная в 1968 г., меньшего размера и несколько иной формы. Она подпрямоугольная, размером 6,2×4,3 м, но ее углы так сглажены и закруглены, что форма ее приближается к овалу. Землянка неглубока — основная часть ее исчезает к III горизонту, к 30—35 см от поверхности, но в северо-западной ее части идет до глубины 1,2 м. Ее северо-западный конец поврежден предыдущими раскопками, так что, хотя выход не зафиксирован, все же можно предполагать, что он мог быть именно в этой части. По материалу, найденному в землянке, она одновременна первой.

Неожиданным было открытие погребения, найденного у южной границы раскопа 1967 г. на краю террасы, спускающейся к старице. В квадрате 8 на глубине 35 см был встречен наконечник стрелы, обративший на себя внимание тщательностью обработки и формой, близкой к беломорской. На глубине 46 см, т. е. в самом низу культурного слоя, — очажное темное пятно; на глубине 62 см появились следы ярко-красной охры и начали встречаться находки, относящиеся непосредственно к погребению, хотя четких очертаний могильной ямы не было. На глубине 67 см от поверхности были найдены четыре зуба и появились отчетливые очертания могильной ямы. Судя по расположению зубов, костяк лежал на глубине 75—77 см от современной поверхности, т. е. на 30—35 см ниже культурного слоя стоянки. Он был засыпан охрой, охристое пятно имело продолговатые очертания длиной 152 и шириной 35—38 см. Мощностю охристого слоя 17—20 см, наверху он ярче, чем внизу. Судя по характеру изношенности зубов, погребенный был молод, что подтверждает и размер могильной ямы; голова его ориентировалась на юго-запад, к современной старице, которая, возможно, была тогда рекой. Костяк не сохранился, видимо, из-за песчанистого состава культурного слоя.

Погребение сопровождалось богатым каменным инвентарем, состав которого, как кажется, говорит о том, что здесь был погребен какой-то знатный мальчик. По расположению зубов можно ориентировочно определить место находок по отношению к костяку. Первая группа вещей, лежащая в изголовье, в западной части охристого пятна, на глубине 60—63 см от поверхности, состояла из 10 наконечников стрел и обломков трех каменных кинжалов, которые лежали один на другом остриями к западу. Все крем-

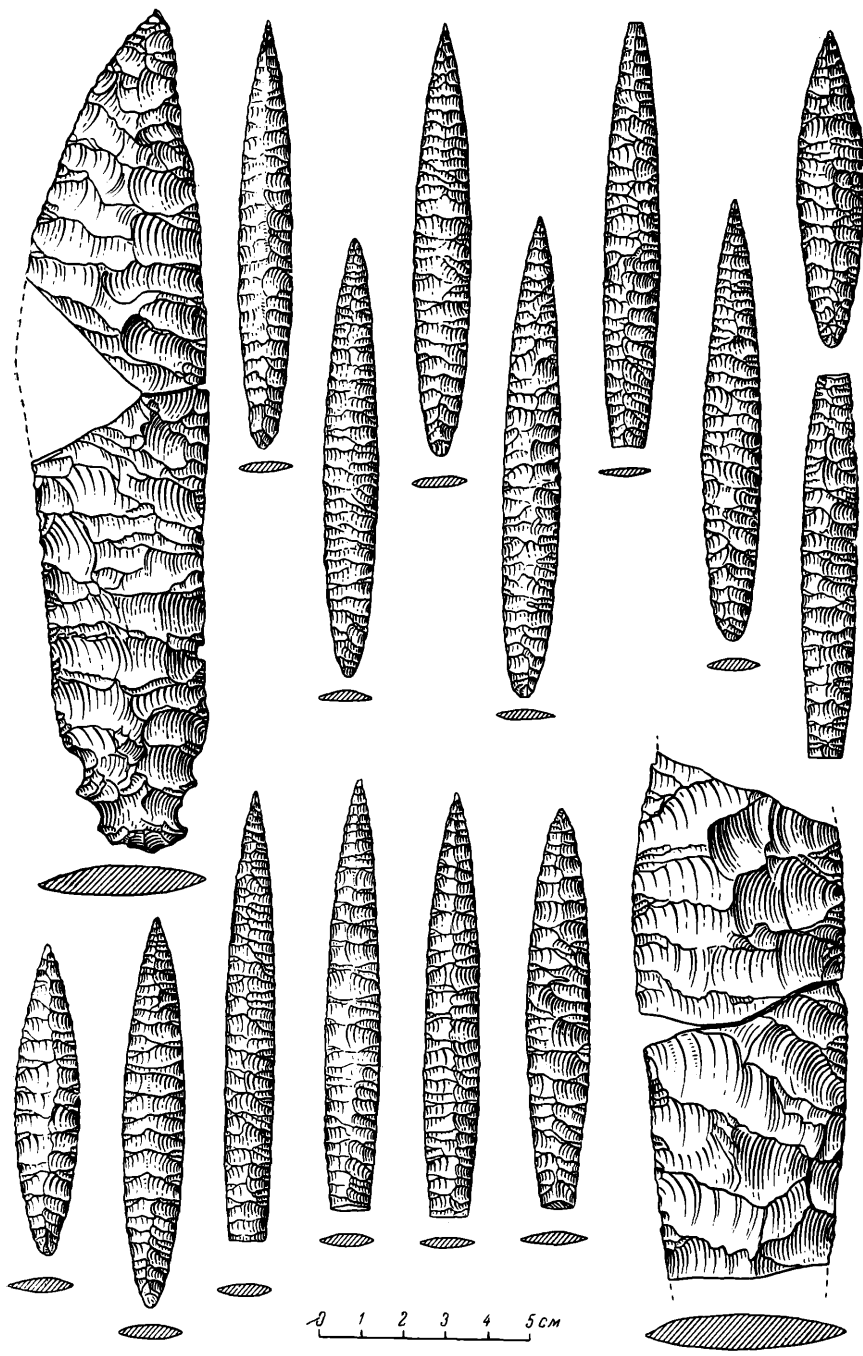

Рис. 49. Каменный инвентарь погребения

невые наконечники, тщательно обработанные тонкой ретушью, в основном светло- и темно-серого, вишневого цвета (рис. 49), близкие по форме. Они тонкие и длинные (до 11,5 см), довольно плоские, с тонкими концами, один из которых, видимо прикреплявшийся к древку (до 7,5 см), в нескольких случаях обломан. Есть несколько наконечников меньшего размера (рис. 49). Из трех каменных кинжалов, найденных в обломках (рис. 49), один собирается почти полностью, он сделан из кремня вишневого цвета, имеет 20,5 см длины, лезвие его неровное, с расширением посередине (до 4,5 см) и острым, несколько асимметричным концом. Интересна рукоятка кинжала, имеющая с каждой стороны по две глубокие выемки; от второго кинжала сохранилось только лезвие, от третьего — треугольная рукоятка, обработанная крупной пильчатой ретушью. В восточной части изголовья над костяком двумя группами по два и четыре экземпляра также лежали наконечники стрел. Видимо, ниже костяка, а возможно, непосредственно рядом с ним располагалась другая группа находок — наконечники стрел и копье. В изголовье был найден наконечник копья, лежащий острием к северу, в области поясницы — большой наконечник стрелы острием к северо-западу. Наконечник, на самом дне могильной ямы в области ног найдены еще четыре наконечника стрел. Под этими находками охристое пятно исчезло, но пятна темного слоя, содержавшего находки, шли до глубины 86 см. Данное погребение интересно как по самому факту расположения на неолитической северной стоянке, где погребения являются большой редкостью, так и из-за облика каменного инвентаря, напоминающего кремневые орудия беломорской культуры, хотя и не совсем идентичного им. Как кажется, этот инвентарь находит себе некоторые аналогии в инвентаре могильника на Оленьем острове (Баренцево море). Эти аналогии порождают много важных вопросов, связанных с происхождением и развитием беломорской культуры.

Ю. В. ТИТОВ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СПЕРРИНГС
В КАРЕЛИИ И ФИНЛЯНДИИ

Основываясь на палеогеографических данных¹ и археологическом материале², следует считать установленным, что Карелия и Финляндия были впервые заселены человеком в эпоху мезолита. По данным антропологов³, археологов⁴ и этнографов и по некоторым данным языкознания⁵, основная волна населения пришла в Карелию и Финляндию с Урала и прилегающих к нему территорий. На позднем этапе мезолита в заселении Карелии приняли участие племена Волго-Окского бассейна. Как известно, мезолитические памятники Карелии представлены двумя типами поселений: а) поселениями с кварцевым и сланцевым инвентарем, близкими к культурам Аскола и Суомус-Ярви в Финляндии⁶; б) поселениями с кремневым инвентарем.

В раннем неолите у племен, обитавших на территории Карелии и Финляндии, появляется керамика сперрингс, получившая свое название от одноименного поселения в Финляндии, где она была обнаружена впервые. На территории Карелии первые находки этой керамики сделаны А. Я. Брюсовым при раскопках им поселения Суна I. Однако он считал ее поздненеолитической. Как самый ранний тип керамики на территории Карелии сперрингс впервые был выделен Н. Н. Гуриной⁷. Финские археоло-

¹ «Последний ледниковый покров». М., 1965, стр. 171—175; Г. С. Бискэ. Четвертичные отложения и геоморфология Карелии. Петрозаводск, 1959, стр. 112—113, 148—158; E. Kivikoski. Suomen Esihistoria, т. 1. 1961, стр. 14, табл. 4.

² V. Luho. Die Askola Kultur. SMYA, 57. Helsinki, 1956, стр. 152 (табл.); Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, стр. 40; Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964, стр. 31.

³ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. «Труды ИЭ», новая серия, т. XXVIII, 1955, стр. 296—320; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 92—93; М. С. Акимова. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968, стр. 96.

⁴ Г. А. Панкрушев. Докерамические стоянки Карелии и вопрос о ее заселении. «Скандинавский сборник», VII. Таллин, 1963, стр. 155—180; Н. Н. Чебоксаров. К вопросу о происхождении угро-финской языковой группы. СЭ, 1952, № 1.

⁵ Д. В. Бубрих. К вопросу об отношениях между самоедскими и финно-угорскими языками. «Известия АН СССР», отд. лит. и яз., т. VII, вып. 6. М.—Л., 1948; П. А. Аристэ. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956; Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Там же.

⁶ Н. Н. Гурина. Указ. соч.

⁷ Н. Н. Гурина. Указ. соч.; она же. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951.

ги рассматривают керамику сперрингс как самый ранний тип гребенчатой керамики (*varhaiskampaikematükke*) и подразделяют ее развитие на две ступени: стиль 1:1 (ранний) и стиль 1:1 а, в, с (поздний)⁸.

В настоящее время известно около 140 поселений, содержащих керамику сперрингс, из них свыше 100 поселений и могильник открыты на территории Карелии, из числа которых 37 поселений содержат чистый комплекс. О месте возникновения керамики сперрингс нет единого мнения. Ряд финских исследователей, считающих, что она имеет южное происхождение, находят черты сходства ее с керамикой древних поселений Поднепровья, Валдая (стоянка Бологое), а также с керамикой, распространенной по рекам Сож, Десна и т. д.⁹ По мнению П. Н. Третьякова, керамика типа сперрингс находит ближайшие аналогии в неолитических культурах Прикамья, Приуралья и Зауралья¹⁰. Г. А. Панкрушев считает керамику сперрингс местным явлением, возникшем в среде племен, населявших территорию Карелии и Финляндии с эпохи мезолита¹¹.

Исследователи определяли следующие основные элементы орнамента керамики сперрингс: 1) «отступающая лопаточка» (т. е. сплошные или уступчатые линии); 2) оттиски грубой веревочки, намотанной на палочку; 3) оттиски своеобразного штампа, ряды которых создают иллюзию отпечатков плетеной тесьмы; 4) отпечатки, похожие на римские цифры I—II; 5) сдвоенный угловой штамп, создающий иллюзию «перевитой колючей проволоки»¹². Кроме основных элементов в орнаменте керамики сперрингс применяются кругло-конические ямки, остроовальные и ромбовидные вытянутые ямки, ямки, похожие на вдавления трубчатого растения, и некоторые другие элементы. В основу нашего определения керамики типа сперрингс положен комплекс признаков, и путем опытов и статистического анализа дана новая ее характеристика. Прежде всего под типом керамики мы понимаем ряд основных статистически устойчивых признаков, связанных между собой. Необходимо, чтобы принятый принцип подсчета соблюдался последовательно и был одинаков для сопоставляемых памятников. В характеристику керамики сперрингс включены: элементы орнамента, орнаментальные узоры, формы венчика и сосуда, характер теста, цвет и обжиг сосуда. При этом в качестве памятников взяты поселения с чистым комплексом. Ряд проведенных нами опытов позволил выяснить метод нанесения узоров на поверхность сосудов и выделить три основных элемента орнамента: позвонковый, прочерченный и веревочный. Наиболее устойчивыми орнаментальными узорами керамики сперрингс являются: 1) ряды одинарных, сдвоенных или строенных оттисков позвонка, нанесенных горизонтально (реже вертикально) по всему сосуду — так называемая «плетеная тесьма», «римские цифры I—II» и «перевитая колючая проволока»; 2) ломаные, прочерченные (сплошные или уступчатые) линии; 3) «корзиночная плетенка», нанесенная методом «отступающей лопаточки»; 4) оттиски веревочного штампа, нанесенного горизонтально в одну линию (реже вертикально) по всему сосуду с небольшим наклоном; 5) оттиски короткого веревочного штампа. Как удалось установить, прочерченный и веревочный элементы орнамента наносились в сочетании с кругло-коническими или другими дополнительными элементами, а оттисками позвонка создавался ор-

⁸ *Aarne Ayrapää*. Den yngre stenalderens kronologi i Finland och Sverige. «Finskt Museum». LXII. Helsingfors, 1956, стр. 5—48, рис. 22—25, 32.

⁹ *Aarne Ayrapää*. Указ. соч., стр. 34—41, 50—51; *E. Kivikoski*. Указ. соч., стр. 31—32.

¹⁰ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 25.

¹¹ Г. А. Панкрушев. Неолитические стоянки с керамикой типа сперрингс в Карелии и Финляндии. «Скандинавский сборник», XII, 1967, стр. 209—222.

¹² Г. А. Панкрушев. Племена Карелии..., стр. 25—26; Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 50.

Рис. 50. Керамика типа сперрингс

намент без дополнительных элементов или такое сочетание было крайне редким (например, редкие ямки под венчиком; рис. 50, 51).

Путем сравнения керамики и высотных данных стоянок удастся выделить ранний и поздний типы керамики сперрингс. Ранний сперрингс представлен в основном сосудами больших размеров (но не более 40 см в диаметре при высоте 50 см) с толщиной стенок от 0,8 до 1,5 см. Тесто грубое, с обильной примесью дресвы, обжиг слабый и средний. Цвет сосудов, как правило, темно-коричневый. Характерной особенностью сосудов этого типа является прямой неорнаментированный венчик и остродонная форма. Орнамент по тулову сосуда преобладает позвонковый (48,2%). Поздняя керамика сперрингс представлена остродонными и круглодонными сосудами различных размеров с толщиной стенок от 1,2 до 0,4 см. В тесте небольшое количество мелко истолченной дресвы и песка, обжиг значительно лучше. Цвет сосудов светло-коричневый и кирпичный. Форма венчика остается в основном прежней, но встречаются и другие формы — отогнутые наружу или вогнутые внутрь с закругленным краем и иные фор-

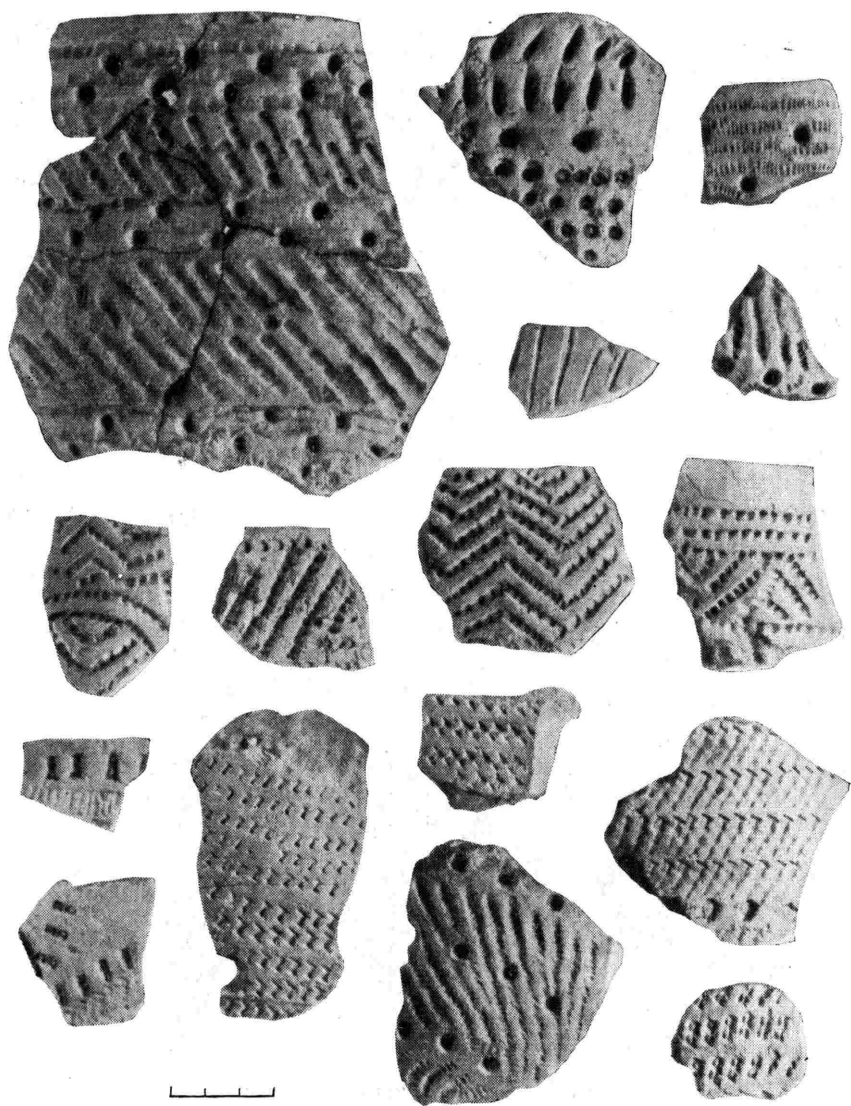

Рис. 51. Керамика типа сперрингс

мы. Орнамент на венчике по-прежнему отсутствует. Одной из характерных особенностей позднего сперрингса является зональность в нанесении дополнительных элементов узора, что, по всей вероятности, является следствием влияния ранней ямочно-гребенчатой керамики, появившейся в Карелии в первой половине III тысячелетия до н. э. Однако эти дополнительные элементы занимают незначительное место в орнаменте и подчинены основному орнаментальному узору. Обычно они располагаются на сосудах в один-два ряда под венчиком или нанесены зонами по основному орнаменту. Керамику сперрингс Карелии и Финляндии отличает от других близких им типов (Урала, Зауралья, Поднепровья) пять основных признаков: 1) наличие позвонкового элемента орнамента и преобладание его над прочими элементами; 2) отсутствие композиций из сочетания трех основных элементов; 3) наличие только двух форм сосудов — остродонной и круглодонной; 4) абсолютное преобладание прямых венчиков без орнамента; 5) отсутствие других примесей в тесте, кроме песка и мелкоистолченной

дресвы. По особенностям керамики и каменного инвентаря в настоящее время на территории современной Карелии можно выделить семь локальных районов: Северный, Беломорский, Соломенский, Медвежьегорский, Сязоерский, Онежский и Чудозерский. За пределами территории современной Карелии и Финляндии керамика сперрингс обнаружена в незначительном количестве в смешанных комплексах на древних поселениях Ленинградской и Вологодской областей.

Таким образом, преобладающее большинство поселений с керамикой сперрингс в Карелии и Финляндии позволяет считать эти территории основным центром распространения подобного типа памятников. Керамика сперрингс возникла в среде племен, заселивших Карелию и Финляндию в эпоху мезолита. Из 10 244 фрагментов керамики сперрингс, обнаруженных на территории Карелии, 47,8% украшено оттисками позвонков.

Анализ каменного инвентаря поселений с чистым комплексом керамики сперрингс позволяет выделить пять основных групп орудий по их назначению: для обработки камня, для обработки дерева, орудия охоты, орудия рыболовства, скребущие и режущие инструменты. Абсолютное большинство каменных орудий (89,2%) изготовлено из местного материала (сланец, кварц, роговик, песчаник), а по своим формам они близки к позднемезолитической культуре Суомус-Ярви.

Датировка поселений с керамикой сперрингс основана на данных стратиграфии, неотектоники и палеонтологии. По мнению финских исследователей¹³, керамика сперрингс появилась в конце IV тысячелетия до н. э. Исчезновение ее они относят к 2300 г. до н. э. Г. А. Панкрушев, применивший метод датировки древних поселений по высотным отметкам¹⁴ Онежского локального района, считает вторую половину IV тысячелетия до н. э. начальной датой появления керамики сперрингс в Карелии и 1900 год до н. э. — датой ее исчезновения.

Итак, на территории Карелии и Финляндии с момента заселения ее человеком существовала своеобразная кварцево-сланцевая индустрия. Для раннего мезолита характерна культура Аскола, для позднего — культура Суомус-Ярви. Во второй половине или конце IV тысячелетия до н. э. в среде племен, каменный инвентарь которых близок к позднемезолитической культуре Суомус-Ярви, появляется оригинальная керамика сперрингс, не имеющая себе аналогий. Поселения с чистым комплексом керамики сперрингс, по мнению ряда исследователей¹⁵, в том числе и автора, имели место здесь вплоть до прихода волго-окских переселенцев с ямочно-гребенчатой керамикой. Исходя из вышеизложенного можно говорить о существовании на территории Карелии и Финляндии центра раннеолитической культуры на протяжении более 500 лет. Культура сперрингс является поздним этапом в развитии кварцево-сланцевой культуры Суомус-Ярви, характерной для данной территории. Особенности культуры сперрингс ярко проявились в оригинальном орнаменте керамики; в устойчивых формах сосудов; в преемственности в обработке камня; в формах орудий, близких к мезолитическим; в отсутствии жилищ земляночного и полуземляночного типа и, наконец, в ограниченности территории распространения подобных памятников. Культура сперрингс явилась важным звеном в сложении будущей карельской неолитической культуры.

¹³ E. Kivikoski. Указ. соч., стр. 9, 30—31.

¹⁴ Г. А. Панкрушев. Неолитические стоянки с керамикой типа сперрингс..., стр. 215—217.

¹⁵ Н. Н. Гурина. Древняя история...

В. Ф. ФИЛАТОВА

КОМПЛЕКС ОРУДИЙ ОЛЕНЕОСТРОВСКОЙ СТОЯНКИ
НА ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ

При обследовании границ Оленеостровского могильника в 1938 г. на площадке, примыкающей к его северо-западной части, был обнаружен культурный слой, содержащий каменные орудия. Работы здесь были начаты только в 1953 г. Н. Н. Гуриной¹, а затем, в течение 1955—1957 гг., продолжены Г. А. Панкрушевым². Материал первого года раскопок опубликован в качестве приложения к монографии об Оленеостровском могильнике³. Находки последующих лет выборочно публиковались неоднократно⁴, но полностью комплекс инвентаря не опубликован до сих пор.

Своеобразие инвентаря этого памятника по сравнению с материалом стоянок, известных в Карелии к 1957 г., привело к определению характера его как неолитической мастерской по изготовлению орудий⁵. Однако большое число открытых за последнее десятилетие стоянок, сходных с этим памятником, и сравнение их комплексов заставляет пересмотреть прежнее мнение о характере памятника.

Памятник расположен в 130 м от северной оконечности Южного Оленьего острова, на высоте 10,5 м над уровнем озера. Площадь его определяется по-разному: 500 кв. м⁶ и 10 тыс. кв. м⁷. Общая площадь раскопа за все годы составила 375 кв. м.

Мощность культурного слоя, залегавшего под слоем дерна (5—10 см) и известнякового щебня (до 10 см), колебалась от 25 до 40 см. Цвет его красноватый, с малиновым оттенком. В некоторых частях раскопа вслед за этим слоем шел серый гумусированный песок с разложившимися костями рыб (5—10 см). Подстилающим слоем служил желтый песок с галькой, налегающий на известняк. В нижней части культурного слоя, на глубине 30—40 см от поверхности обнаружено шесть кострищ до 1,5 м в диаметре, мощностью до 10 см, насыщенных пережженными косточками. В западной части раскопа прослежена яма размерами 0,8×3,9×2,9 м. В центре ямы обнаружено небольшое скопление желтого песка, возможно от упавшего сво-

¹ Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1956, стр. 423.

² Архив ИА, Р 1, 1955, д. 1240, лл. 13—16; 1956, д. 1320, лл. 34—41; 1957, д. 1610, лл. 28—30.

³ Н. Н. Гурина. Стоянка на Южном Оленьем острове. МИА, № 47, приложение V, 1956, стр. 423—429.

⁴ Г. А. Панкрушев. Новые данные по древнейшей истории Карелии. «Труды Карельского филиала АН СССР», вып. X, 1958, стр. 9—11; он же. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964, стр. 41—42; приложение IV, табл. 3—4.

⁵ Н. Н. Гуриной памятник определен как стоянка.

⁶ Н. Н. Гурина. Стоянка на Южном Оленьем острове, стр. 423.

⁷ Архив ИА, Р 1, 1955, д. 1240, л. 14.

да какого-то перекрытия. Никаких прослоек, разделяющих культурный слой, не выявлено: он представлял однородную массу.

Инвентарь памятника состоит исключительно из каменных изделий, целых или в обломках и заготовках, а также осколков и отщепов, камней с надпилем и пережженных косточек. Встречена одна подвеска из резца бобра. Керамика не обнаружена. Общее число инвентаря равно 2113 экз., из них целых орудий 264 экз.⁸

Орудия очень разнообразны. Число категорий орудий с различными функциями равно 19. К ним относятся как крупные рубящие орудия, служившие для обработки дерева (топоры, тесла, долота прямые и желобчатые, стамески), так и мелкие, скребущие и режущие, для обработки многих видов сырья (скребки, скребла, скобели, проколки, резцы, ножевидные пластинки). Незначительным числом в инвентаре представлены орудия охоты (наконечники стрел) и рыбной ловли (грузила для сетей). Среди прочих категорий необходимо отметить пилы, шлифовальные плиты, точильные бруски и отбойники, применяемые для работ по камню.

В качестве сырья использовались местные породы (в %): сланец (55,3), кварц (8,2), роговик (4,7), песчаник (17,5), кварцит (1,3), а из привозных — кремль (12,7).

Все основные категории орудий изготовлялись из сланца. Из кремня сделаны мелкие орудия. Он красноватого цвета разных оттенков или серый до темного.

Весьма разнообразны по типам рубящие орудия, а среди них — топоры (10 экз.).

1-й тип топоров (2 экз.) составляют плоские по форме, широкие орудия, с подпрямоугольным поперечным сечением. Лезвие и обух равны по ширине, прямые. Боковые грани надпилены, широкие поверхности оставлены без обработки. Лезвие заточено; на одном из орудий видны штрихи, идущие перпендикулярно к линии лезвия (рис. 52, 1, 2); 2-й тип (4 экз.) такие же плоские, но несколько уже предыдущих; в сечении прямоугольны. Обух прямой, обработан мелкими сколами, лезвие тоже прямое, тщательно заточено. Боковые грани отколоты ровным прямым сколом, а широкие сохраняют естественную поверхность камня (рис. 52, 3).

3-й тип топоров (2 экз.) овального поперечного сечения, с зауженным обухом, слегка округлым, расширенным лезвием. Боковые грани обработаны мелкими сколами, придающими орудию округлость очертаний, широкие частично отшлифованы. Лезвие тщательно заточено, сбито в работе (рис. 52, 4, 5). Небольшие топоры округло-прямоугольные в сечении с зауженным обухом и расширенным лезвием составляют 4-й тип (3 экз.). Обух и боковые грани у них сформированы мелкими сколами, широкие поверхности частично отшлифованы (рис. 52, 6).

Тесла (3 экз.) отличаются от топоров более тщательной техникой. Два из них небольшие, подпрямоугольные в сечении, с односторонне зауженным обухом и слегка расширенным, полого заточенным лезвием. Широкие поверхности зашлифованы, боковые грани прямо отколоты. Оба орудия составляют один тип (рис. 52, 7). 2-й тип (1 экз.) — массивное орудие четкого прямоугольного сечения, с широким обухом, сформированным сколами, и равным ему по ширине, полого заточенным лезвием. Одна из широких сторон тщательно отшлифована, другие грани оставлены без обработки (рис. 54, 28).

Прочие категории для работ по дереву представлены прямыми долотами (7 фрагментов) и стамесками (2 экз.). Те и другие отличаются примитивностью формы и техники изготовления. Они делались из небольших

⁸ К числу целых орудий причислены некоторые обломки, позволяющие судить о типе орудия.

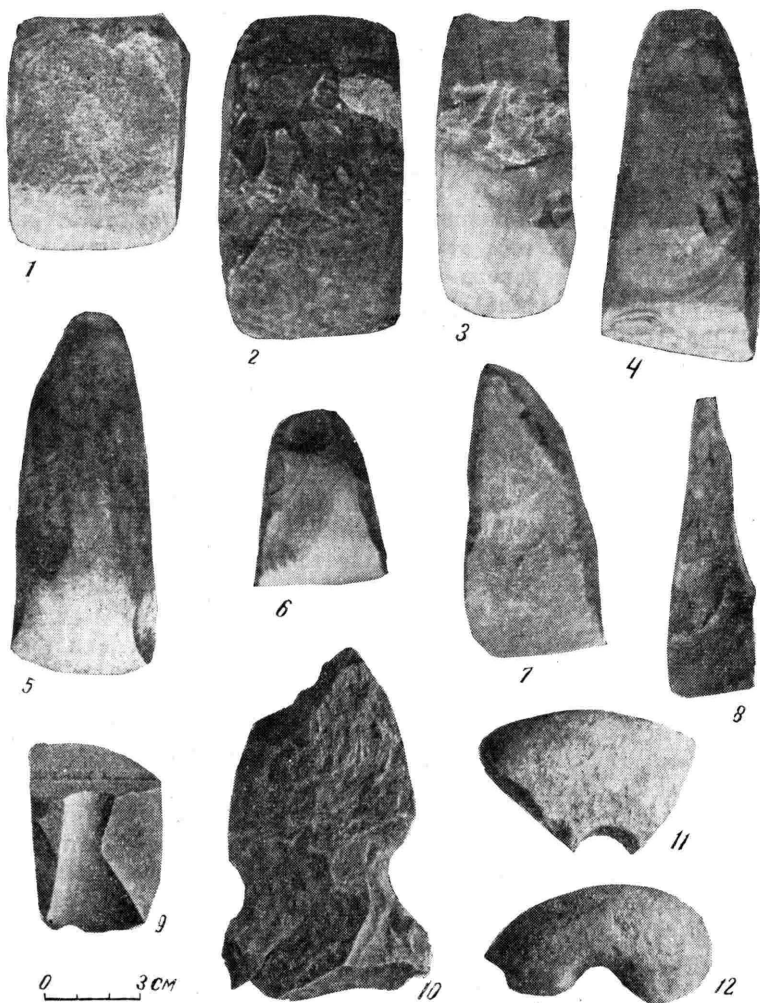

Рис. 52. Оленеостровская стоянка. Каменный инвентарь

1—6 — топоры; 7 — тесло; 8 — стамеска; 9 — обломок желобчатого долота; 10—12 — грузила для сетей
(1—11 — сланец, 12 — песчаник)

удлиненных плиточек, один конец которых асимметрично затачивался. Для стамесок плитки подбирались более тонкие (рис. 52, 8).

Желобчатые долота (6 экз.) сохранились в обломках. Судя по сохранившимся частям, они имели округлую, несколько уплощенную форму и неглубокий желобок во всю ширину орудия, который шел, сужаясь, примерно до середины, сходя на нет (рис. 52, 9).

Немногочисленны по типам и числу наконечники стрел (3 экз.). Один из них — сланцевый, линзовидного сечения, с острым концом. Основание сломано, вся поверхность орудия зашлифована (рис. 53, 18).

От двух других стрел сохранились лишь острия. Оба изготовлены из кремневых ножевидных пластинок, треугольных в сечении (рис. 53, 19, 20), мелкая ретушь идет по краю со спинки.

Крупную категорию орудий составляют грузила для сетей (18 экз.). По месту расположения отверстий для привязывания их можно подразделить на два типа. Один тип — грузила из кусков камня неправильных очертаний с выемами с боков (рис. 52, 10). Другой изготовлялся из пли-

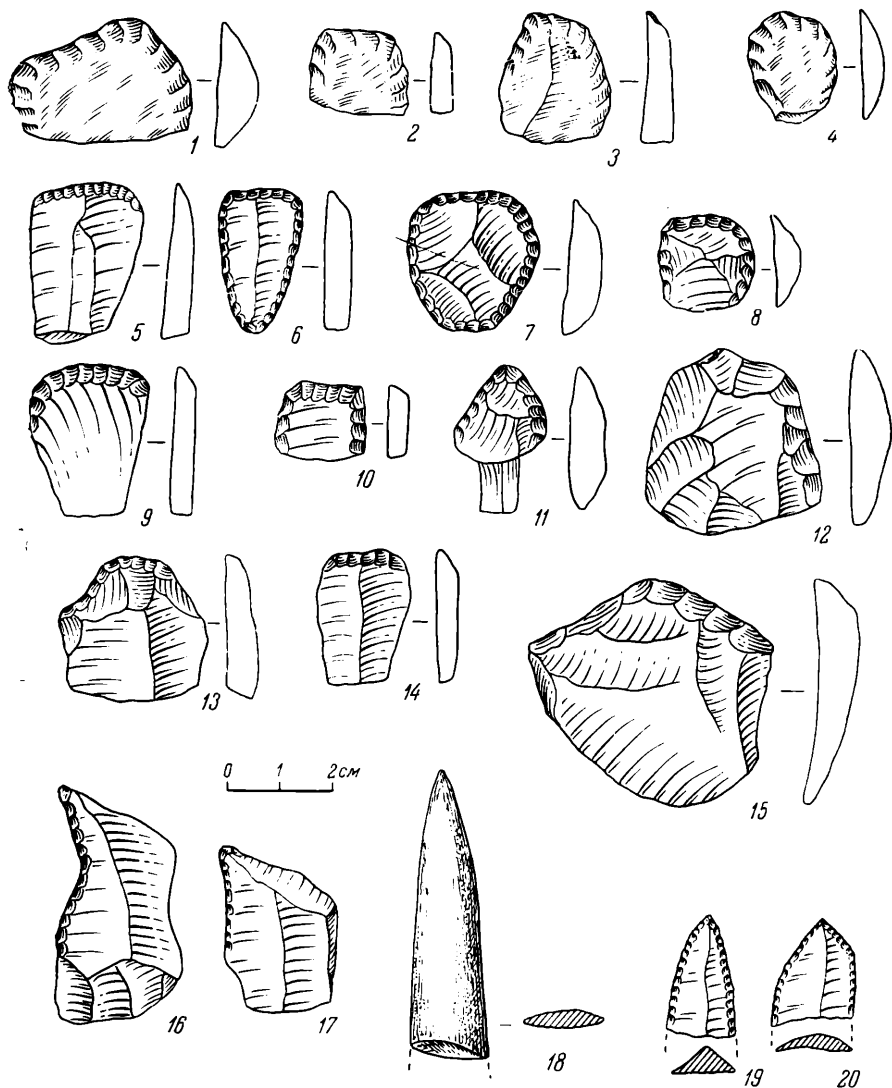

Рис. 53. Оленостровская стоянка. Каменный инвентарь

1—14 — скребки; 15 — скребло; 16 — скобель; 17 — проколка; 18—20 — наконечники стрел (1—4 — кварц; 5—11, 17, 19—20 — кремнь; 12, 15, 18 — сланец; 13—14, 16 — роговик)

ток и галек, просверленных (рис. 52, 11) или пробитых посередине (рис. 52, 12). Форма грузил случайна и зависела от формы приспособленного для них камня. Материалом для них служили сланец, песчаник и кварцит.

Весьма разнообразны по типам и материалу мелкие орудия. Наиболее крупной категорией из них являются скребки (62 экз.). Сырьем им служили кремнь, сланец, роговик и кварц. Кварцевые скребки (16 экз.) изготовлены на отщепях довольно четких форм. Их можно подразделить на дисковидные (рис. 53, 1), прямые (рис. 53, 2), килевые (рис. 53, 3) и округлые (рис. 53, 4). Все скребки имеют дугообразный рабочий край, переходящий плавно в тело; ретушь, мелкая и тщательная, формирует лезвие со спинки. Все типы кварцевых скребков распределяются примерно одинаково (5 — округлых, 4 — прямых, 3 — дисковидных).

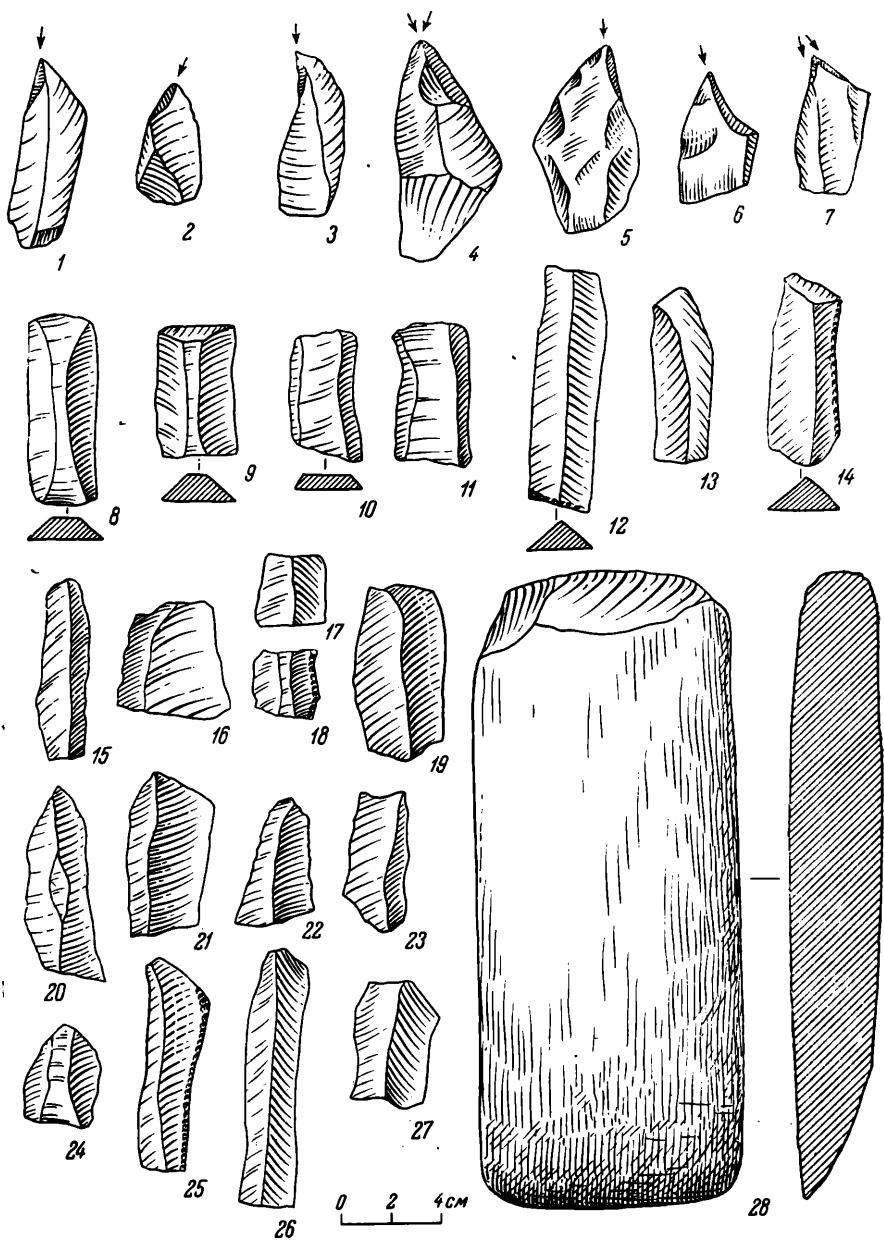

Рис. 54. Оленеостровская стоянка. Каменный инвентарь

1—7 — резы; 8—27 — ножевидные пластинки; 28 — тесло (1—3, 8—18 — кремнь; 4—7, 22—24 — кварц; 19—21, 28 — сланец; 25—27 — роговик)

Скрепки из кремня (33 экз.) делятся на две группы: на ножевидных пластинках (18 экз.) и на отщепах (15 экз.). Первая группа имеет либо дугообразный рабочий край на конце пластинки (рис. 53, 5), либо круговой, придающий орудию подтреугольные очертания (рис. 53, 6). Ретушь пологая, мелкая, идет обычно по спинке.

Во второй группе выделяются скрепки дисковидной формы, различные по размерам (рис. 53, 7—8), с круговым рабочим краем, сделанным пологой ретушью. Этот тип наиболее многочисленный после скрепок из ножевидных пластинок (8 экз.) Другой тип скрепок (5 экз.) — концевые на

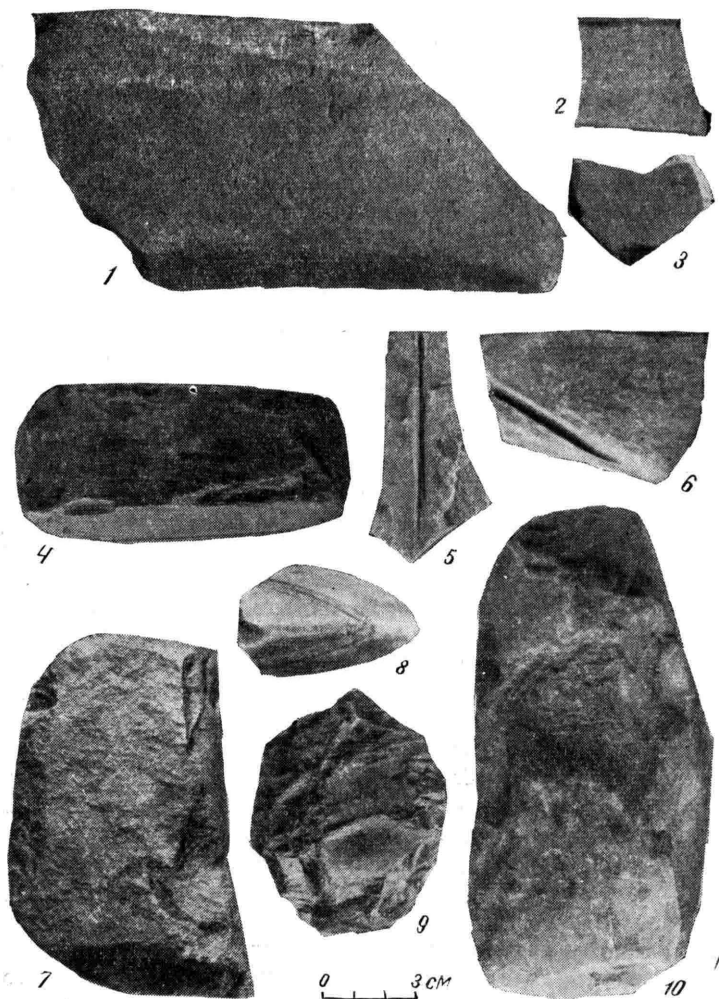

Рис. 55. Оленеостровская стоянка. Каменный инвентарь

1—2 — обломки пил; 3 — обломок шлифовальной плиты; 5 — точильный камень; 4, 6 — камни с надпиллом; 7 — точильный брусок; 8 — лезвие кирки; 9 — отбойник; 10 — орудие (1—3, 7 — песчаник; 4—6, 8, 10 — сланцы; 9 — роговик)

тонких отщепах, с округлым лезвием (рис. 53, 9). Кроме них по одному экземпляру представлены скребки на прямых отщепах четырехугольных очертаний с трехсторонним рабочим краем (рис. 53, 10) и скребок с черешком нечеткой формы (рис. 53, 11).

Все типы кремневых скребков тщательно отретушированы, обычно пологой ретушью со спинки орудия по рабочему краю.

Скребки из сланца (3 экз.) и роговика (9 экз.) сделаны на небольших отщепах неправильных очертаний. Рабочий край дугообразный, отретушированный со спинки. Более разнообразны роговиковые скребки (рис. 53, 13—14), сланцевые одинаковы (рис. 53, 12).

Остальные категории из группы мелких орудий представлены единичными экземплярами: одно скребло из сланца, по форме и технике напоминающее сланцевые скребки (рис. 53, 15); три скобеля из роговых отщепов неопределенных форм (рис. 53, 16) и одна проколка из кремня с острым лезвием, заостренным мельчайшей ретушью (рис. 53, 17). Довольно многочисленны резцы (20 экз.), изготовленные в основном из кварца (17

экз.). Все они на удлиненных отщепах, без вторичной обработки, резовые сколы носят случайный характер. Это наблюдается как у кварцевых (рис. 54, 4—7), так и у кремневых резов (рис. 54, 1—3).

В инвентарь памятника входят ножевидные пластинки. Их обнаружено 31 экз. (18 кремневых, 3 сланцевые, 7 роговиковых, 3 кварцевые). Пластинки из кварца, сланца и роговика нечетки по форме, в сечении треугольны, массивны (рис. 54, 19—27). Более разнообразны и выдержаны по форме кремневые (рис. 54, 8—18).

Кроме описанных выше категорий в комплекс орудий входит большое число пил (39 экз.). Подавляющее большинство их дошло в обломках. Судя по размерам фрагментов, пилы были крупными и мелкими (рис. 55, 1, 2); косвенно это подтверждается следами пиления на больших и маленьких плитках сланца, орудиях (рис. 55, 4, 6). По типу пилы представляют собой плоские плитки с необработанной поверхностью, треугольные в сечении; на некоторых орудиях видны штрихи, параллельные лезвию (рис. 55, 1).

Шлифовальные плиты (42 экз.) и точильные бруски (4 экз.) также фрагментированы. На некоторых ясно видны штрихи различной глубины и силы, свидетельствующие о разных этапах работ по заточке и шлифованию. Как плиты, так и точильные бруски специально не изготовлялись, ими служили подходящие по размерам плитки или куски камня. Материалом в этих категориях чаще всего служил песчаник (рис. 55, 3, 5, 7).

Отбойниками (7 экз.) являлись обычно куски камня, обработанные грубыми сколами; одна из сторон несет следы работы в виде вмятин (рис. 55, 9).

Среди прочего инвентаря выделяется большое число сланцевых камней с надпилком (158 экз.) и обломки орудий из сланца. Один из обломков — лезвие кирки, хорошо отшлифованное (рис. 55, 8); другой — плохо сохранившееся массивное орудие, округлое в сечении; поверхность, не испорченная в работе, несет следы пришлифовки (рис. 55, 10).

Несколько слов следует сказать о приемах изготовления орудий. На сланце встречаются приемы пиления и длинного ровного скола по боковым граням. Типичны заточка по лезвию, реже частичное шлифование поверхности и в единицах экземпляров полное шлифование всего орудия. Большей частью орудия сохраняли естественную поверхность камня. Для комплекса каменных орудий памятника типичны формы плиток или плоских кусков камня с очень незначительной вторичной обработкой. Мелкий скол на сланце выступает как вспомогательный прием; он сравнительно редок.

Недостаточно применялся прием сверления; чаще оно заменялось простым пробиванием отверстия.

Кварц, кремль и роговик обрабатывались ретушью. Она обычно полая, мелкая или крупная, как правило по рабочему краю орудия. Отжимание пластинок развито слабо.

Описанный памятник по своим основным категориям и типам орудий близок ко многим поселениям Карелии как бескерамическим, так и стоянкам с керамикой сперрингс⁹. Для него также характерны обычные для карельских стоянок признаки: незначительная мощность культурного слоя, кострища, отсутствие жилищных комплексов и пр.¹⁰ Кроме того, разнообразие типов и категорий орудий, следы работы на некоторых из них, значительное число обломков как результат работы позволяют причислить его к типу стоянок, а не мастерских.

⁹ Г. А. Панкрушев. Племена Карелии..., стр. 40.

¹⁰ Там же, стр. 15.

Методом датировки по высотным данным время существования Оленеостровской стоянки отнесено ко второй половине IV тысячелетия до н. э.¹¹ Эта дата подтверждается типологическим и топографическим сравнением Оленеостровской стоянки с поселениями, расположенными поблизости, на западном побережье Онежского озера,— Пески I, II, III¹². Вероятно, дату Оленеостровской стоянки можно значительно удревнить, если сопоставить ее комплекс с комплексом и с топографией стоянки Пески III, содержащей чистый тип керамики сперрингс раннего облика. Дата поселения Пески III — середина IV тысячелетия до н. э.; высота расположения над уровнем озера 9 м¹³. На ней встречены почти те же формы орудий¹⁴, но присутствие керамики ставит это поселение в число более поздних по сравнению с бескерамическими стоянками типа Оленеостровской. Эту стоянку можно отнести к середине V тыс. до н. э.

Сопоставление комплекса стоянки с каменными орудиями Оленеостровского могильника говорит о несомненном сходстве типов орудий (тесел, скребков, наконечников стрел из ножевидных пластинок) и техники изготовления их (пиление по сланцу, ретушь по рабочей части со спинки и т. д.). Близость кремневого инвентаря могильника к мезолитическим памятникам более южных областей¹⁵, а Оленеостровской стоянки к другим бескерамическим стоянкам Карелии и к могильнику (по типам орудий) позволяет высказать предположение о принадлежности того и другого памятника к одному этапу развития каменной индустрии, но на разных его ступенях; стоянка представляет более позднюю ступень.

¹¹ Там же, стр. 42.

¹² Там же, стр. 41.

¹³ Г. А. Панкрушев. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений. «Новые памятники истории древней Карелии». М.—Л., 1966, стр. 40.

¹⁴ Г. А. Панкрушев. Племена Карелии..., приложение IV, табл. 6, 7.

¹⁵ Там же, стр. 39—40; Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник, стр. 23, 99, 100, 104, 116, 250—255.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ	Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АО	Археологические открытия
БКИЧП	Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	Государственный Исторический музей
ИВГО	Известия Всесоюзного географического общества
ИЭ	Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая
КИЧПЕ	Комиссия по изучению четвертичного периода Европы
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии
МАЭ	Музей антропологии и этнографии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
Прады	Працы архэалягічнай камісіі, Менск
РАНИОН	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО	Российское археологическое общество
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СЭ	Советская этнография
УЗМГУ	Ученые записки Московского государственного университета
УЗПУ	Ученые записки Пермского государственного университета
ЦЧО	Центральная черноземная область
CIS	Congressus Internationalis Speleologiae
ESA	Eurasia septentrionalis antiqua
SMYÄ	Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

О. Н. Бадер. Древнейшее заселение Северной Европы человеком в свете новых данных	3
Э. А. Абрамова. Микронуклеусы в палеолите Енисея	14
Н. М. Ермолова. К изучению фауны млекопитающих палеолита Енисея (верхнепалеолитическая стоянка Кокорево I)	22
И. В. Гаврилова. К вопросу о взаимоотношении галичской культуры и Галичского клада	25

II. Полевые и лабораторные исследования

Б. Г. Ерицян, С. А. Семенов. Новая нижнепалеолитическая пещера «Ереван»	32
М. М. Мансуров. О находке ручных рубил в Западном Азербайджане	37
В. П. Любин, Н. И. Бурчак-Абрамович, М. Н. Клапчук. Кепшинская пещера и вопросы палеогеографии плейстоцена Сочинского Причерноморья	40
В. Е. Щелинский. Широкий мыс — позднепалеолитическое местонахождение на Черноморском побережье Кавказа	49
Г. В. Григорьева. Новые позднепалеолитические памятники Северной Молдавии	56
Л. М. Тарасов. Статуэтка из Гагарино	63
А. П. Черныш. Исследование стоянки Оселивка I в 1966—1967 гг.	68
М. Г. Косменко. Вторая Деуковская мезолитическая стоянка на р. Ик	78
Л. В. Кольцов. Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.).	87
Н. Н. Гурина. Новые исследования в северо-западной части Кольского полуострова.	94
П. М. Долуханов. Геологический возраст стоянок на Рыбачьем полуострове.	100
Н. Д. Праслов. Памятники каменного века южных Ергеней	102
В. П. Левенок. Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР.	108
И. М. Тюрина. К вопросу о неолите Смоленщины	115
Р. В. Козырева. Стоянка Ильинский Остров в Архангельской области	120
Ю. В. Титов. Неолитическая культура сперрингс в Карелии и Финляндии	127
В. Ф. Филатова. Комплекс орудий Оленеостровской стоянки на Онежском озере	132
Список сокращений	140

ПАЛЕОЛИТ И НЕОЛИТ

КСИА, вып. 126

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор *А. Е. Сидоренко*
Редактор издательства *Г. В. Моиссенко*
Художественный редактор *Н. Н. Власих*
Технический редактор *Т. И. Амурова*

Сдано в набор 25/XII 1970 г. Подписано к печати 26/IV 1971 г.
Бумага № 1. Формат 70×108^{1/16}.
Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 1750 экз. Тит. зак. 1665.
Т-05474. Цена 81 коп.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10